

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

**Государственное бюджетное образовательное учреждение
дополнительного профессионального образования
«Институт развития образования» Краснодарского края**

В. А. КУМΠΑН, И. К. ИНЧИЕВА

**ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ КАВКАЗА В
РОССИИ (КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ)**

Учебно-методическое пособие

Краснодар, 2016

УДК 81
ББК 81.2 - 03
И 11

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент кафедры методики преподавания истории, социально-политических дисциплин и права АППК и ППРО
Мишина И.А.,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой современных образовательных технологий ФДО Гос ИРЯ им. А. С. Пушкина
Баранникова Н.А.

И 11 История русского литературного языка и национальных языков народов Кавказа в России (Кабардино-Балкария). Учебно-методическое пособие. Краснодар, 2016, 161 с.

Авторы:

Кумпан В. А., заведующий кафедрой обществоведческих дисциплин и регионоведения ГБОУ ДПО ИРО Краснодарского края, доцент, кандидат исторических наук.

Инчиева И. К., заведующий кафедрой теории и методики филологического образования ИПКиПП КБГУ, доцент, кандидат педагогических наук

УДК 81
ББК 81.2 - 03
И 11

- © Министерство образования, науки и молодежной политики Краснодарского края, 2016
- © Институт развития образования Краснодарского края, 2016

Содержание

Предисловие	
4	
Введение	
7	
1. Исторические формы становления языков межнационального общения: теория и практика	
11	
2. Теории развития национальных процессов и этноконсолидирующая роль языков межнационального общения	
21	
3. История русского литературного языка в контексте развития российской государственности	28
4. Иноэтничные заимствования в развитии русского языка. Литературно-письменный язык русской (великорусской) народности (XIV – середина XVII в.)	
34	
5. Исторические процессы в России XIX в. и становление современных языковых форм	
55	
6. Развитие национальных языков народов Кабардино-Балкарии в XVIII – начале XXI в	
68	
7. Советская этнокультурная политика в языковой сфере	
79	
8. Социолингвистический и психолингвистический аспекты этнокультурного образования в современной школе	92
9. Психолингвистические основы лексико-семантического анализа	
105	
10. Сопоставление лексических и фразеологических единиц русского и кабардино-черкесского языков	
116	
11. Лингвистические процессы как способ обогащения лексики русского и кабардино-черкесского языков	
126	
12. Сравнительный грамматический анализ русского и кабардино-черкесского языков	145

	Заключение		
154			
	Список	использованной	литературы
158			

Предисловие

Данное учебно-методическое пособие ориентировано на учителей начальной школы, обучающихся русскому языку, и учителей русского языка общеобразовательной школы в классах с многонациональным составом обучающихся.

Неоднородность состава обучающихся, полилингвизм, присутствие русского языка только в общественной жизни, безусловно, усложняют методическую работу педагогов, особенно в контексте необходимости подготовки к Государственной итоговой аттестации в форме Основного государственного экзамена и Единого государственного экзамена. В настоящем пособии представлены теоретические, методические и практические разработки, которые направлены на формирование поликультурности школьников и являются дополнительной возможностью для повышения качества знания русского языка.

Федеральный государственный стандарт основного общего образования ориентирует педагогическое сообщество на использование практических методик лучших педагогов, расширение использования системно-деятельного подхода в образовании, при важном значении учета индивидуальности обучающихся. Конкретные методики обучения через деятельность, организованную в системе основного образования, дают возможность выходить за рамки одного предмета, используя в обучении русскому языку предметных результатов по истории, обществознанию, окружающему миру, для достижения метапредметных результатов образования. Личностные универсальные учебные действия в данном контексте становятся мотивационным ядром образовательного процесса, а этнокультурные традиции народов России дополнительным ориентиром для изучения русского языка.

Концептуальные ориентиры, представленного пособия, связаны с целевыми установками и практическими задачами развития российской государственности, отраженными в нормативно-правовых актах, относящихся к образовательной сфере и ориентированных на гармонизацию межэтнических отношений.

Конкретные цели национальной политики определяются Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Особенности данного документа и обращают наше внимание на традиции планирования и целеполагания в национальной политике в имперский период, в советском союзе и на рубеже XX–XXI веков. Развитие полиэтничности России, как существенного ресурса укрепления государственности, особую роль здесь играет русский язык, как язык межэтнического общения, способствующий повышению вертикальной социальной мобильности, взаимообогащению культур.

Концептуализация образовательных областей «русский язык и литература», «математического образования» происходит в форме распоряжений Правительства Российской Федерации, в которых отсутствует содержательная составляющая предметов, а определяются основные векторы развития. В Концепцию нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории включен «Историко-культурный стандарт», в котором даны принципиальные оценки ключевых событий прошлого, основные подходы к преподаванию отечественной истории в современной школе.

Интегративность предметов гуманитарного цикла ясно выражен в Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации: «Русский язык как государственный язык Российской Федерации является стержнем, вокруг которого формируется российская идентичность, гражданское, культурное, образовательное пространство

страны, а также фактором личной свободы гражданина, обеспечивающим возможность его самореализации в условиях многонационального и поликультурного государства». Определена проблема «система подготовки и дополнительного профессионального образования учителей русского языка и литературы не в полной мере отвечает современным требованиям в части формирования компетенций, необходимых для преподавания в многоязычной среде... Необходимо обеспечить оптимальное соотношение между теоретическим изучением языка и формированием практических речевых навыков с учетом состава обучающихся».

Освоение учебного предмета Русский язык должно предусматривать формирование межпредметных связей русского языка с другими учебными предметами (иностранными языками, литературой и др.); состав используемых текстов должен формироваться с учетом возрастных, тендерных и этнокультурных особенностей восприятия обучающихся;

В курсе Литературы при формировании списка изучаемых произведений необходимо учитывать возрастные и этнокультурные особенности обучающихся (в том числе путем включения в него произведений о жизни и проблемах современных детей и подростков, произведений авторов из числа народов Российской Федерации).

На решение обозначенных проблем и ориентировано данное учебно-методическое пособие. «Требуется разработка методик преподавания русского языка и других учебных предметов в условиях многоязычия, опирающихся на достижения современной лингвистики и теории межкультурной коммуникации».

Навазова Т. Г., к.п.н,
проректор по научной и исследовательской деятельности

ГБОУ ИРО Краснодарского края

Терновая Л. Н., к.п.н,

проректор по учебной работе
ГБОУ ИРО Краснодарского края

Введение

Конкретная реализация целого ряда документов, отражающих современное состояние и перспективы развития нашей страны, прежде всего п. 1 ст. 3 Конституции РФ: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», – является ряд федеральных целевых программ, прежде всего, ФЦПРЯ. В пункте 1.6 этого документа мы читаем: «Развитие содержания, форм, методов повышения кадрового потенциала педагогов и специалистов по вопросам изучения русского языка (как родного, как неродного, как иностранного) в образовательных организациях Российской Федерации, а также по вопросам использования русского языка как государственного языка Российской Федерации».

В рамках решения первостепенной задачи совершенствования условий для всестороннего развития русского языка как государственного языка России и как языка межнационального общения народов России программа «Развитие содержания, форм, методов повышения кадрового потенциала педагогов и специалистов по вопросам изучения русского языка (как родного, как неродного, как иностранного) в образовательных организациях в условиях многонационального состава населения и меняющейся миграционной ситуации приграничного региона» является актуальной.

Особенностью Краснодарского края является то, что он является одним из самых полиэтничных регионов России, где мирно соседствуют представители разных языковых семей. Миграционные процессы, происходившие в стране в конце XX – начале XXI веков, способствовали появлению на территории Краснодарского края различных диаспор, вследствие чего возникла проблема освоения этническими группами русского языка и проблема совместного обучения русскоговорящих детей и детей, для которых русский язык не является родным. Данная проблема достаточно успешно решается, что и дало возможность кубанским педагогам использовать свой опыт в обучении педагогов таких многонациональных регионов, как Кабардино-Балкарская Республика и Республика Дагестан.

Данное пособие подготовлено для достижения цели и задач программы.

Цель программы: развитие всестороннего применения, распространения и продвижения русского языка как фундаментальной основы гражданской самоидентичности, культурного и образовательного единства, эффективного межнационального диалога в условиях

многонационального состава населения и меняющейся миграционной ситуации приграничного региона.

Напрямую на реализацию комплексной цели ориентированы модули в рамках повышения квалификации «Многообразие культур регионов России в контексте развития русского языка как языка наднационального общения» и «Формирование этнокультурного единства в условиях многонационального состава населения».

Задачи программы:

1. Формирование языковой среды на основе использования лучших образцов русской литературы и русского литературного языка, обеспечение качества преподавания русского языка, в том числе с использованием возможностей музеев, библиотек и Центров национальной культуры.

Для решения данной задачи в преподавании указанных модулей был сделан акцент на актуализацию и разработку в преподавании русского языка методики использования возможностей регионов, муниципальных образований и населенных пунктов, в которых проводилось обучение слушателей.

2. Разработка научно-методического и учебно-методического обеспечения модернизации содержания образования с учётом поликультурного образовательного пространства, этнокультурных особенностей территории и образовательных технологий формирования предметных, метапредметных и личностных результатов в рамках учебного предмета «Русский язык» в соответствии с задачами ФЦПРЯ (2016–2020).

Были подготовлены учебно-методические материалы, данное пособие, которые ориентированные на метапредметность в преподавании русского языка, использование в образовательном процессе – международных контекстуальных знаний, истории развития русского, кабардинского, балкарского языков и языков народов Дагестана.

3. Разработка и реализация дополнительных профессиональных программ повышения квалификации учителей учебного предмета «Русский язык» для развития кадрового и методического потенциала в сфере обучения русскому языку в условиях многонационального состава населения и меняющейся миграционной ситуации приграничного региона.

В преподавании использовались методы работы со статистической, правовой информацией, достижения этносоциологии. Сложный этноконфессиональный состав населения, регионов, их расположение на

Кавказе, который является южной границей России, в контексте давления региональных и международных факторов является мощным мотивационным ресурсом к укреплению в образовательной системе роли русского языка. Осуществлялись меры по развитию навыков организации различных видов внеурочной деятельности: игровой, учебно-исследовательской, художественно-продуктивной, культурно-досуговой с учетом возможностей образовательной организации, места жительства и историко-культурного своеобразия полиэтничного региона (вариативно для регионов – участников программы и даже для отдельных муниципальных образований и образовательных организаций).

4. Сопровождение и развитие сетевых сообществ учителей по учебному предмету «Русский язык». Совершенствование условий для всестороннего развития русского языка как государственного языка Российской Федерации и как языка межнационального общения, а также продвижения русского языка, российской культуры и образования на русском языке в иностранных государствах (Абхазия, Южная Осетия).

В рамках работы над реализацией программы было создано сетевое сообщество, которое включает педагогов всех субъектов, принимавших участие в программе, в перспективе предполагается продолжение этого направления работы.

5. Создание и организация работы стажировочной площадки по научно-методическому, информационному и организационно-методическому сопровождению комплекса мероприятий с привлечением сети образовательных организаций.

Работа стажировочной площадки была обеспечена научно-методическим, информационным и организационно-методическим сопровождением комплекса мероприятий с привлечением сети образовательных организаций. Преподаватели в рамках модуля «Формирование этнокультурного единства в условиях многонационального состава населения» – три кандидата исторических наук (Краснодар и Москва), представитель объединенного издательства «Дрофа-Вентана-граф» (учебники по Отечественной истории соответствуют «Историко-культурному стандарту» как методологического ядра Концепции учебно-методического комплекса по истории России, связанной с Концепцией преподавания русского языка и литературы). Подготовлены ресурсы для построения индивидуального образовательного маршрута профессионального развития педагога, с использованием неформального повышения квалификации, ресурсов

историко-литературного туризма, направленных на совершенствование профессиональных компетентностей в части применения современных психолого-педагогических технологий, основанных на знании законов развития личности и поведения ее в реальной и виртуальной среде (виртуальные экскурсии).

6. Совершенствование технологий объективной оценки учебных и воспитательных достижений обучающихся в условиях поликультурной образовательной среды.

В преподавании модуля «Формирование этнокультурного единства в условиях многонационального состава населения» сочетались дистанционные и очные формы работы. В очной работе, наряду с лекционными формами работы широко использовался системно-деятельностный подход, работа по группам, в ходе которой слушатели курсов оказывались в инновационной среде, начиная работать над проектным продуктом. Каждый слушатель должен представить в доработанной форме один из 7 видов проектных продуктов. Оценка предоставленных проектов проводилась в соответствии с критериями:

- 1) системно - деятельностный компонент;
- 2) учет этнокультурного компонента в образовательном процессе;
- 3) соответствие ФГОС НОО и ООО;
- 4) уровень аналитичности (рефлексии) представленных материалов.

7. Выявление и трансляция накопленного инновационного опыта по обеспечению эффективности и доступности системы изучения государственного языка Российской Федерации (русского языка) как родного, как неродного, как иностранного.

В ходе подготовки, реализации «Формирование этнокультурного единства в условиях многонационального состава населения» был обобщен опыт педагогов Краснодарского края, обучены учителя начальной школы и русского языка Республики Дагестан и Кабардино-Балкарской республики с использованием системно-деятельностного метода, ими были выполнены проектные работы, лучшие из которых, как передовой опыт будут подготовлены для дальнейшей трансляции. Разработана модель метапредметной методической системы по проблемам обеспечения языковой культуры, в том числе культуры речи, культуры общения на русском языке различных этнических и субэтнических групп (казачество). Были выявлены лучшие практики и модели, обеспечивающих высокое качество обучения русскому языку как неродному на всех уровнях общего

образования, в том числе с использованием возможностей музеев, библиотек и Центров национальной культуры, с целью их распространения на всей территории Российской Федерации.

1. Исторические формы становления языков межнационального общения: теория и практика

В современной науке существует масса споров и дискуссий, которые с одной стороны отражают противоречивость окружающего мира, а с другой стороны являются исключительно проблемой восприятия учеными мира. К проблемам последнего рода можно отнести, прежде всего, терминологические споры. В данной работе мы не стремимся изобретать, либо привлекать новые понятия, которые только затруднят восприятие и без того неоднозначных процессов. Кроме того, следуя достаточно полезному принципу «о терминах не спорят, о них договариваются» мы определим основные понятия и теоретические подходы, на которых строится данная работа.

Начнем мы с наиболее часто употребляемых, но от этого только более многозначных понятий. Термин «нация» в современной науке может иметь два значения в зависимости от контекста. Первое – этническое, предполагающее стадиальность развития крупных социальных общностей. Речь идет об этапах этногенеза, основные ступени которого в историческом контексте можно определить так: род – фратрия – племя – народность – народ – нация. Второе – этатическое, т. е. постулирующее тождественность нации и государства. Данный подход традиционен для стран Запада, в которых появилась идея «одна нация – одно государство», закрепившая основной вектор их развития. Отсюда тождество понятий государственная политика и национальная политика.

В работе словосочетание «национальная политика» употребляется в обоих смыслах. Мы используем его одновременно в обоих смыслах: как обозначение системы мероприятий, проводимых государством, и как управление полиэтническим населением, каждая часть которого уже стала нацией или потенциально может в таковую превратиться, т. е. создать собственное государство. Авторы исходят из того, что основной вектор национальной политики представляет собой объективацию общественной воли в регионе с полиэтническим населением.

Самым давним спором в науке можно считать выяснение первичности взаимообусловленных явлений. Невозможно ответить на вопрос о том, что было раньше «яйцо или курица». И рассматривая

национальную политику, мы наталкиваемся на подобную ситуацию. Государство формирует нацию или нация, реализуя свое право на самоопределение, создает государство. Очевидно, что ответ на этот вопрос в сфере теории невозможен и в реальности зависит от конкретно исторической ситуации. Не вдаваясь в теоретические дебаты, и не воспроизводя научную полемику по данной проблематике, отметим наиболее яркие позиции. Как отметил Э. Хобсбаум, не следует преуменьшать роли государства в создании нации, «нации чаще всего представляют собой следствие образования государства, а не его причину». Противоположная позиция сформулирована И. А. Балашевым: «Каждая народность стремится неодолимо вылиться в определенную форму государства, и эти два понятия настолько близки, что трудно даже отделить одно от другого».

Понятие национальная политика используется нами инструментально как «комплекс мер, проводимых властями в религиозной, образовательной и законодательной областях», как особый вид социально-правовой деятельности, направленной на работу со «специфическими национальными потребностями людей».

Существует еще одно понятие, на котором следует остановиться – «национальный вопрос».

«Национальный вопрос – это вопрос об освобождении угнетенных народов, о ликвидации национального гнета и обеспечения свободного самоопределения народов, о завоевании юридического, а затем фактического равенства наций, народностей, о преодолении межнациональной розни и недоверия между народами» – вот определение, от которого мы оттолкнемся. Это определение дается через отрицание угнетения народов, неравенства наций, межнациональной розни и недоверия. Таким образом, мы видим, что эти негативные характеристики включены в национальный вопрос, они неотъемлемая его характеристика, берущая свое начало в характеристиках человека, как биологического вида. Можно и должно утверждать формальное равенство людей, народов и государств, но следует четко понимать, что фактическое равенство недостижимо и более того вредно. Специализация, учет особенностей более важны.

Одна из сущностных характеристик любого государства – «формирование им своеобразной целостности социально-территориальной

системы» и распространение на все регионы в ее составе и их население «наиболее общей и унифицированной системы ценностей. Данная характеристика изначально ведет к противодействию отдельных этнических групп». Конфликт этнического многообразия и унификаторских устремлений государства заложен в природе вещей.

Остановимся на том, что основная задача национальной политики состоит в эффективном управлении обществом и обеспечении *полноправия* всех граждан государства, безотносительно к национальной принадлежности. Необходимо, так же учитывать этнопсихологические особенности, препятствуя антигосударственной консолидации, на какой бы основе она не происходила. Не подлежит сомнению, что национальная политика на всех этапах должна «включать в себя выявление и учет объективных противоречий между интересами различных национальностей и поиски, и разработку оптимальных путей для преодоления этих противоречий».

При этом можно выделить характеристики как стратегических, так и тактических целей:

1) Цель должна соответствовать потребностям общества и соотноситься с государственным устройством.

2) В обществе должны существовать механизмы реализации: идеология, законодательство, социальные институты.

3) Не в последнюю очередь необходимо ресурсное обеспечение – кадровое, интеллектуальное, финансовое.

4) Экологической рамкой, гарантирующей реализацию цели, является ее соответствие международным стандартам. Предполагается, что если эти условия будут соблюдены, то цель достижима.

М. Кругов справедливо замечает, что до середины XX в. целеполагание в государственной политике покоилось в большей степени на интуиции, но при этом следует учитывать, что достижение цели свидетельствует о ее верной постановке, при несоблюдении указанных условий цель просто не могла быть достигнута. Что было чревато созданием конфликтных ситуаций.

Характеризуя конфликты, следует иметь в виду, что:

1) Конфликт принципиально может возникнуть в любой социальной системе, и, более того, в любом ее структурном компоненте.

2) Внутри – и межсистемная взаимосвязь в обществе приводит к тому, что зачастую конфликт в одной сфере отражается на другой и даже на всем социуме. (Например, экономический и политический кризисы обостряют межэтнические, меконфессиональные отношения).

3) Тесная взаимосвязь социальных институтов может привести к трансформации конфликта в иную форму (например, экономический в межэтнический).

Современная политология знает ряд видов политики государств в отношении полиэтничного населения. Данная типология носит системный характер, и в ходе исторического развития одно и то же государство могло придерживаться той или иной.

1. **Ассимиляция** (от лат. «уподобление, слияние»). В основе данной политики лежит стремление к поглощению одного этноса другим. Идеологический базис данной политики предполагает своеобразную «лестницу культур» и убеждение в том, что культура – субъект ассимиляции лучше культуры – объекта.

2. **Интеграция** (от лат. «целый»). Проведение данной политики предполагает своеобразное слияние двух или более этносов, в результате чего формируется третий, принципиально отличающийся от материнских.

3. **Фузия** (от лат. «сплавление»). Данная политика (может быть и результатом) предполагает комбинацию черт двух или более этносов, причем у носителей сохраняется самоидентификация с исходными, материнскими народностями.

4. **Плюрализм** (от лат. «множественный»). Национальная политика данного вида – политика равенства всех этносов. Может характеризовать как объединение, так и разъединение в рамках социального организма ранее существовавших народов.

5. **Сегрегация** (от лат. «отделение»). Политика, построенная на сохранении существующих групп в первоначальном виде. Может лежать в ее основе представление об иерархии культур либо, напротив, – об их равноправии.

Несмотря на сложившуюся в советской историографии традицию противопоставления народа и правительства, отметим, что бюрократия, состоящая из представителей народа, определенным образом выражает его интересы. Как писал И. Солоневич, «русский империализм наделал достаточно ошибок. Но общий стиль, средняя линия, правило заключалось в том, что человек, включенный в общую государственность, получал все права этой государственности... В Англии было много свобод, но только для англичан. В России их было меньше, но они были для всех».

Для Российской империи в рассматриваемый период взаимосвязь между бюрократией и нацией, по мнению Д. А. Шевкуленко, была «односторонней», и понятие «национальный вопрос» было тождественно понятию «национальная политика властей». Соглашаясь, в общем, с данной характеристикой, отметим, что в рамках российской государственности пореформенного периода была разработана система мер, которые позволяли имперскому организму учитывать и реализовывать потребности отдельных этносов. Э. Таден, на наш взгляд обосновано предложил освободить понятия «русификация» от традиционной негативной эмоциональной окраски.

По мнению В. И. Козлова, взаимодействие государства и проживающих на его территории этносов носила повсеместно двойственный характер. Основным вектором национальной политики было стремление к «большей этнической однородности своих подданных», т. е. поддержка «консолидационных, ассимиляционных или интеграционных процессов» и даже, пожалуй, их создание. Этноты же со свою очередь стремились через посредство своей элиты к образованию собственной автономии, либо даже государственности. Конфликты ценностей и целей онтологичны, они существовали, и будут существовать. Главная цель государства – «гибкой, целенаправленной, учитывающей особенности этнических сообществ политикой не допускать противостояние до антагонизма». Очевидно, что «последовательно усиление и обособление окраин привело бы раньше или позже к распаду империи».

В реальной политике реализация любого из этих сценариев требовала длительного времени и продуманной системы мер, особенно это относится ко второму варианту. Обосновано мнение В.П. Булдакова: «предпосылки нынешнего местного национализма были созданы большевиками, даровавшими этносам псевдогосударственность».

Большое влияние на цели национальной политики оказывает и то, к какому типу относиться государство. Их можно выделить три:

1. Моноэтнические государства. Население относится к одному народу, на территории подобных государств либо был реализован принцип «одна нация – одно государство». Либо однородность населения – результат целенаправленной политики правительства.

2. Централизованные этнические системы. Полиэтнические государства, в которых один или несколько этносов преобладают численно и доминируют, предъявляя претензии на контроль и даже подчинение административных институтов. Любопытную аномалию представляют собой общественные системы, где этнос численно меньший управляет или претендует на управление численно большим в силу исторических судеб либо в силу «титულიности».

3. Дисперсные этнические системы – общества, в рамках которых существует много этносов, которые в силу малочисленности не могут претендовать на доминирующую роль.

Российская империя относилась к первому типу, и царизм стремился распространить эту особенность и на вновь присоединяемые регионы.

Мы можем говорить, что в государстве может существовать этнократическая административная практика, в рамках которой предполагается замещение управленческих должностей представителями определенного этноса, либо этноплюралистическая традиция, когда национальная принадлежность не влияет на участие в управлении государством. Для России, на наш взгляд, была характерна вторая. Общеизвестным является факт, что более половины дворянства Российской империи были не русскими.

Теоретически во второй половине XIX в., как отмечает О. Бауер, могло проводиться два вида национальной политики: «Консервативно – националистическая» и 2. «Эволюционно-национальная – планомерное взаимодействие с целью привлечения всего народа к участию в национально-культурной общности и распространения на него сплавляющего в общность характера влияния культуры...». К Российской империи применимо, в большей мере, второе определение.

Важным представляется «определение ее конечной – стратегической цели, а затем определение этапов и средств ее достижения», т.е. тактики.

Наряду со стратегией национальной политики важно также исследование тактики, или технологии, реализации основных целей. Можно согласиться с мнением о том, что «в контексте национальных отношений представляется целесообразным трактовать технологию как способ построения определенной системы управления национальными отношениями с целью их гармонизации при условии сохранения традиционной системы ценностей». Расширяя данное определение, отметим, что в понятие тактики национальной политики правомерно включить систему мер по социально - экономическому и культурному воздействию и регулированию взаимодействия в полиэтничном обществе.

Объект управления в сфере реализации национальной политики – этносы, на которые направлены «организованные, систематические, планомерные действия субъекта управления, т.е. бюрократического аппарата. С точки зрения компаративного подхода его можно рассматривать с двух позиций: 1) элементарно-структурная (совокупность носителей этнического сознания внутренне социально организованная); 2) функциональная (как экстерииоризация национального менталитета и влияние поведения носителей его на окружающую социальную систему).

Учитывая важность национального вопроса, не следует абсолютизировать его роль, как это делает Э. А. Поздняков, считая, что именно «национализм стер с лица карты земли» Российскую империю.

Другая крайность – восприятие представителей этнического меньшинства как нуждающегося в «опеке и руководстве», соответственно предоставление им больших льгот, чем имеют обычные граждане – т. н. «комплекс белого человека».

Достаточно важную роль в проведении национальной политики играет степень согласованности этнических стереотипов поведения представителя государства и объекта управления, носителя этничности.

При обычном общении и уж тем более при административном взаимодействии в рамках схемы «господство – подчинение» может возникнуть «культурный шок – это конфликт двух культур на уровне индивидуального сознания». Для преодоления данной проблемы на личном уровне необходимо больше общаться с представителями другой

культуры, больше о них узнавать. На государственном уровне можно выделить ряд способов разрешения этого конфликта:

1. Геттоизация. Создание анклавов в иноэтнической среде. Культура сохраняется.

2. Ассимиляция. Утеря этнической первичной самоидентичности и восприятие новой.

3. Промежуточный – культурный взаимообмен.

4. Частичная ассимиляция. Восприятие нового стереотипа поведения при сохранении сфер социального бытия, где проявляются первичные стереотипы.

5. Колонизация. Разновидность ассимиляции, когда автохтонному населению транслируются новые ценности, нормы и модели поведения.

В середине XX в. были названы три основные условия уменьшения этноцентризма, т.е. национальной политики, направленной на гармонизацию межэтнических отношений: 1. Равный статус народов. 2. Поддержка властями межэтнических контактов, «т.е. создание благоприятной социальной атмосферы. 3. Постановка общих целей. Но даже соблюдение этих условий не дает автоматически благоприятного результата, и для его достижения необходимо время, т. к. должны измениться достаточно глубокие стереотипы.

И если «этнические константы являются неизменными на протяжении всей истории этноса и едиными для всех членов этноса, и на основании одних и тех же этнических констант могут формироваться отличающиеся друг от друга этнические картины мира», то национальная политика направлена на изменение последних в направлении сближения ментальных пространств. И если «каждый народ видит мир особым образом», то цель национальной политики любого государства состоит в сближении мирозерцания этносов.

«Характер этноса это не только совокупность черт их психики, их потребности, интересы, установки, ценностные ориентации, убеждения и идеалы, которые, в конечном счете, определяют направленность самого характера, но и система, методы и приемы достижения этих целей, что во многом зависит от темперамента и нравственных принципов».

Наиболее надежным критерием для выделения этноса служит, по мнению К. П. Иванова, «не язык, не религия, а стереотип поведения». «Русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни». Данный вывод – новшество в отечественной науке, и уместно будет заметить, что язык, как и религия, включаются в стереотип поведения. В национальной политике, действительно, зачастую мероприятия ставили своей целью изменение стереотипа поведения у отдельных народов. Но в дореволюционной России при управлении учитывали объективные черты данного явления – религия (например, условия изменения иудаизма на христианство для изменения правового положения евреев) или правосознание (например, комплекс мер по борьбе с абречеством у горцев как социально приемлемым поведением).

Представляется очевидным, что главной задачей после присоединения к государству, в том числе и Российской империи, региона «... состояла в том, чтобы обеспечить управление им и увековечить там свое господство». Политику, которая проводилась там, неверно было бы определять как не национальную, а лишь региональную и областную, т.к. она поневоле должна была и учитывать этничность новых подданных.

В основе этнической политики лежат, как правило, кроме рациональных мотивов и иррациональное чувство – национализм. Можно выделить следующие типы национализма:

1. Национализм этнический – национализм угнетенного этноса, борющегося за свое самоопределение. Существует соответствующая идеология.

2. Бытовой национализм выражается обычно в ксенофобии и проекции собственного антиидеала на «иного».

3. Национализм державно государственный присущ этносам, имеющим свою государственность. Крайняя степень – шовинизм.

Достаточно сложно методологически выделить собственно национальный фактор и национальную политику из социальной жизни. П.Сорокин отмечает: «Выкиньте из «национальных» причин причины религиозные, сословные, имущественные, профессиональные, «бытовые» и т.д. – и из «национальных» ограничений не останется ничего». Очевидны аргументы против подобных редукций, они могут быть применены к

любому аспекту социального бытия, который может сводиться, в конечном счете, к биологическим рефлексам. А совокупность всех указанных черт и составляет национальную оригинальность. Здесь мы видим новую редакцию вопроса о соотношении количества и качества, и при множестве взглядов на проблему этничности сложно говорить об онтологичности национальности без разделения ее на духовную и материальную культуру и т.д. И не всегда «историческая реконструкция должна в целом соответствовать... порядку изучения предмета от элементарного к высшему». Не менее правомерен в общественных науках и дедуктивный путь, которого мы придерживаемся, начиная с изучения общеполитического фона в исследовании национальной политики. Правительственные чиновники, будучи людьми, достаточно образованными, существовали в общероссийском ментальном пространстве и действовали в соответствии с существовавшими в нем парадигмами, и наоборот, философы чутко улавливали сущность общественного бытия, в том числе и в рассматриваемом вопросе.

В отечественной исторической науке сложилось две позиции в исследовании взаимоотношений между обществом и государством. Первая связана с именем Н. М. Карамзина, для которого понятия общества и государства тождественны. Вторая сформулирована государственной школой и предполагает разграничение, и даже противопоставление общества и государства. Мы считаем, что данные позиции сочетаются как тезис и антитезис, истина же – синтез. Как отмечал И. А. Ильин, государственное устройство – «это не одежда», не случайность, но, как и политика, выражение духа народа, «строение тела, это его костяк...».

Следует рассматривать взаимодействие общества и государства, не противопоставляя их. Государство, на наш взгляд – объективирует идею, заложенную в народной жизни.

Удачность «равно статусного деления» России в дореволюционный период способствовала «этнической деполитизации страны». Переход от национально - территориальных автономий к национально - культурным, не связанным с управленческой деятельностью, можно, на наш взгляд, считать оптимальным для современной России.

Уже в 1912 г. В. К. Медем указывал на нецелесообразность территориального решения национального вопроса. Хорошо если население какой-либо территории отождествляет себя с нацией, «с одной

нацией, – титульной, по современной терминологии, – если наций на данной территории две или несколько, автономия не решает вопрос, а только отодвигает его...».

В. С. Дякин считал, что процесс стирания различий между колониями и метрополиями характерен для всех континентальных империй. Население, принадлежавшее прежде к разным этносам, уравнивается в правах, «происходит его диффузия и метисизация». Историк отвергал существование документов и принципов, общих для российской национальной политики: «она формулировалась всегда применительно к конкретным конфессиям и народам на том или ином этапе». Именно эта особенность побуждает нас обратиться к анализу литературы и документов эпохи для выявления общей стратегии национальной политики.

Действительно Россия, в отличие от большинства империй, представляла собой единое целое. Невозможно отделить в Российской империи колонии от метрополии, а население присоединяемых территорий становилось частью сословной структуры государства. Особенно ярко иллюстрирует этот тезис этнический состав российского дворянства, в котором более 50 % - не русские по происхождению.

Вопросы для самоконтроля

1. Охарактеризуйте основные понятия, связанные с изучением национальной политики.
2. Выделите ведущие направления в изучении национальной политики.
3. Какие виды национальной политики существуют?
4. В чем различие между полноправием и равенством в правах?
5. Охарактеризуйте основные требования к целеполаганию в национальной политике.
6. Назовите основные разновидности национализма.
7. В чем специфика национального вопроса в Российской империи?

2. Теории развития национальных процессов и этноконсолидирующая роль языков межнационального общения.

Практическая работа с текстами: 1. Р. Ле Коадик. Мультикультурализм; 2. «Британский премьер осудил политику мультикультурализма»; 3. В. М. Соломатина. Реферативный обзор монографии: Чертина З. С. Плавиный котел?: Парадигмы этнического развития США»

1. Ронан Ле Коадик

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

фрагменты статьи;

Этапы

Можно считать, суммарно, что развитые страны с момента окончания Второй мировой войны пережили последовательно три «идентификационных волны», т. е. три периода, когда различные группы требовали, в более или менее конфликтной форме, признания их культурных особенностей.

Первая из этих волн – этническое возрождение (*ethnic revival*), или подъем этнонационализма, по выражению Э. Смита. Она продолжалась с конца 1950-х до конца 1970-х гг. и часто осмысливалась в терминах деколонизации. Ею были охвачены Канада (Квебек), США (движения афроамериканцев, индейцев и латиноамериканцев), Западная Европа (движения басков, каталонцев, бретонцев, шотландцев, гэлльцев и фламандцев), некоторые страны Восточной Европы (Югославия, Румыния, Польша) и часть СССР. Она возникла одновременно с развитием феминистских и экологических движений, что позволило А. Турену рассматривать ее как одно из «новых социальных движений».

Вторая «идентификационная волна» пришла на 1980-е г., когда после второго нефтяного кризиса разразился кризис экономический, и охватила преимущественно иммигрантское население. Действительно, трудовая иммиграция, временная и состоящая фактически полностью из мужчин, уступила место миграции на постоянное место жительства, включающей мужчин, женщин и детей. В ситуации замедления экономического роста и увеличения доли безработных иммигранты и их дети часто становятся объектом дискриминации. Это подталкивает их к поиску и поддержанию внутри своей культуры тех ресурсов, которых они не находят в принимающем обществе.

Наконец, третья «идентификационная волна» нахлынула в 1990–2000 гг. Ее суть состоит в утверждении существования, вопреки тенденции глобализации общества, нестираемых различий и требовании их публичного признания. Эти требования выдвигаются в периферийных регионах и от имени национальных меньшинств, которые защищают и возвышают свою культурную специфику, но особенно среди иммигрантов и их потомков. Последним кажется, что идентичность может быть, в широком понимании этого слова, средством сплочения категорий населения, испытывающих острое экономическое и социальное неравенство».

Политические практики

Различные формы мультикультурной политики осуществляются в разных странах мира на протяжении десятилетий. Кратко охарактеризуем здесь некоторые из них с точки зрения практической пользы, прежде чем перейти к обсуждению других возможных вариантов.

Примеры

Индия

Индию можно считать одним из первооткрывателей мультикультурализма, поскольку уже в 1950 г. в ее конституции предпринята попытка одновременно учесть культурное многообразие страны и привнести нормы западной демократии. Индийский союз признает языковое многообразие населения: хинди является официальным языком федерального государства наряду с английским и полутора десятками других языков, которые имеют официальный статус в штатах, где на них говорит большинство населения. Кроме того, в школах практикуется преподавание на трех языках: дети учатся на официальном языке их штата (бенгали в Западной Бенгалии, например) и изучают наряду с этим два официальных языка страны – хинди и английский. Индийский союз признает также религиозное многообразие населения: статус нерабочих дней имеют пять индуистских, четыре мусульманских, два христианских, один буддистский, один джайнистский и один сикхский праздники. Федеральное государство пытается даже соблюсти юридический плюрализм, признавая роль и нормы юридических институтов различных общин. Наконец, оно обеспечивает представительство внесенных в реестр племен и каст, резервируя для них места в парламенте.

Малайзия

В Малайзии на протяжении уже 30 лет существует «позитивная дискриминация» (*affirmative action*), напоминает следующая выдержка из Всемирного доклада о человеческом развитии – 2004:

В момент обретения независимости, в конце 1950-х гг., малайцы, так же как другие группы коренного населения (*Bumiputera*), составляя численное большинство, экономически сильно отставали от китайского меньшинства. Малайцам принадлежали лишь 10% предприятий и 1,5 % вложенного капитала. Конституция предоставила гражданство проживавшим в стране китайцам и индийцам и в то же время наделила малайцев особыми правами на владение землей, занятость в сфере государственной службы, образование и коммерческую деятельность. После межэтнических столкновений в мае 1969 г. государство приняло Новую экономическую политику с целью «искоренения бедности среди всего населения и реструктуризации малазийского общества, с тем чтобы сократить, а в конечном итоге исключить любое отождествление расы с экономической деятельностью или географическим размещением посредством быстрого развития экономики». Правительство установило для малайцев квоты в сфере коммерческого лицензирования и владения капиталом, а также предоставило им специальную помощь в форме кредитов, обучения и производственных помещений. Оно также обеспечило акциями частных предприятий *Bumiputera*, с тем чтобы достичь их 30 % представительства среди акционеров.

Канада

Канада – первая страна в мире, где официально открыто провозглашена, в 1971 г., политика мультикультурализма. Она предусматривает программы и службы, направленные на поддержку этнокультурных ассоциаций и помощь меньшинствам в преодолении препятствий, которые мешают их полноценному участию в жизни общества. В 1982 г. мультикультурализм стал конституционной нормой благодаря принятию «Канадской хартии прав и свобод», а вслед за ней специальных законов, призванных «способствовать признанию и взаимному уважению различных культур, существующих в стране, а также поощрять их выражение и открытое появление в обществе»

Австралия

Австралия позаимствовала идею мультикультурализма у Канады в 1973 г., когда лейбористское правительство опубликовало документ, озаглавленный «Мультикультурное общество – общество для будущего». В последующие годы были приняты различные меры, направленные на развитие многоязычия в СМИ, создание так называемых «этнических» школ и борьбу против дискриминации в отношении иммигрантов и расовых меньшинств. В 1978 г. доклад федерального правительства Австралии, посвященный обустройству иммигрантов и деятельности государственных служб, ответственных за работу с иностранцами, поставил вопрос о необходимости мультикультурной политики социальной помощи, а в 1989 австралийское государство официально стало мультикультурным. Оно признает за всеми представленными в стране этническими группами право на сохранение их уникальной культуры и обязуется предоставлять им помощь для реализации этой цели. Отныне иммигранты, прибывающие в Австралию, должны интегрироваться в гражданское общество и уважать принятые в нем правила, но не обязаны более следовать нормам этнического большинства.

Швеция

Швеция официально приняла в 1975 г. мультикультурализм, который, согласно М. Вевьорке, «основан на трех базовых принципах:

- ✓ одинаковый уровень жизни для групп меньшинств и остального населения страны;
- ✓ свободный выбор между этнической идентичностью и шведской культурной идентичностью;
- ✓ наконец, партнерство, что в данном случае означает обеспечение таких взаимоотношений в профессиональной сфере, которые позволили бы каждому пользоваться преимуществами, которые предоставляет совместная работа».

Отметим, кроме того, что в Швеции право на участие в общественной деятельности распространяется также на неграждан: существует специальный статус иностранца, имеющего право жить в стране, т. е. «полунатурализация». Наконец, было найдено решение, позволяющее предоставить автономию народу саами, территория традиционного обитания которого разделена между несколькими странами: для этой цели Финляндией, Норвегией и Швецией совместно был создан Совет по делам саами.

Южная Африка

Начиная с 1995 г. новая Южноафриканская Республика преобразует негативную дискриминацию апартеида политикой позитивной дискриминации (*affirmative action*). Речь в данном случае идет не о защите прав меньшинств, а о восстановлении в правах большинства населения. «К моменту окончания эпохи апартеида в 1995 г., – говорится в докладе PNUD, – «белые составляли 13% населения, и на их долю приходилось 59% доходов физических лиц; африканцы, составлявшие 76% населения, получали 29% доходов. (...) Пришедшее на смену правительству апартеида демократическое правительство ввело в действие разнообразные программы, направленные на сокращение неравенства.» Четырьмя основными направлениями этой деятельности стали: государственная служба, экономика и социальная сфера, налоговый и финансовый сектор и представительство в выборных органах.

США

В США широко развита политика мультикультурного образования: история и культура различных стран и обоих полов изучаются в течение всего школьного курса, а престижные университеты (Гарвард, Колумбия, Принстон или Йель) в обязательном порядке знакомят студентов с незападными культурами.

Кроме того, движение «политкорректности» (*political correctness*) «выступает за большую терпимость к человеческому многообразию. (...) С одной стороны, речь идет о борьбе против выражений, определений и высказываний, носящих уничижительный характер (...) ; С другой стороны, об «усовершенствовании» языка за счет обогащения его новыми терминами взамен тех, которые могут нанести символическую травму». Наконец, существуют различные формы «позитивной дискриминации». Это, в частности, квотирование рабочих мест, резервируемых для членов некоторых общин, набор студентов и преподавателей из числа меньшинств в некоторые университеты, учет этнических критериев при нарезке избирательных округов и пр.

2. Британский премьер осудил политику мультикультурализма (5 февраля 2011).

Премьер - министр Великобритании Дэвид Кэмерон признал провальной политику мультикультурализма. Об этом сообщает Agence France - Presse со ссылкой на текст его речи, которая будет прочитана 5 февраля на Мюнхенской конференции по безопасности.

По словам Кэмерона, толерантность, основанная на невмешательстве в дела тех, кто отвергает западные ценности, себя не оправдала. Необходимо перейти к «мускулистому либерализму», при котором национальная идентичность формируется за счет демократии, равных прав, главенства закона и свободы слова. В качестве одной из мер глава правительства предлагает лишить финансовой поддержки и изгнать из университетских городков организации, которые имеют вес в мусульманском обществе, но не определились с западными ценностями.

В рамках доктрины государственного мультикультурализма, объясняет премьер - министр, британские власти поощряли раздельное сосуществование культур. Это привело к недостатку национальной идентичности, что, в свою очередь, спровоцировало интерес молодых британских мусульман к экстремистским идеям. Кэмерон, однако, проведет четкую грань между исламской религией и идеологией исламского экстремизма.

«Если мы хотим преодолеть эту угрозу (исламский экстремизм), я думаю, пора перевернуть страницу с провалившимися методами прошлого», - заявит Кэмерон на конференции.

Напомним, в октябре 2010 года с похожими заявлениями выступила канцлер Германии Ангела Меркель. Она признала провал мультикультурной модели и потребовала от иммигрантов учить немецкий язык и интегрироваться в немецкое общество.

**3. В.М. Соломатина. Реферативный обзор монографии:
Чертина З.С. Плавильный котел?: Парадигмы этнического
развития США / РАН., Ин - т всеобщей истории.**

М., 2000 фрагмент;

«Развитие американской нации пошло по иному пути, по пути реализации идеи «плавильного котла», ставшей одной из главных парадигм этнического развития США и национальным символом страны XX столетия. Предполагалось, что в свободном демократическом обществе люди будут стремиться жить среди расово – и этнически смешанных соседей, с различными жизненными установками и образом жизни, создав со временем гомогенную группу с целью мирного существования в независимости от их истории. В соответствии с данной парадигмой формирование американской национальной идентичности должно было идти по формуле «сплавления», «смешивания» всех народов, при этом

предполагалось как их культурное, так и биологическое смешение. Однако, считает автор, «эта концепция имела апологетический характер» в том смысле, что она отрицала наличие каких бы то ни было конфликтов в обществе – социальных и этнических». Жизнь в дальнейшем показала, насколько сложным оказался путь вживания эмигрантов в американское общество, а многие положения не были реализованы на практике и оказались мифом. Наряду с биологической ассимиляцией происходила социальная и культурная, но её развитие сдерживалось расовой дискриминацией, этническими предрассудками и предубеждениями. «Плавильный котел» работал медленно, со сбоями, хотя объективные условия существуют и сегодня. Позднее «плавильный котел» был заменен новой парадигмой – «культурным плюрализмом», согласно которой необходимо не сплавление этнических групп и национальных меньшинств в стандартизированную массу, а сохранение культурной самобытности, включая язык и образование, культурное наследие и народные традиции. ... В 60–70-е годы проблема межэтнических и межрасовых отношений в США стала болевой точкой всей общественно политической жизни страны. В результате углубления социальных процессов резко активизировалась борьба национальных меньшинств за гражданские права и против всех видов дискриминации (негритянские бунты, выступления индейцев, пуэрториканцев и т.д.). В 90-е годы появились новые подходы к рассмотрению перспектив развития американской нации. Сложился новый тип модели – плюралистической интеграция, т.е. сплав модели ассимиляционного пути и плюралистической модели».

Вопросы:

- 1) Как Вы понимаете термин «мультикультурализм»?
- 2) Что такое «идентификационные волны»? Как можно объяснить их периодизацию?
- 3) Охарактеризуйте мультикультурные политические модели, применяемые в различных странах. Какие их элементы представляются Вам наиболее эффективными?
- 4) Как Вы считаете, какие причины обусловили в начале второго десятилетия XXI в. высказывания первых лиц европейских государств (А. Меркель, Н. Саркози, Д. Кэмерона) о кризисе политики мультикультурализма?
- 5) Охарактеризуйте модель «плавильного котла», используя материалы реферативного обзора монографии З.С. Чертиной.

3. История русского литературного языка в контексте развития российской государственности

Периодизация развития российской государственности и русского литературного языка – это деление процесса исторического развития русского литературного языка на основные, качественно отличающиеся друг от друга и вместе с тем сохраняющие между собой преемственность временные отрезки (периоды, этапы) в соответствии с объективными закономерностями жизни языка. Притом такое деление должно осуществляться в неразрывной связи с историей народа, с историей обслуживаемого им общества. В результате создание обоснованной, адекватно построенной периодизации в соответствии с названными принципами явилось бы одной из важных реализаций методологической основы построения истории русского литературного языка.

Е.Г. Ковалевская, справедливо отмечает: «Единой, принятой всеми исследователями периодизации истории русского литературного языка нет, но к вопросу периодизации обращались исследователи с начала XIX в.». Более того, почти каждый автор считал возможным строить свою периодизацию.

Для краткости рассмотрим лишь две периодизации в пособиях А. И. Горшкова и Н. А. Мещерского.

В книге Н. А. Мещерского содержится ряд заслуживающих внимания замечаний в адрес периодизации, предложенной А. И. Горшковым. Суть их сводится к тому, что, с точки зрения Н. А. Мещерского, в периодизации А. И. Горшкова некоторые периоды слишком дробны и не всегда соответствуют происшедшим действительно крупным историческим переменам в жизни русской народности, а затем и нации .

В последней своей работе – учебном пособии для вузов «Теория и история русского литературного языка», по-видимому, учитывая критические замечания Н. А. Мещерского, Л. И. Горшков несколько изменяет свою прежнюю периодизацию, делает ее менее дробной и вводит в нее две эпохи – донациональную и национальную, которые в свою очередь делятся на более короткие отрезки – периоды. Вот эта периодизация:

I. Эпоха донационального развития русского литературного языка.

1. Литературный язык древнерусской народности (XI – начало XIV в.).

2. Литературный язык великорусской (русской) народности (XIV-XVII вв.).

II. Эпоха национального русского литературного языка.

1. Формирование национального русского литературного языка (от середины – второй половины XVII в. до Пушкина).

2. Развитие русского литературного языка в период от Пушкина до начала XX в.

3. Развитие русского литературного языка в советскую эпоху.

По мнению же Н. А. Мещерского, «наиболее рационально выделение лишь двух, главных и основных периодов развития русского литературного языка: периода донационального и периода национального». Притом, с точки зрения Н. А. Мещерского, национальный период охватывает «развитие русского литературного языка в собственном смысле этого термина, как национального языка русской нации, начиная примерно с середины XVII в. по наши дни».

Обе эти периодизации, хотя и несколько по-разному, но в целом объективно отражают реальность исторического развития русского литературного языка. И все же они нуждаются в уточнениях, которые, по нашему мнению, смогли бы послужить основой для построения единой и наиболее адекватной периодизации. В связи с этим укажем на четыре главных момента.

Во-первых, необходимо четко и определенно уяснить один важнейший принципиальный вопрос, а именно: с какого времени русская (великорусская) народность становится нацией и – соответственно – с какого времени русский литературный язык правомерно называть национальным? Отвечая на него, следует отметить: в исторической науке установилось общепризнанное мнение о том, что русская народность в полной мере складывается в нацию к середине XIX в.

Национальный литературный язык обслуживает именно нацию, а не какую-либо другую историческую общность людей. Следовательно, о русском литературном языке как языке национальном можно говорить только с середины XIX в. Некоторые же авторы, в том числе и Н. А. Мещерский, понятие «национальный литературный язык» неправоммерно хронологически расширяют и возводят его вплоть до XVII в. включительно.

Важно иметь в виду, что нация – это такая историческая общность

людей, которая на базе народности возникает и складывается лишь в капиталистическую эпоху. Для феодальной же формы нации, как известно, нации вообще не свойственны. Разумеется, процесс превращения народности в нацию весьма длительный, сложный, противоречивый и протекает – вплоть до окончательного своего завершения – в недрах феодализма, который изнутри размывается, разлагается зачатками капиталистических отношений, прежде всего созданием общероссийского рынка, формированием единого и общепонятного литературного языка, беспрепятственным закреплением его в художественной литературе.

Складывание русской нации совершалось одновременно и в тесной связи с превращением литературного языка русской народности в литературный язык русской нации. Хронологические рамки обоих неразрывных процессов таковы: середина XVII – середине XIX в. Эти процессы носят переходный, промежуточный характер, а время их протекания нужно выделить в отдельный самостоятельный период – литературный язык первоначального периода формирования русской нации.

Таким образом, по отношению к русскому литературному языку эпитет «национальный» правомерен и применим лишь с середины XIX в., со времени А. С. Пушкина, с именем которого связывается завершение создания русского литературного языка как языка национального.

Во-вторых, выделение литературного языка эпохи Московской Руси (XIV–XVII вв.) в отдельный период его истории представляется не только правомерным, но и необходимым. Полемизируя с А. И. Горшковым, Н. А. Мещерский возражает против выделения, мотивируя свое возражение тем, что «литературный язык Московского периода неразрывно связан с литературным развитием всей предшествующей поры». С таким доводом трудно согласиться. Неразрывная, тесная преемственность литературно-языкового развития характерна не только для рассматриваемого отрезка времени, но и для всей тысячелетней истории русского литературного языка. Иначе и быть не может: на всем протяжении истории русского литературного языка сохраняются единство и цельность объекта данной науки, а именно единство и цельность русского литературного языка.

Однако отмеченное обстоятельство, разумеется, не является препятствием для создания периодизации, которая должна строиться – как

это ни парадоксально на первый взгляд – не на собственно языковых (внутриязыковых) основаниях, а на социальных (экстралингвистических), связанных с изменениями общества, обслуживаемого данным языком, в том числе и с изменениями социального статуса коллектива людей – носителей данного языка. И эпоху Киевской Руси – в общевосточно-славянскую эпоху – русский литературный язык обслуживал общественную жизнь тогдашнего государства, а носителем этого языка была единая древнерусская народность.

В эпоху же Московской Руси общевосточнославянское единство в государственном и языковом отношении уже не существует, оно распалось на русскую, украинскую и белорусскую народности со своими языками. В эту эпоху, по сравнению с предшествующей, русский литературный язык обслуживает общественную жизнь уже другого государства – Московской Руси, а носителем данного языка выступает собственно русская (великорусская) народность, которая в качестве объекта истории должна рассматриваться принципиально отдельно от украинской и белорусской народностей с их собственными языками. Эти глубокие перемены – при всей общей преемственности литературно-языкового развития – настолько важны и значительны, что оказываются достаточным основанием для выделения эпохи Московской Руси в отдельный период. Собственно, такое выделение стало достаточно традиционным и выдерживается не только в ныне существующей программе, но и почти во всех учебных пособиях.

В-третьих, развитие русского литературного языка советского времени целесообразно выделить в отдельный период на основании нескольких соображений:

1) Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила социальный строй бывшей царской России;

2) русский народ из буржуазной нации превращается в нацию «социалистическую»;

3) в связи с культурной революцией, ростом грамотности и возрастанием роли печатного слова количественно резко возрастает и демократизируется состав носителей русского литературного языка;

4) значительно расширяются и усложняются социальные функции русского литературного языка как в массе русских людей, так и во всем советском обществе в целом; русский язык расширяет и углубляет свою функцию средства межнационального общения народов страны;

5) в связи с возросшей ролью Советского Союза в мировых делах значение русского языка среди других языков мира возросло, русский язык становится одним из мировых языков современности.

Наконец, в-четвертых, следует отметить, на каких принципах и основаниях должна строиться сама периодизация. Важнейшая особенность данной научной дисциплины – это изучение языка не в аспекте его структуры, а в аспекте его функций. Конечно, нередко рассматриваются некоторые структурные элементы и стороны языка, например, фонетическая система (в частности, становление и развитие норм орфоэпии), грамматика, лексика, стилистика, но анализируются не со стороны их строения как такового, не со стороны их межуровневых или внутриуровневых связей и отношений, а с позиции выполняемых ими функций в общей системе языка. Надо иметь ввиду, что разные уровни языка (фонетика, лексика, словообразование, грамматика) исторически развиваются и изменяются неодинаковыми темпами, по отношению друг к другу они не строго изоморфны, по-разному относятся ко всей системе в целом, с разной степенью опосредованности соотносятся с внеязыковым миром действительности. Уже по одним этим причинам на собственно лингвистических (внутриязыковых) основаниях принципиально невозможна объективная периодизация истории русского литературного языка, если его рассматривать как цельную коммуникативную единицу (или систему). Но именно такое освещение литературного языка является единственно правильным в.

Иными словами, нельзя строить периодизацию истории литературного языка с опорой и ориентацией лишь на собственно языковое содержание, т. е. на собственно лингвистических (внутриязыковых) основаниях. Периодизацию можно и нужно строить, опираясь, в первую очередь, на социальные условия функционирования литературного языка. Объект данной дисциплины – литературный язык – предстает именно как коммуникативная единица, как средство общения, и потому в этом своем качестве должен оцениваться и характеризоваться во всех своих общественно личностных параметрах (в том числе и в аспекте периодизации его истории) в неразрывной связи с историей обслуживаемого им общества, с историей народа. Языковые уровни и уровневые единицы непосредственно связаны и непосредственно соотносятся с языком, входят в его структуру и только через его

посредство так или иначе связаны с внеязыковой действительностью, с обществом. Язык же в его объективной данности, как важнейшее средство общения, связан с внеязыковой действительностью, с обществом непосредственно.

Построение периодизации исторического развития различных уровней языка возможно с опорой на факты языка. Построение периодизации всего языка в целом невозможно без основополагающей опоры на факты, внешние по отношению к языку, т. е. ни факты развития общества.

С учётом высказанных соображений мы предлагаем периодизацию, содержание которой раскрывается в последующем изложении главы. Заметим также, что в названиях периодов отражается отсутствие устной формы литературного языка эпох Киевской и Московской Руси.

Периодизация эта такова:

- 1) Литературно-письменный язык древнерусской народности (X – середина XIV в.).
- 2) Литературно-письменный язык великорусской народности (середина XIV – середина XVII в.).
- 3) Литературный язык начального периода формирования русской нации (середина XVII -середина XIX в.).
- 4) Литературный язык русской нации (середина XIX – начало XX в.).
- 5) Литературный язык советской эпохи.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Насколько, по вашему мнению, необходимо понимание школьниками меж предметных связей истории и русского языка? Формируются ли таким образом метапредметные результаты?
2. Соотнесите данную периодизацию с национальными языками вашего региона. Можно ли построить синхронистическую таблицу?
3. Насколько, на ваш взгляд, лингвистические процессы связаны с политическими и социально-экономическими. Как могут быть поняты термины «милитаризация», «коммерциализация» языка?

4. Иноэтничные заимствования в развитии русского языка. Литературно-письменный язык русской (великорусской) народности (XIV – середина XVII в.)

С XIV в. начинается московский период истории русского литературного языка. Исторической основой выделения указанного периода явился распад общевосточнославянского государственного и языкового единства и выделение трех восточнославянских народностей и их языков.

Начиная с XIV в., главным историческим процессом, определившим в значительной мере также и развитие русского литературного языка, было образование Централизованного русского государства во главе с Москвой. На базе отдельных территорий древнерусского (общевосточнославянского) государства – в соответствии с диалектным дроблением этих территорий – начинают формироваться три восточнославянские народности – русская, украинская и белорусская. Из них первая складывается на территории северо-восточной и северной Руси, вторая – на юго-западе Руси, третья – на западе Руси. Внутри каждой народности консолидируется общность языковых черт, выступающая теперь как основа самобытного и относительно автономного развития каждого из трех названных языков.

Следует отметить, что в древнерусский период были заложены основы единства культур и языков трех братских народов; в московский же период выделяются и закрепляются специфически отличительные особенности культур и языков данных народов.

Традиции двуязычного параллелизма, характерные для киевского периода, сохраняются и переходят в московский период. Более того, в рассматриваемый период авторитет и влияние книжно-славянского типа усиливаются, в связи с чем различие между двумя типами языка становится еще более глубоким. Жанровые рамки книжно-славянского типа раздвигаются. Он становится теперь господствующим не только в церковно-богослужебной литературе, но и в публицистике, в повествовательно-исторической, научной и художественной литературе. Этот тип языка стал еще глубже отличаться от живой русской речи, а также от письменно-делового языка.

Из всех периодов московский – самый сложный и по особенностям реальной языковой ситуации, характерной для Московской Руси, и по разноречивости лингвистического толкования разными учеными данной

ситуации, и по значительности вызванных этим периодом последствий для дальнейшей исторической судьбы русского литературного языка. В известной мере еще не до конца решенный вопрос о происхождении современного русского литературного языка зависит от недостаточной разработанности имени московского периода. По этим же причинам данный период представляет значительные трудности как для описания его в учебных пособиях специалистами, так и для освоения его студентами русистами.

Литературно-письменный язык времени формирования и развития Московского государства представлен целым рядом произведений, написанных на двух типах языка – народно-литературном и книжно-славянском.

Из произведений, созданных народно-литературным типом, можно назвать такие, как «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Задонщина», «Домострой». Общими чертами языка этих памятников являются следующие: в них исконно русские (восточнославянские) элементы преобладают над церковнославянскими; стилистическая окраска разговорности берет верх над стилистической окраской книжности; тематика данных произведений носит, как правило, светский, а не религиозный характер.

«Хождение» А. Никитина – интересный памятник языка своего времени. Русский купец Афанасий Никитин из г. Твери совершил очень редкое по тому времени и опасное дальнейшее путешествие «за три моря» – Каспийское, Черное и Индийский океан. «Хождение» написано в форме дневниковых записей, которые иногда перемежаются лирическими отступлениями. Светская тематика повествования, а также принадлежность самого автора к светской среде предопределили и язык «Хождения», который не испытал на себе заметного влияния церковнославянского языка.

Например, «А тут есть Индейская страна, и люди ходят наги все, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетени, а все ходят брюхаты, дети роят на всякий год, а детех у них много, а мужи и жены все черны; яз хожу куда, ино за мною людей много, дивятся белому человеку».

Перевод. «Есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые; голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу заплетены; все ходят брюхаты, детей роят каждый год, и детей у них много, мужчины и

женщины все черные. Куда бы я ни пошел, за мною ходит много народу, удивляются белому человеку».

Одной из специфических черт двуязычия Московской Руси данного периода становится относительная независимость процессов, совершавшихся, с одной стороны, в народно-литературном типе, а с другой – в книжно-славянском.

Народно-литературный тип, как «менее главный», был тесно связан с естественно развивающейся живой восточнославянской речью, а потому изменялся и совершенствовался с большей свободой и более быстрыми темпами по сравнению с книжно-славянским типом, который, как об этом будет сказано ниже, находился в рамках более жесткой и вместе с тем более косной кодификации.

За период с XII по XIV в. изменения, происшедшие в русском языке, были весьма значительными, которые усилились и закрепились в его последующем развитии. Так что к XV–XVI вв. язык великорусской народности по своей структуре был ближе к современному русскому языку, чем к языку древнерусской народности. Эти изменения, с разной степенью последовательности отраженные в памятниках народно-литературного типа языка московского периода, выразились, прежде всего, в следующем.

В связи с падением редуцированных гласных устанавливается система фонологического противопоставления согласных по звонкости-глухости, а затем и по твердости-мягкости; падение редуцированных повлекло за собой и морфологические изменения.

Возникшее на базе южных говоров аканье постепенно распространяется на среднерусские говоры, ставшие впоследствии общенациональной нормой русского литературного произношения; оканье в это время пока остается нормой только в книжно-славянском типе.

Старые типы склонения имен существительных по основам (5 типов) перераспределяются в новую систему типов по родам (3 типа), свойственную национальному литературному языку.

Утрачивается форма звательного падежа (при сохранении ее в украинском и белорусском языках); она остается пока лишь в единичных словах: боже, княже, господине, брате и некоторых других. Исчезает категория двойственного числа. Расширяется и закрепляется категория одушевленности.

С XV в. возникают и в дальнейшем расширяются формы множественного числа существительных типа: города, леса, дома и т. п., не свойственные украинскому и белорусскому языкам.

Вместо старых форм родительного падежа единственного числа местоимений мене, тебе, себе функционируют формы меня, тебя, себя, свойственные национальному литературному языку.

Возвратное местоимение «ся» употребляется пока отдельно от глагола, являясь энклитической формой винительного падежа; позднее ся постепенно сливается с глаголом и становится залогообразующим аффиксом (постфиксом), а в отдельных случаях – словообразующим аффиксом (ср.: возить – возиться, плакать – плакаться, раздать – раздаться и т. п.).

Сложная система старых форм времени древнерусского глагола распадается, одновременно завершается формирование категории вида; отмирают аорист и имперфект; перфект становится единственной формой прошедшего времени, свойственной национальному литературному языку. Формируется деепричастие как отдельная глагольная форма.

Развиваются и усложняются сложноподчиненные предложения; количественно растет репертуар видов придаточных предложений.

В языке московских грамот и в других памятниках закрепляются целостные словесные группы терминологического значения: грамота деловая, грамота душевная, крестное целование, дети боярские, всести на конь и др.

Некоторые слова народно-литературного типа языка Киевского государства (борть, мыт, татьба, тивун, послух, наймит и др.) перешли в словарь литературного языка Московского государства. Это свидетельствует об исторической преемственности между литературным языком эпохи Московской Руси и литературным языком Киевской Руси.

Как же складывалась в рассматриваемое время судьба книжно-славянского типа языка? Для литературно-письменного двуязычия эпохи Московского государства характерен пышный расцвет книжно-славянского типа, который в XV-XVI вв. достигает высшей точки своего влияния и авторитета за всю многовековую историю своего существования, начиная со времени Киевской Руси. Происходят процессы, которые расширяют общественные функции и престиж книжно-славянского типа, архаизируют, «утяжеляют» его формы и графику, наделяют его качествами выразителя и глашатая официально-церковной

идеологии поднимающегося (после освобождения от татаро-монгольского ига) Московского государства. Эти процессы находят свое объяснение не столько собственно языковыми причинами, сколько внешними и внутренними обстоятельствами политической жизни Московского государства.

В конце XIV в. русская земля освобождается от ордынского ига. Дмитрий Донской (1350-1389), великий князь московский и владимирский, возглавив вооруженную борьбу русского народа против иноземных захватчиков, в Куликовской битве в 1380 г. (на Куликовом поле, в верховьях Дона) разгромил ордынцев. Именно в княжение Дмитрия Донского Москва утвердила свое руководящее положение в русских землях.

Начала налаживаться мирная жизнь, развиваются ремесла, торговля, градостроительство, сельское хозяйство, культура. Обратим внимание на то, что в это время очень интенсивно растет книжный фонд. По свидетельству акад. А. И. Соболевского, к XV в. количество книг на Руси было «так велико, несмотря на пожары и разные невзгоды, постигшие наши города и села, – что мы затрудняемся даже приблизительно определить их в тысячах». Книжная продукция растет не только вследствие создания новых произведений, но главным образом благодаря переписыванию - так называемой «правки» книг. «Правка» выражалась не в простом переписывании существовавших тогда книг, а в архаизации графики, орфографии и многих форм языка, т. е. в своеобразном возврате к уже пройденным этапам развития языка.

Одновременно происходили и другие исторические события, так или иначе повлиявшие на жизнь Московского государства. В 1453 г. под натиском османских турок пал Константинополь (теперешний Стамбул). С его падением Византия как наследница христианских и культурных традиций древнего Рима навсегда перестает существовать. Болгария и Сербия – страны, где, как в Московской Руси, господствующей религией было христианство православие, – также подпадают под турецкое иго. «В это трудное для южных славян время Москва протягивает руку братства. Деятели славянской культуры устремляют свои взоры к Москве; они направляются в культурные центры русской земли, везут с собой книги. Так в стольном городе Московского государства появляются выходцы из южнославянских земель – богословы, переводчики, писатели. Им оказывается братский прием».

В создавшейся международной религиозно-политической ситуации Московское государство становится мощным и надежным оплотом христианского православия. В связи с этим возникает теория «Москва – третий Рим». («Москва – третий Рим, а четвертому не бывать»). В предельно краткой форме данную теорию нужно интерпретировать примерно следующим образом. История жизни людей представляет собой историю трех мировых царств – Рима, Византии и Московской Руси. Из них два первых царства уже пали. Носителем и хранителем православной веры стало Московское государство – «третий и последний Рим». «Рост мощи Москвы, централизация ею власти предстает как заданные историей: ореол исконной предопределенности укрепляет, благородит ее права».

Эта теория была тенденциозна, поскольку преследовала вполне определенные и объяснимые цели – служить укреплению государственной и религиозной самостоятельности Московской Руси, бывшей долгие годы объектом военной агрессии со стороны ордынцев и других завоевателей. В основном таким же целям служил ряд мероприятий, совершавшихся под эгидой государства и получивших позже общее название «второе южнославянское влияние». Общую направленность подобных мероприятий можно свести к трем наиболее важным моментам:

а) к архаизации литературно-письменного языка;

б) к возвеличиванию книжно-славянского типа языка, который в церковно-богослужебных книгах возводится в ранг священных канонизированных текстов;

в) к увеличению книжной продукции в результате «правки» – переписывания и исправления старых и новых книг, но с соблюдением единообразного написания архаичных форм языка.

В. Г. Костомаров ярко характеризует манеру «плетения ело вес» русскими книжками того времени: «Превозносить и ругать на Руси не знают меры. И чувство слова всегда преобладает над чувством жеста – психологическое переживание часто важнее последствия. В моде слог изукрашенный, пышно риторический, получивший название извития или плетения словес. Обходя друг друга в словесной изощренности, витийстве и торжественно-панегирическом излиянии, книжники изобретают искусственные слова вроде вертоград (сад), синонимы, метафоры, цветистые сравнения и эпитеты: огнезарный, златоструйный, храбросердый... Вместо посадниц пишут вельможа некий, властелин граду сему. Все направлено на цель, кажущуюся единственно важной, –

достойно повествовать о дворе и церкви, власти и вере, высоких материях, из коих наиглавнейшая - возвеличивание, прославление Москвы, величавой мощи, самодержавной пышности. Но самовосхваление не ослепило москвичей, выросших из москвитян».

Итак, все, что мы называем «правкой книг» и архаизацией языка, делалось в политических целях поднятия престижа православной веры, старины времен Киевской Руси, великих князей, деятелей церкви и т. д. В Московской Руси того времени выдвигается ряд выдающихся деятелей - церковников, ученых-книжников, литераторов-проповедников: митрополит Киприан, митрополит Макарий, Пахомий Логофет, Максим Грек, Зиновий Отенский, Дмитриий Герасимов и др. Все они были ревностными распространителями книжно-славянского типа языка в русской письменности и плодовитыми литераторами. Например, Максим Грек (его настоящее имя Михаил Гриволис, 1475–1556) был не только церковным деятелем, он выступал и как публицист, писатель, переводчик, филолог. Он оставил после себя обширное литературное наследство: проповеди, публицистику, философские и богословские сочинения, переводы, статьи по фонетике, грамматике, лексикографии.

С точки зрения стилистической литературные тексты того времени отличались многословием, напыщенностью и нарочитой запутанностью синтаксического строения. Все в большей мере распространяется «плетение словес» – высокопарная, искусственно украшенная манера изложения с длинными периодами, пышными эпитетами, неестественными гиперболами и сравнениями. Само «плетение словес», нарочитая трудность и туманность текстов имели своей целью придать им не только архаичность, но и таинственность и святость: «Кто говорит тайным языком мудрости, тот говорит с богом; кто говорит простым языком, тот говорит с людьми».

В частности, излюбленным приемом было выстраивание в одну цепь целого ряда синонимов – эпитетов, которые должны быть одновременно эмоциональны, религиозны и этически возвышенны.

Предмету изображения следовало быть только возвышенным. В житейном – важнейшем – жанре должно изображаться идеальное, святое и вечное. Обычное же слово сделать это бессильно. Поэтому необходимы «витийства словесные», «пышность» стиля, «плетение словес» и т. п.

В качестве примера «плетения словес» приведем отрывок из «Жития Стефана Пермского», которое было написано Епифанием Премудрым

(умер в 1420 г.), монахом Троице-Сергиева монастыря. Епифаний в своем «Житии» восторженно прославляет религиозный подвиг, совершенный Стефаном Пермским, который зырян-пермяков обратил из язычества в православие путем изустной проповеди, а также путем перевода христианских книг на зырянский язык. С этой целью Стефаном была изобретена зырянская азбука.

Епифаний щедро употребляет хвалебные эпитеты в адрес Стефана и все же сожалеет, что не в силах достойно воспеть христианские доблести своего героя: «Како назову тя, не веде, како изреку, не разумею, чим ублажу, недоумею». Отсюда возникает своеобразный «плач» автора по своему герою: «Увы мне, како скончаю мое житие, како преплову се море великое и пространное, ширшее, печальное, многомутное, не стоящее, смятущееся; како препровожу душевную мелодию промежу волнами сверепыми, како избуду треволнения страстей, люте погружаяся в глубине зол, и зело по – топляясь в бездне греховнем, увы мне...» и т. д.

Подобные образцы книжно-славянского типа в период второго южнославянского влияния были довольно распространенными, а это обстоятельство способствовало внедрению в исконно русскую письменную речь славянизмов в фонетике, словообразовании, грамматике, семантике. Как известно, следы такого внедрения сохранились в русском литературном языке вплоть до наших дней и составляют органическую и важную часть его богатств, особенно в области стилистики.

Рост книжной продукции, вызванный вторым южнославянским влиянием, создал необходимость грамматического, лексикографического, орфографического и – шире – филологического осмысления текстов и вообще всего литературно-книжного языка. Появляются грамматические труды, из которых следует назвать статьи Максима Грека, грамматику Лаврентия Зизания, вышедшую в 1596 г., а также знаменитую грамматику Мелетия Смотрицкого (вышла в 1619 г.), по которой учился великий Ломоносов. Эти грамматические труды уже отражали процессы, которые были связаны с возрастанием роли исконно русской (великорусской) речи в различных жанрах письменности и - с XVI в. – медленным, но неуклонным падением авторитета и влияния книжно-славянского типа языка. Важную положительную роль сыграло книгопечатание.

В 1553 г. в Москве по инициативе московского митрополита Макария при поддержке царя Ивана Грозного была основана первая на Руси типография. Ее открытие было вызвано необходимостью

исправления и унификации текстов церковных книг. Основателем книгопечатания в России был Иван Федоров (1510–1583), который в 1564 г. (вместе с Петром Мстиславцем) выпустил первую в России точно датированную богослужебную книгу «Апостол». Иван Федоров был автором первого точно датированного печатного руководства по грамматике и чтению под названием «Букварь» (1574). Как просветитель, он увековечил память о себе тем, что положил начало великой работе по просвещению своего народа посредством книги. Рукописные книги (в сравнении с печатными) имели существенный недостаток не только в том, что были трудоемки, очень дороги и малочислены, но и в том, что допускали различные изменения и искажения текста оригинала. Кроме того, в рукописных книгах иногда отражались диалектные особенности речи самих писцов. Печатная книга имела одно большое преимущество – единообразие текста всех экземпляров книги данного тиража. С другой стороны, «тиражированный» характер книжного текста предъявляет особо высокие требования к его качеству, к последовательной выдержанности, единообразию и обоснованности языковых норм. Короче говоря, печатная книга для народа стала мощным и авторитетным средством формирования, развития и распространения литературного языка. Здесь же следует добавить, что на Руси книга в народе традиционно пользовалась высоким уважением, любовью и доверием. С середины XVII в. начинается новый период истории русского литературного языка.

Два предшествующих периода – киевский и московский – можно объединить общим названием: древний этап. Три последующих периода можно назвать другим общим названием: новый этап. Однако понятие «новый этап» предстает хронологически более широким, чем понятие «национальный этап», так как собственно национальная эпоха русского литературного языка, о чем уже говорилось, начинается с середины XIX в.

Специфическая особенность рассматриваемого периода – его переходный, промежуточный характер: за время с середины XVII до середины XIX в. русская (великорусская) народность постепенно превращается в русскую нацию. Соответственно русский литературный язык за указанное время из языка народности превращается в национальный язык. Данный период развития языка находится на стыке двух общественно-экономических формаций – феодализма и капитализма. Именно в период разложения феодализма и зарождения в его недрах капиталистических отношений возникает нация, вместе с которой

формируется и национальный язык, знаменующий собой начало качественно нового, высшего этапа в развитии языка – как общенародного, так и литературного. Развитие (превращение) великорусской народности в нацию представляло собой процесс консолидации важнейших признаков, характеризующих любую нацию. Такими признаками выступают общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, который, в свою очередь, проявляется в общности культуры, и прежде всего духовной.

Литературный язык каждой народности и нации живет и развивается в конкретно - исторических, нередко уникальных обстоятельствах, накладывающих отпечаток неповторимости и своеобразия не только на язык как таковой (что естественно), но и на его историческую, географическую, этническую, функциональную судьбу. Так, условия и характер формирования русской нации в составе русского государства были своеобразными. Например, в таких западных государствах, как Англия, Франция, Италия, формирующиеся нации облекались в государственные формы, т. е. каждой нации соответствовало свое государство, поскольку в названных странах два процесса – становление нации и образование централизованного государства – совершались почти одновременно. В России же образование централизованного государства предшествовало превращению русской народности в нацию. Это было вызвано тем, что еще до зарождения капиталистических отношений, т. е. до зарождения нации, в интересах обороны страны от нападения внешних врагов для русских людей возникла настоятельная необходимость в создании сильного централизованного государства, способного защитить свою самостоятельность. Таким образом, уже в донациональный период в состав русского государства, помимо русских, входили и другие народности, ставшие впоследствии нациями в рамках единой русской государственности. При жизни первого русского царя Ивана IV Грозного (1530–1584) в состав Русского государства вошли следующие народности: чуваша (1551 г.), марийцы (1551 г.), мордовцы (1552 г.), татары (1552 г.), удмурты (1552 г.), башкиры (1557 г.). Еще ранее вошли коми (1478 г.) и карелы (1478 г.). Естественно, государственная общность всех этих многочисленных разноязычных народов должна была скрепляться и скреплялась единым языком единых правительственных документов – указов, законов, распоряжений и т. п. Живое устное общение также нуждалось в едином языке. Таким языком и стал русский. Следовательно,

уже с середины XVI в. русский язык начал постепенно выступать в новой для себя функции – посредник между народностями, входившими в состав России.

Сделаем некоторые пояснения относительно слов «Россия» и «Русь». Слово «Россия» является названием страны и государства, населенных в основном русскими людьми. Это слово возникло в XV в. и до XVIII в. употреблялось наряду с другими синонимическими названиями: Русь, Русская земля, Московское государство, Русское государство. С XVI в. синонимом этого слова стало название «Российское царство». Слово «царство» производно от слон: царь (от лат. caesar - цезарь). Царь – официальный титул главы Русского государства с 1574 по 1721 г. Первым царем был Иван IV Грозный. При Петре I в 1721 г. этот титул был официально заменен титулом «император», но наравне с ним неофициально существовал до свержения самодержавия в 1917 г. С 1721 по 1917 г. официальным названием России было Российская империя. После Октябрьской революции 1917 г. Россией называли территорию РСФСР. Более древнее слово «Русь» с IX в. являлось названием государств восточных славян, включая Киевскую Русь. С XIII н. слово «Русь» стало обозначать название северо-восточных территорий бывшей Киевской Руси и послужило основой для образования слова «русские».

В последующие этапы истории России функция русского языка как языка – посредника будет расширяться, углубляться, совершенствоваться и достигнет высокого развития в советские годы.

Для развития русского литературного языка начальной эпохи формирования русской нации наиболее важными были следующие пять процессов, протекавших в тесной взаимосвязи.

Распад двуязычия. Двуязычие – одна из самых характерных общих (международных) черт литературных языков донациональной эпохи. При двуязычии «чужой» (как бы взятый временно «напрокат») язык всегда занимал в обществе ведущее, в социальном отношении более престижное положение. Так было во всех литературных языках народов Востока и Европы. Притом «чужой» язык, как правило, был генетически весьма далек от «своего» языка. Особенность древнерусского двуязычия заключалась в том, что «чужой» язык (старославянский) и «свой» язык (восточнославянский) были в то время более близкими, чем в наше время, а потому и взаимодействие их было особенно тесным, органичным, слитным. С другой стороны, к примеру, средневековая латынь для

некоторых (например, германских) языков была генетически чужой, весьма далекой. Поэтому влияние латыни на немецкий язык было не столь органичным, как влияние старославянского на восточнославянский.

Разрушение, распад двуязычия в самом общем виде можно было бы охарактеризовать как вторжение в литературный язык исконно русских, в той или иной мере литературно обработанных элементов из живой разговорной речи, фольклора, приказного (канцелярского) языка. Это был интенсивный процесс становления литературного языка на общерусской (независимо от диалектного членения) основе. В. В. Виноградов писал, что

«с середины XVII в. эволюция русского литературного языка решительно вступает на путь сближения с московской приказно-деловой и живой разговорной речью образованных слоев русского общества, ломая систему славяно-русского (т. е. книжно-славянского.- А. Л.) типа языка». Правда, в это время авторитет книжно-славянского типа по традиции в известной мере еще сохраняется. Однако его былая слава и влияние уже в прошлом: он подвергается «порче», разрушению. Литературный язык в целом демократизируется. Во второй половине XVII в. появляются критические произведения («Служба кабаку», «Сказание о куре и лисице» и др.), высмеивающие пристрастие к славянизмам. К «высокой» речи складывается критическое отношение, и она перестает быть предметом подражания.

Стилистическая перестройка. В тесной связи с процессом разрушения двуязычия одновременно происходит глубокая стилистическая перестройка всех стилистически значимых элементов русского литературного языка. Сам этот очень сложный процесс наукой в достаточной мере еще не раскрыт, но его результаты очевидны: устаревшая двухплановая стилистическая соотносительность (книжно-славянский тип – народно-литературный тип) постепенно заменяется соотносительностью трех стилей (высокий – средний – низкий), которые осмысливаются теперь в плоскости единой структуры всего русского литературного языка.

«Процесс разграничения трех стилей в конце XVI и особенно XVIII веке сопровождался формированием общего структурного ядра литературного языка на народной великорусской речевой основе и был результатом развития синонимических соответствий между двумя древнерусскими типами литературного языка». Теоретическим

выражением итогов стилистических процессов, происходивших в русском литературном языке того времени, явилась знаменитая теория трех стилей М. В. Ломоносова (1711–1765), наиболее полно и систематично изложенная им в трактате «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758). Существо трактата сводится к следующему: во-первых, господству церковнославянского (книжно-славянского типа) языка пришел конец, однако целиком отказываться от церковнославянских элементов нельзя, русский литературный язык для собственной пользы должен сохранить из них только то, что уже органически вошло в его состав; во-вторых, область применения церковнославянизмов должна быть ограничена; в-третьих, основой русского литературного языка должен быть письменный и устный язык широких масс русского народа; в-четвертых, нужно хранить чистоту русского языка.

Таким образом, теория трех стилей окончательно разрушает старое двуязычие, но вместе с тем уже к концу XVIII в. сама становится помехой для дальнейшего развития литературного языка, ибо становится слишком узкой, тесной и искусственно-схематичной для реальных языковых и литературных процессов того времени. Она обнаруживает к этому времени главные свои недостатки, прямую зависимость стиля языка от жанра литературы, а также значительную разницу, противоречие между высоким (господствующим) стилем и живой, реальной разговорной речью русского народа.

Реформы Н. М. Карамзина, девизом которых было «пиши, как говорят, и говори, как пишут», разрушают уже изжившую себя систему трех стилей и тем самым готовят историческую почву для пушкинских преобразований.

Угасание диалектов

В период превращения языка народности в национальный язык роль диалектов как одной из форм существования общенародного языка начинает постепенно угасать, прекращается образование новых диалектов. Дальнейшее закрепление единых норм литературного языка базируется уже не на исходном диалекте (московском говоре), а на всем общенародном языке в целом. В подтверждение сказанного отметим, что формирующиеся в XVII в. основы будущих национальных норм литературного произношения представляют собой органическое и подлинно общерусское объединение южнорусского вокализма (аканье и иканье) и северорусского) консонантизма (прежде всего г взрывной и т твердый

глаголов 3-го лица). Постепенно начинает обретать свои исходные контуры устная форма литературного языка. Нормы литературного языка становятся все более централизованными и ориентированными, в частности, на приказно-деловой (канцелярский) язык московских правительственных документов. В условиях централизации и «национализации» литературного языка диалекты становятся уже категорией пережиточной. По мере распространения и закрепления норм формирующегося национального языка диалекты, особенно в городах, перестают быть единственным типом живой разговорной речи на своих территориях.

Дальнейшая систематизация и стабилизация норм языка. Чем ближе к нашему времени, тем сильнее сознательная регламентация языковых норм. Сознательное вмешательство человека в жизнь литературного языка становится фактором, оказывающим все более заметное влияние на его развитие.

Прежде чем приступить к раскрытию дальнейшего упорядочения норм литературного языка, целесообразно сначала охарактеризовать Петровскую эпоху с тем, чтобы лучше понять историческую необходимость такого упорядочения и исключительно важную роль М. В. Ломоносова в этом деле.

Роль Петровской эпохи подтверждает справедливость тезиса о неразрывной связи между историей народа, общества, государства и историей литературного языка, обслуживающего их. Петровская эпоха является яркой и насыщенной выдающимися событиями полосой в русской истории. Она названа так по имени Петра I Великого (1672–1725) – русского царя, первого российского императора, выдающегося политического, государственного и военного деятеля и охватывает примерно 40-летний исторический отрезок времени: последнее десятилетие XVII и первые три десятилетия XVIII в.

Данная эпоха ознаменована реформаторской деятельностью Петра I и его правительства. В это время организуются мануфактуры, строятся оружейные и горные заводы, развивается внутренняя и внешняя торговля; преобразуется государственный аппарат, создаются сенат, коллегии, губернии, табель о рангах; реорганизуется армия, вводится воинская повинность, создается флот, закладываются основы школы русского военного искусства, расширяются связи России с внешним миром, в том числе с Западной Европой. Создаются в большом количестве

общеобразовательные и профессионально-технические школы, в которых готовились моряки, артиллеристы, техники, кузнецы, архитекторы, оружейники, канцеляристы, дипломаты, педагоги и др. Открываются «кунсткамера» – первый отечественный музей, «медицинский огород» – ботанический сад, обсерватория, театр, Академия наук, библиотека и многое другое. О библиотеке следует сказать особо, так как это была «первая государственная библиотека с открытым доступом для читателей...». Наблюдается небывалый рост книжной продукции.

Вводится новое летоисчисление (с 1 января 1700 г.), организуются ассамблеи и другие формы светской жизни, становится модной «галантность» в отношениях между «дамами» и «кавалерами». Подымающаяся русская аристократия утверждает свое господствующее положение в русском обществе. Значительно урезаются права церкви, уничтожается ее автономия, ослабляется ее влияние на духовную и интеллектуальную жизнь русского общества Петр I решительно и сурово подавлял попытки реакционного боярства вернуть былые патриархальные порядки.

Петровская эпоха стала эпохой русского Возрождения. Напомним, что все изменения в обществе находят свое выражение в литературном языке – в лексике, семантике, стилистике, орфоэпии, а также в графике и орфографии. Под влиянием указанных выше глубоких социальных перемен в русском обществе совершалось изменение и литературного языка, которое шло – в соответствии с общими социальными переменами – в сторону его «обмирщения» на светских началах, в сторону все большего удаления от всего церковного и архаического.

В 1710 г. была осуществлена реформа азбуки. Светские (политические, деловые, военные, технические и т. п.) сочинения печатаются теперь новой, упрощенной и удобочитаемой азбукой (так называемой «гражданкой»), а религиозные сочинения по-прежнему печатаются старой кириллицей. Размежевание и обособление светской литературы от церковной, нашедшие свое официальное выражение в реформе азбуки, решительно ослабляют влияние церковно-книжного языка и дают простор литературному языку развиваться на подлинно демократической, общенациональной и светской основе.

В Петровскую эпоху значительно обогащается русская литературная лексика, в том числе и за счёт заимствований из европейских языков. Такие иноязычные слова, как администратор, бухгалтер, инспектор,

президент, канцелярия, коллегия, комиссия, контора, акт, рапорт, орден, арестовать, претендовать, штрафовать и т. д., живут в русском языке со времени Петровской эпохи.

Происходят изменения и в языке художественных произведений, особенно в области стилистики. У людей той эпохи меняются представления о подлинных ценностях человеческой жизни, о ее идеалах. Вместо старых произведений, восхвалявших «измождение тела веригами, постом и молитвой», появляются новые повести и стихи, в которых воспеваются любовные похождения героев, физическая и нравственная красота человека, земная радость человеческого бытия. Создается ряд произведений в этом духе: своеобразное наставление «Приклады како пишутся комплименты разные» (где содержатся «просительные писания» «некоторого человека к женскому полу»), «Юности честное зеркало» (кодекс этических и эстетических наставлений «младым отрокам»), очень популярная в свое время «Повесть о Василии Кориотском» и др.

Первая русская печатная газета «Ведомости», начавшая выходить с января 1703 г., наряду с художественной и научно-технической литературой и деловой письменностью, также способствовала становлению формирующегося национального литературного языка на общерусской, подлинно демократической и светской основе.

Однако процесс этого становления был трудным и противоречивым: Петровская эпоха успела разрушить старые традиции двуязычного параллелизма, но не успела создать и закрепить новых языковых традиций, которые бы соответствовали нуждам новой эпохи, нуждам формирующейся русской нации. Поэтому литературный язык Петровской эпохи был еще неотстоявшимся, грамматически и лексически неупорядоченным, стилистически разобщенным: в нем еще не были найдены ни пути оптимального взаимодействия, ни достаточно ясные границы между уже отжившим и еще живым, старым и новым, книжным и разговорным, исконно русским и заимствованным, церковным и светским, кодифицированным и некодифицированным. В подтверждение сказанного приведем отдельные краткие примеры.

В «Трудах Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы (г. Санкт-Петербург) П. Н. Берковым и В. И. Малышевым были опубликованы переведенные с немецкого языка «Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии», относящиеся к Петровской эпохе. В одной из таких повестей (точнее пьес) герои

объясняются между собой таким языком: «Аз аки бешеной, который ваше обязательство подслушал»; «Отвори, отвори, или ломать учну дверь в часточку! Или ты еси глуха, арцугиня (герцогиня.- А - Д.) от прелюбодейных желательств? Говорю, отвори и принеси мне мои пистолы...».

В деловых письмах и других документах, написанных рукой самого Петра I, можно наблюдать, в частности, смешение и непоследовательность в употреблении, с одной стороны, «ты», а с другой – «Вы», как формы вежливого обращения, впервые введенной в русский язык в Петровскую эпоху. Например: «К князю Аниките Ивановичу Репнину. Господин. Сегодня получил я ведомость о Вашем толь худом поступке, за что можешь шеею заплатить, ибо я через господина губернатора под смертью не велел ничего в Ригу пропускать. Но ты пишешь, что Огильвий тебе велел. Но я так пишу: хотя б и ангел, не только сей дерзновенник и досадитель велел бы, но тебе не довлело бы сего чинить. Впредь же, аще единая щепка пройдет, ей Богом кленусь, без головы будешь. Петр. С Москвы, мая в 19-й день 1705».

Несоответствие между «окающим» написанием слов и акающим их произношением приводило к колебаниям и непоследовательностям в орфографических нормах многих слов. Так, в «Путешествии» П. А. Толстого встречаем: корета и карета, органы и арганы, короля и кароля, атакавать и атакавать; в письме Петра I к Екатерине I: огород и агород, мороз и мароз, к королю и к каролю и т. д. 30 Наблюдались и многие другие колебания и противоречия в нормализации языка.

Вследствие этого литературный язык Петровской эпохи нуждался в научном описании, а также в систематизации, приведении к единообразию его норм и строгом их соблюдении в письменной и устной речи. За выполнение огромной и исторически важной задачи нормализации языка взялся великий русский ученый М. В. Ломоносов.

«Российская грамматика» (1755), главное филологическое сочинение М. В. Ломоносова, представляет собой гениальный опыт кодификации норм, а само ее появление в свет – свидетельство реального существования единого русского литературного языка в Петровскую эпоху и послепетровское время.

«Грамматика» состоит из 527 параграфов, разбитых на шесть так называемых наставлений (частей). Она носит ярко выраженный нормативно-стилистический характер, т. е. преследует цель утвердить

единые грамматические и стилистические нормы формирующегося русского национального литературного языка. М. В. Ломоносов подчеркивает огромную роль грамматики во всех сферах интеллектуальной деятельности человека – в философии, истории и т. д.

В «Грамматике» утверждается русская азбука, нормы произношения и правописания, а также дается перечень знаков препинания. Впервые в истории отечественной науки описывается грамматическая (прежде всего морфологическая) система именно русского (а не книжно-славянского типа) языка. Допустимым нормой вариантом грамматических форм дается стилистическая характеристика.

«Российская грамматика» сыграла основополагающую роль в развитии отечественной науки о языке, а также положила начало длительному процессу нормализации русского литературного языка на общерусской национальной основе – процессу, который полное свое завершение найдет в творчестве А. С. Пушкина. Это был первый и полный научный труд, посвященный русскому языку и написанный по-русски. По характеру своего изложения «Грамматика» имеет сугубо светскую направленность, лишена религиозности и адресована всему русскому народу. Она выдержала 14 изданий и вплоть до «Русской грамматики» А. Х. Востокова (1831) была главным авторитетом по вопросам русского языка. «Несколько поколений русских людей были непосредственно ей («Российской грамматике») обязаны своею грамотностью». Ее ценность состоит в том, что она долгое время служила образцом для последующих изданий русских грамматик. Язык самой «Грамматики» – ясный, точный, лаконичный, насыщенный глубоким содержанием – был для своего времени образцом научного изложения и способствовал развитию русского литературного языка в том направлении, которое указал М.В. Ломоносов.

Следует подчеркнуть особо важную роль «Грамматики» в авторитетной кодификации норм русского литературного языка. «В условиях послепетровского времени, при хаотической неразмежеванности литературных стилей, при множестве новых требований к письменной речи, при торопливости и неряшливости, с которой разрешались подчас проблемы литературного языка, – властные, твердые, накаленные страстью грамматические предписания Ломоносова имели жизненно важное значение».

М. В. Ломоносов заложил основы научной терминологии. Историческая важность этого дела определяется тем, что без научных понятий, закрепленных в терминах, не может существовать и развиваться и сама наука. Он был горячим сторонником преобразований Петра I, страстным поборником отечественного просвещения, первым русским академиком Петербургской Академии Наук (с 1745 г.). По инициативе М. В. Ломоносова в 1755 г. был основан Московский университет, носящий ныне его имя. Идеи ученого по самым различным отраслям человеческого знания далеко опередили науку того времени.

В истории мировой науки М. В. Ломоносов известен как один из самых универсальных гениев. Крупнейший советский ученый академик С. И. Вавилов (1891–1951) писал: «Ломоносову по необъятности его интересов принадлежит одно из самых видных мест в культурной истории человечества. Даже Леонардо да Винчи, Лейбниц, Франклин и Гёте более специальны и сосредоточены. Замечательно при этом, что ни одно дело, начатое Ломоносовым, будь то физико-химические исследования, трагедии и оды, составление грамматики и русской истории, организация и управление фабрикой, географические проекты, политико-экономические вопросы, не делалось им против воли или даже безразлично. Ломоносов был всегда увлечен своим делом до вдохновения и самозабвения... Он был ученым в поэзии и искусстве, поэтом и художником в науке».

И философские, и естественнонаучные труды М. В. Ломоносова способствовали развитию русского литературного языка.

Наконец, следует назвать еще один процесс, характерный для развития русского литературного языка данного периода – «велел бы, но тебе не довлело бы сего чинить. Впредь же, аще едином шепе пройдет, ей Богом кленусь, без головы будешь. Петр. С Моек вы, майя в 19-й день 1705».

Несоответствие между «окающим» написанием слов и акающим их произношением приводило к колебаниям и непоследовательностям в орфографических нормах многих слов. Так, в «Путешествии» П. А. Толстого встречаем: корета и карета, органы и арганы, короля и кароля, атакавать и атакавать; в письме Петра I к Екатерине I: огород и агород, мороз и мароз, к королю и к каролю и т. д. Наблюдалось и многие другие колебания и противоречия в нормализации языка.

Вследствие этого литературный язык Петровской эпохи нуждался в научном описании, а также в систематизации, приведении к единообразию

его норм и строгом их соблюдении в письменной и устной речи. За выполнение огромной и исторически важной задачи нормализации языка взялся великий русский ученый М. В. Ломоносов.

Следует назвать еще один процесс, характерный для развития русского литературного языка данного периода – выделение из общей книжности художественной литературы в собственном значении, т. е. выделение произведения словесного искусства с идейно-художественной, эстетической и воспитательной направленностью. Означает ли сказанное, что до этого времени древнерусская народность не имела художественной литературы? Конечно, не означает. Древнерусская литература одна из великих литератур европейского Средневековья. Однако она имела ряд типичных для литератур того времени особенностей, которые отличают ее от русской художественной литературы Нового времени.

Ученые-литературоведы указывают на эти особенности древнерусской литературы. Например, Д. С. Лихачев называет по крайней мере четыре таких особенности:

а) Религиозный характер. «Сравнительно с литературой XVIII в. древнерусская литература носила религиозный характер... Древнерусская литература до XVI в. была едина с литературой других православных стран. Общность религии была в данном случае даже важнее, чем общность литературного языка и близость национальных языков. Ибо общность эта включала и неславянские народы: румын и греков».

б) Затуманенность (незаметность) авторской личности. «Несмотря на то, что мы знаем много древнерусских писателей поименно... творчество в Древней Руси имело менее «личностный характер, обладало некоторыми общими чертами с фольклорным творчеством... Отсутствует четкое представление об авторской собственности».

в) Большая «открытость» литературы в отношении нелитературных жанров письменности. «Жанры древней русской литературы имели часто большую обрядовую и деловую предназначенность, чем жанры новой русской литературы. Можно сказать даже более решительно: основное отличие одного жанра в древнерусской литературе от другого – в их употреблении, в их обрядовой, юридической или других функциях. Границы литературы не очерчены, хотя в определенных жанрах литературность' и выражена достаточно сильно».

г) Отсутствие литературных направлений. «В новое время литературное направление захватывает всю литературу, все ее жанры и

частично критику. Древняя литература не знает литературных направлений вплоть до XVIII в. Первое литературное направление, сказавшееся в русской литературе, – барокко».

И лишь со второй трети XVIII в. русская литература вступила в новый этап своего развития.

Границы среднего стиля, наименее описанного М. В. Ломоносовым, оказались очень широкими и охватывали самую ценную и жизнеспособную часть русского языка. Именно средний стиль со стороны русских писателей XVIII в. стал предметом настойчивых и успешных поисков общенациональной языковой нормы, но уже вне прямой связи с распадающейся системой трех стилей. «Средний стиль постепенно становится ядром системы формирующегося русского национального языка, а его изменения делаются движущим началом ее развития». Русский литературный язык в середине и второй половине XVIII в. в творчестве таких писателей, как Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, Г. Ф. Державин, А. Н. Радищев и др., развивается и совершенствуется прежде всего за счет среднего стиля. Что касается Н. М. Карамзина, И. А. Крылова и А. С. Грибоедова, то они в общей цепи литературно-языкового развития выступают как прямые предшественники А. С. Пушкина. Завершая характеристику данного периода, необходимо подчеркнуть, что процесс превращения русского литературного языка из языка народности в национальный язык не сопровождается утратой или приобретением каких-то особых «внутриязыковых» или «чисто лингвистических» признаков, оторванных от социальных условий его функционирования. Как раз наоборот: утрата литературным языком одних и приобретение других признаков в указанном процессе находится в неразрывной связи с социальным статусом общества (народа, государства), обслуживаемого данным языком словесности (публицистики), в интенсивном обогащении литературной лексики, в дальнейшем упорядочении и унификации норм языка.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Взаимовлияние: национальные языки, компьютерный жаргон: что обогащается? Неологизмы и билингвизм: произношение и правописание.

2. «Лишние слова» и навязчиво повторяющиеся слова в речи: национальные особенности.

3. Полилингвизм: национальный колорит и особенности лингвистической нормы.

4. Иноязычные заимствования в устной и письменной речи. Засилие варваризмов. (Маркетинг, лизинг, демпинг, триллер, квест...). Региональные особенности лингвистической нормы (шаурма, шашлык).

5. Влияние этнокультурных и профессиональных традиций. Есть ли имена Фрунзе, Онегин, Жасмин?

6. Речевой этикет Нужны ли «волшебные» слова? Какими должны быть основные формы вежливости в условиях полилингвизма в условиях Кавказа.

7. Речевой этикет и традиционные формы взаимоотношений в кавказском социуме. Как обратиться к незнакомому человеку: господин, гражданин или товарищ? Дама, девушка, женщина или бабуля? В каком случае лучше обращаться на ты или на Вы? Нужно ли к взрослому человеку обязательно обращаться по имени-отчеству?

8. Возврат нормы, возрождение и конструирование национальных языков? Русские слова в условиях полиэтничного общения, как транснациональные понятия.

9. Как склонять фамилии в русском языке и в языках народов Кавказа?

10. Вопросы чтения. Что читают различные поколения у различных народов.

5. Исторические процессы в России XIX в. и становление современных языковых форм

В русской и мировой науке давно закрепилось бесспорное положение о том, что А.С. Пушкин – основоположник русского национального литературного языка. Это значит, что в его творчестве, в его произведениях – художественных (стихотворных, прозаических, драматургических), публицистических, научных – русский литературный язык предстал как лучшее и высшее конкретное воплощение русской национально – языковой нормы своего времени. Конечно, помимо А. С. Пушкина, многое сделали для развития языка и другие его выдающиеся современники

(А. С. Грибоедов, И. А. Крылов, декабристы, поэты так называемой «пушкинской плеяды» – ближайшее поэтическое окружение поэта). Но именно в творчестве А. С. Пушкина с наибольшей полнотой и яркостью выразилось это развитие. Он глубже всех понимал и дальше всех видел современные ему нужды и исторические перспективы развития русского литературного языка, совершеннее всех владел им во всех его проявлениях – от изумительных стихотворных имитаций русских народных сказок до глубоких научно-исторических исследований о Пугачеве и страстной публицистики, проникнутой подлинно интернационалистической озабоченностью о трагической судьбе североамериканских индейцев США («Джон Теннер»).

У всякого народа, имеющего литературу, есть свои любимые писатели, поэты. Но не у всякого народа, имеющего литературу, есть такой поэт, на плечи которого ложилось бы выполнение сразу двух исторических задач – установить национальный литературный язык и создать новую реалистическую литературу. Именно таким и был в России и для России А. С. Пушкин: он создал национальный литературный язык и национальную реалистическую литературу.

Изучающим русский язык, как неродной, феномен А. С. Пушкина может быть понят в полном объеме только в том случае, если будет понята та огромная любовь, которой окружен в нашей стране великий поэт, если будет понята та нравственная, гражданская, человеческая и художественная высота, на которой он возвышается в сознании русских людей.

Сущность деятельности А. С. Пушкина в области языка кратко можно было бы сформулировать как синтез книжной культуры языка с

богатством разговорной речи в общенародном масштабе, в интересах всего русского народа. В более конкретизированном виде эту деятельность можно представить в следующих шести моментах.

Расширение границ литературной лексики. Этот процесс, совершившийся в пушкинское время за счёт привлечения в тексты художественных произведений слов общенародного языка, был характерен для становления национального литературного языка. В русле данного процесса и совершались важнейшие пушкинские языковые преобразования.

Общий продолжающийся процесс демократизации русской культуры того времени коснулся и языка, и художественной литературы, и норм эстетического идеала, и предмета поэзии. «Что для прежних поэтов было низко, то для Пушкина было благородно: что для них была проза, то для него была поэзия», – писал В. Г. Белинский. А. С. Пушкин смело и свободно использует разговорные слова и обороты, умело создает ими высокохудожественные картины и образы. Его творчество расширило состав литературной лексики, демократизировало ее. Такие слова, как былой, быт, назло, ура, грохотанье, намекать и др., имели ранее в словарях ограничительные стилистические пометы «простонародной» разговорности и не находили доступа в основной нейтральный фонд литературной лексики. У А. С. Пушкина же эти слова находят самое широкое применение во всех стилях языка и жанрах литературы:

Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу
(«Медный всадник»)
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра...
(«Полтава»)

В «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847), учитывавшего творческую практику А. С. Пушкина, упомянутые слова даны уже без ограничительных помет.

Рациональное использование церковнославянизмов. А. С. Пушкин понимал, что совершенствование литературного языка вовсе не заключалось в очистке его от славянизмов, а в том, чтобы его общенародную основу обогащать славянизмами и вообще элементами книжной традиции. В «Письме к издателю» (1836) А. С. Пушкин писал: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному?»

Нет, так же как разговорный язык не может быть совершенно подобным письменному». Безнадёжно устаревшие славянизмы типа сей, оный и т. п. поэтом из языка исключаются. Многие славянизмы он стилистически нейтрализует, снимая с них ореол высокой книжности и риторичности и включает в неторжественный контекст. Например: «Деньги – вот чего алкала его душа» («Пиковая дама»),

На миг умолкли разговоры:
Уста жуют. Со всех сторон
Гремят тарелки и приборы...
(«Евгений Онегин», гл. V).

Здесь славянизмы алкать (алкать – сильно, страстно чего-либо желать) и уста (уста – рот, губы) соседствуют в одном контексте с нейтрально-разговорными словами деньги, жуют и др.

Те же славянизмы, в которых книжность и риторичность оказались устойчивыми, выполняли стилистические функции торжественно-приподнятого повествования («Пророк», «Памятник»), исторической стилизации («Борис Годунов», «Песнь о вещем Олеге») и сатирического изображения («Гавриилиада», эпиграммы). Таким образом, в творчестве А. С. Пушкина одни славянизмы – самые архаичные – перестают употребляться, другие – наиболее употребительные и понятные – стилистически нейтрализуются или почти нейтрализуются, растворяясь в общем литературном языке, третьи – заметно сохранившие книжную окраску – становятся средством стилистического контрастирования книжности – разговорности, четвертые – так называемые поэтизмы – остаются специфической приметой поэтической речи. Следовательно, церковнославянизмы как единая и цельная система в языке Пушкина (а также вообще в русском литературном языке с середины XIX в.) перестают существовать, окончательно распадаются.

Решение проблемы прозы. Ее суть заключалась в создании национальных стилей науки, философии, публицистики. В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» (1825) А. С. Пушкин писал, что «ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись... Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны».

Недостатком языка художественной литературы XVIII в. была экстенсивность формы, «многословие». В противовес ему А. С. Пушкин в статье «О прозе» (1822) выдвигает свой важнейший тезис: «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат». И поэт строго следует своему тезису: его проза немногословна, точна, информативно насыщена. Таковы «Пиковая дама», «Повести Белкина», «Дубровский» и др.

Вслед за Н. М. Карамзиным А. С. Пушкин утверждает в литературно-письменном языке прямой порядок слов как главный (исходный) и стилистически нейтральный, на фоне которого варьирование порядком слов становится средством актуализации различных частей предложения, средством смысловой и стилистической нюансировки. Но А. С. Пушкин идет дальше Н. М. Карамзина: он отвергает изысканность, манерность и многословие его прозы, в которой роль глагола весьма скромна. В пушкинской же прозе глагол становится смысловым и грамматическим центром фразы, что, помимо прочего, сближает синтаксис его прозы с синтаксисом произведений русского фольклора. В этом – одна из черт народности пушкинского языка.

Сам А. С. Пушкин дает прекрасные образцы произведений научного и публицистического стилей («История Петра», «История Пугачева», «Путешествие из Москвы в Петербург», «Джон Теннер» и др.). По пушкинскому пути пойдет в дальнейшем блестящее развитие публицистических и научных стилей в произведениях В. Г. Белинского, Н. А.

Добролюбова,

Н. Г. Чернышевского, М. Е. Салтыкова - Щедрина.

Совершенствование стихотворного языка. В допушкинскую – классицистическую – эпоху язык стиха, как бы витая в заоблачных высях книжности, был слишком далек не только от естественной живой разговорной речи, но и от литературной (в том числе и художественной) прозы. Пушкинская реформа стихотворного языка выразилась, во-первых, в демократизации состава лексики и фразеологии текста стиха и, во-вторых, в сближении и смешении книжного синтаксиса с синтаксисом живой устной речи.

Пушкинские стихотворные фразы в целом кратки, по структуре «прозрачны», часто с прямым, естественным порядком слов, свойственным прозе. Например:

Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пешком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
(«Медный всадник»).

Проза вторгается в стих, который становится не только выражением лирических волнений поэта, но и средством показа исторических событий, жизни народа, быта простых людей и т. п. «Пушкин сблизил поэтический «язык богов» с живой русской речью и сделал поэзию общенациональным достоянием. Непреодолимая граница между стихотворным языком и бытовой прозой была стерта».

Пушкин показал поистине неисчерпаемые возможности русского языка в области стиха, который у великого поэта достиг исключительного, до сих пор непревзойденного художественного совершенства. Богатый поэтический опыт А. С. Пушкина передается всем последующим поколениям русских поэтов.

Грамматические совершенствования. Известно, что нормы (в том числе и грамматические) литературного языка носят исторически изменчивый характер. Борьба за новые, демократические нормы грамматики в пушкинское и послепушкинское время была неразрывно связана с общей борьбой за новые, демократические основы русской культуры, искусства и литературного языка.

А. С. Пушкин является наиболее полным и совершенным выражением русской национальной языковой нормы своего времени, несмотря на то, что не все у поэта укладывалось в традиционные рамки тогдашних грамматик. Ф. И. Буслаев (1818–1897), крупнейший русский лингвист XIX в., в связи с этим писал: «Грамматика Ломоносова должна была уступить место руководствам, принявшим за образец речь карамзинскую; но дальнейшие успехи нашего языка в сочинениях Грибоедова, Крылова, Пушкина уже не нашли себе оправдания в этих руководствах; вследствие чего первый художник и знаток русского слова Пушкин увидел себя в странном противоречии со многими параграфами принятой в его время грамматики». Именно этим можно объяснить несправедливые нападки некоторых тогдашних критиков на Пушкина за его мнимые «неправильности» в языке. Последующая история русского литературного языка подтвердила правоту поэта.

В процессе творческой эволюции А. С. Пушкина в языке его произведений сокращается употребление ряда архаических форм.

Например:

а) существительные в творительном падеже типа речью, прелестью и закрепляются формы типа речами, прелестями;

б) усеченные прилагательные в функции определения: «Я вас бежал, отечески края»;

в) родительный падеж единственного числа прилагательных женского рода на - ья (- ия): «подруги тайные моей весны златая»;

г) просторечная форма «нет время»;

д) книжные формы докторы, адресы, профёсоры и утверждаются формы доктора адреса профессора, соответствующие и современным нормам.

В области синтаксиса сокращаются галлицизмы, например, управление типа «отмстить кого», «бежать кого, чего» и закрепляется управление типа «отмстить кому», «бежать от кого, чего». У А. С. Пушкина, как уже упоминалось выше, возрастает роль глагола, что привело к смысловой насыщенности и динамизму повествования. «Реформа синтаксиса, основанная на признании преимущества глагола и имени существительного и связанная с изменением форм времени, следовательно, приемов сочетания предложений, привела к полному обновлению повествовательных стилей в стихах и прозе».

Наконец, следует назвать и стилистические преобразования А. С. Пушкина, которые органично связаны с другими его новшествами. Традиции русского классицизма были весьма живучи, и произведения А. С. Пушкина старомодной критикой вплоть до конца 20-х гг. XIX в. рассматривались и оценивались с позиций классицизма. Б. В. Томашевский, известный советский филолог, справедливо отмечал, что «нельзя анализировать тексты Пушкина по нормам XVIII в.; поэт руководствовался иными нормами, и, забывая о них, мы всегда можем совершить ошибку в оценке стиля отдельных произведений Пушкина, а, следовательно, для нас останется непонятной его историческая роль в развитии языка. Только с точки зрения норм классицизма можно говорить о смешении разных речевых стилей русского языка как основы стилистической системы Пушкина».

А. С. Пушкин отказывается от канонов классицизма, от жесткой прикрепленности стиля языка к жанру литературы. Раскрепощение стиля от жанра в его творчестве привело не только к стилистическому, но и к жанровому взаимопроникновению в одном и том же произведении. По нормам XVIII в. «Евгений Онегин» – поэма, а между тем, как известно, это роман; поэма «Медный всадник» самим автором названа «Петербургской повестью».

По сравнению с классицистами у А. С. Пушкина употребление какого-либо слова, оборота стало более свободным, непринужденным; разговорные и книжные элементы стали теснее и целенаправленней взаимодействовать для выражения оттенков мысли и стиля. Поэт с большим вниманием и уважением относился к живой речи народа, к произведениям фольклора, находя в них подлинные образцы словесного творчества. Живая русская речь отражена во многих его произведениях разных жанров: в «Евгении Онегине», «Полтаве», «Медном всаднике», «Дубровском», «Капитанской дочке», лирических стихотворениях, не говоря уже о гениальных сказках, в которых живая речь представлена с величайшим мастерством и художественным тактом.

Благодаря А. С. Пушкину стилистический диапазон, смысловые и изобразительные возможности русского литературного языка возросли. Именно это имел в виду Н. В. Гоголь, который в 1833 г. писал о А. С. Пушкине: «В нем, как будто в лексиконе, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии...».

С пушкинского времени теория «трех штилей» полностью и окончательно уходит в прошлое, в историю. С этого времени стилистическое расслоение литературного языка осуществляется на новых основаниях, соответствующих в целом стилистическому расслоению современного русского литературного языка. В этот же период окончательно складывается – впервые за всю историю русского литературного языка – его устная форма. С ее возникновением устанавливается новая противопоставленность в системе стилей русского литературного языка: между книжно-письменной и устно-разговорной его разновидностями.

Н. М. Карамзин и карамзинисты в свое время также пытались создать устную образованную речь, но она, по их мнению, должна была

ориентироваться на вкусы и запросы салона и русской аристократии. А. С. Пушкин же, в отличие от карамзинистов, устную образованную речь (устную форму литературного языка) строил на демократической, общенародной основе, понятной и близкой всем слоям русского общества.

А. С. Пушкин первым остро и ясно осознал не только единство и цельность всего русского литературного языка, но и серьезное различие между устной и письменной его формами. Сам поэт дал прекрасные образцы художественного воспроизведения русской литературной разговорной речи. Он был, прежде всего, практиком-художником слова, непревзойденным мастером поэтической речи. Однако глубоко научно понимал также нужды всего русского литературного языка, чувствовал тенденции к интеллектуализации его дальнейшего развития, к насыщению его «метафизическим» (научно-философскими) и публицистическими элементами.

Все важнейшие направления последующего развития русского литературного языка – в прозе, в стихосложении, в драматургии, в публицистике, в научном изложении – шли по пути, проложенному великим поэтом. Со времени А. С. Пушкина русский язык входит как равноправный в семью наиболее развитых литературных языков мира. «Из русского языка Пушкин сделал чудо», – писал Белинский.

«К 30–40 годам XIX века основное ядро национального русского литературного языка вполне сложилось. Русский язык становится языком художественной литературы, культуры и цивилизации мирового значения».

В заключение укажем на связь деятельности А. С. Пушкина как реформатора языка с его деятельностью в качестве поэта, художника слова. Эта связь была несомненной и тесной. А. С. Пушкин, как известно, не был языковедом в собственном смысле, и его работа в области совершенствования языка не замыкалась только лингвистическими рамками, а была связана с практическими нуждами словесно-художественного творчества, нуждами русской литературы. Аспектов связи национального литературного языка и национальной художественной литературы много. Назовем один, но главный, а именно аспект исторического параллелизма и известной изоморфности в развитии литературного языка и художественной литературы. А. С. Пушкин в России был одним из первых, кто это хорошо понимал. Поэтому его

взгляды на литературный язык, на законы его изменения, на их неизбежность носили исторический характер.

Взгляды поэта на язык соответствовали его взглядам и на развитие художественной литературы. «...Создание исторической изменчивости стиля и языка появляется только в начале XIX века. Пушкин был первым, кто ощутил в полной мере различие стилей литературы по эпохам, странам и писателям. Он был увлечен своим открытием и пробовал свои силы в различных стилях – разных эпох, народов и писателей. Это означало, что скачок закончился и началось нормальное развитие литературы, осознающей свое развитие, свою историческую изменчивость. Появилось историко-литературное самосознание литературы. Литература вошла в единое русло развития и решительно изменила свою структуру.

В послепушкинское время развитие литературного языка шло под знаком дальнейшего совершенствования пушкинских начинаний, углубления его национально-демократических основ, расширения функционально-стилистического и жанрового многообразия его проявлений. Русская культура в целом (художественная литература, театр, живопись, музыка, балет, художественная критика, эстетическая мысль) и русский литературный язык как важнейшая форма ее выражения достигают подлинного расцвета, перерастают в своем значении национальные границы и прочно входят в интернациональную (общечеловеческую) духовную сокровищницу.

Очень трудно в учебных целях представить и описать во всеохватной цельности и полноте все великое многообразие проявлений русского литературного языка того времени – времени расцвета русской художественной классики и публицистики.

В послепушкинское время – в рамках первой половины XIX в. наибольшее влияние на развитие русского литературного языка оказали М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь и В. Г. Белинский. М. Ю. Лермонтов (1814–1841) родился на 15 лет позже А. С. Пушкина и всего лишь четырьмя годами позже его погиб на дуэли. Однако М. Ю. Лермонтов представлял собой уже новый, дальнейший этап развития русского литературного языка. Ранний М. Ю. Лермонтов в большей мере, чем ранний А. С. Пушкин, был свободен от архаических традиций русской литературы и языка.

Классицизм был побежден А. С. Пушкиным, у которого лишь в ранних стихотворениях используются приемы и средства классицизма.

М. Ю. Лермонтов же, продолжая традиции А. С. Пушкина, вообще не возвращается к классицизму.

Глубокий психологизм, повышенный интерес к «диалектике» души, интерес не столько к поступкам человека, сколько к их психологическим мотивам, – вот что характерно для стихотворных, прозаических и драматургических произведений М. Ю. Лермонтова, который стоит у истоков «психологического русла» русской литературы, представленного в дальнейшем своем развитии такими именами, как Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. Великая заслуга М. Ю. Лермонтова – это его проза, достигающая в романе «Герой нашего времени» образцового совершенства: благородной простоты, глубины мысли, стилистического изящества и грамматической безупречности. Лаконизм и «нагая простота» пушкинской прозы, пришедших на смену карамзинскому многословию, в языке М. Ю. Лермонтова получают новое качество: в его прозе усиливается смысловая роль эпитетов, на которые так скуп был

А. С. Пушкин. «Благодаря Лермонтову русский язык далеко подвинулся вперед после Пушкина...».

Величие роли Н. В. Гоголя (1809–1852) в развитии литературного языка заключается, во-первых, в расширении его лексических границ: писатель берет из общенародного языка различные пласты слов, которые раньше не находили или почти не находили себе места в языке художественной литературы, – слова, специфические для крестьянской речи, картежно-игрецкие слова, охотничьи слова, слова русской кулинарии, слова, характерные для различных ремесел, и т. д. Этот творческий опыт

Н. В. Гоголя перенимается и развивается Н. А. Некрасовым, И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым и другими писателями. Во-вторых, Н. В. Гоголь берет из общенародного языка его богатейшие стилистические средства и использует их в своем творчестве, тем самым обогащая стилистико-изобразительные возможности всего русского литературного языка. «Гоголь еще более и еще далее, чем Пушкин, раздвинул границы русского национально-литературного языка и старался показать всю ширь его пространства в языке художественной литературы». В-третьих, Н. В. Гоголь показал неистощимость русского общенародного языка в сатире и юморе, что, в свою очередь, дало толчок к развитию стилей обличительной публицистики. Он доказал, что подлинный смех – это не пустое

зубоскальство, не «безвредная бессмыслица», как утверждала тогдашняя консервативная эстетика, а могучая сила воздействия на общество. Уместно напомнить, что Н. В. Гоголь является основателем критического реализма – важнейшего, центрального направления русской классической литературы середины и второй половины XIX в.

В. Г. Белинский (1811–1848) оказал сильное и благотворное влияние на развитие русского литературного языка. Его научно-публицистическая и литературно-критическая деятельность – живое воплощение пушкинской идеи создания «метафизического языка – языка философии, науки, публицистики. В частности, благодаря трудам В. Г. Белинского закрепляется в русском литературном языке прогрессивная и новейшая для того времени общественно-политическая и литературно-критическая лексика и терминология (прогресс, прогрессивный, идеал, идеализировать, объект, субъект, принцип; западник, сторонник, крепостник). Именно В. Г. Белинский создает стили русской революционно-демократической критики и публицистики. Его по праву можно считать первым теоретиком истории русского литературного языка, внесшим идею исторического взгляда на жизнь языка и на его неразрывную связь с жизнью обслуживаемого им общества. В. Г. Белинский боролся за демократические основы русского литературного языка, защищал язык А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Н. В. Гоголя от несправедливых нападок консервативных критиков.

Наиболее важными общими особенностями развития литературного языка второй половины XIX в. являются:

- а) ведущее положение публицистических стилей;
- б) проникновение особенностей публицистического и научного изложения в художественную речь во взаимодействие процессов терминологизации и детерминологизации.

В предпушкинское и пушкинское время в общей системе стилей главное положение занимает художественная речь (или, как тогда говорили, «изящная словесность»), которая – по представлениям того времени – с наибольшей полнотой и правом воплощала литературность (нормированность, обработанность) языка. Во второй же половине XIX в. ведущее место стали занимать стили публицистики и научного изложения. Творчество выдающихся деятелей русской культуры Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева воплощает именно эту особенность литературного языка в указанное время. Публицистичность, острый

интерес к общественно-политическим проблемам русской жизни, отражение этого интереса в языковых формах (в лексике, фразеологии, семантике, стилистике) – наиболее характерные приметы литературного языка того времени.

В собственно художественных произведениях, например, таких авторов, как А. И. Герцен (роман «Доктор Крупов»), Н. Г. Чернышевский (роман «Что делать?»), Л. Н. Толстой (эпизод из романа «Война и мир»), обнаруживаются такие черты изложения, которые свойственны научному языку: используются научные термины и понятия, проводятся различные аллегории и аналогии с предметами и понятиями естественных и математических наук для выражения идеи и образов художественного произведения. Характерными были два взаимосвязанных и одновременно встречающихся процесса – терминологизация и детерминологизация. Терминологизация – это превращение общелитературного (неспециального) слова в термин.

Таково, например, слово подполье, которое первоначально имело только одно значение: «помещение под полом, подвал»; затем оно приобрело и другое, терминологическое значение: «организованная конспиративная деятельность против властей». Именно посредством терминологизации появились такие термины, как промышленность, стачка, гнет, вопрос (в значении «проблема») и многие другие. Данный процесс – результат влияния живой (не книжной) речи на стили науки и публицистики.

Детерминологизация – это обратный процесс по отношению к вышеназванному. Например, физический термин масса («количество вещества в единице объема») стал широко использоваться в общем употреблении, но с другим значением: «большое количество чего-либо». Таким же путем в общее употребление вошли слова и выражения: зенит, горизонт, импульс, симптом, уравнение с двумя (многими) неизвестными, поворот на 180 градусов, звезда первой величины и т. п. Названный процесс есть результат проникновения научной речи в общий литературный язык.

Оба процесса сохраняют свою активность вплоть до нашего времени.

Для развития русского литературного языка второй половины XIX в. была весьма характерна тенденция к дальнейшему, более строгому упорядочению грамматических категорий, к выравниванию грамматических правил, к устранению грамматической дублетности и параллелизма. Например, за указанное время освобождается от колебаний

(от дублетности) категория рода имен существительных: вкусный апельсин – вкусная апельсина, эпизод – эпизода, этюд – этюда и т. п. К концу XIX в. в этих колебаниях победила форма мужского рода.

Русские словари за всю длительную (начиная с XIII в.) историю их создания сыграли большую роль в общем процессе упорядочения и консолидации норм русского литературного языка. Во второй половине XIX в. очень значительной в этом процессе была роль «Словаря русского языка» под ред. Я. К. Грота, особенно в аспекте упорядочения норм орфографии. Из других словарей следует назвать знаменитый четырехтомник «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, вышедший первым изданием в 1863–1866 гг. (последнее, седьмое издание вышло в 1978–1980 гг.). Этот словарь общенародного языка – замечательный памятник не только русского языкознания, но и всей русской культуры. Его значение заключается прежде всего в пропаганде и популяризации роли и престижа народной (особенно крестьянской) речи в русском обществе того времени, в демократизации и обогащении русской литературной лексики, в обогащении всего литературного языка элементами разговорной речи, в благотворном влиянии на дальнейшее развитие лексикографии и диалектологии.

Интенсивное развитие русской демократической культуры конца XIX – начала XX в., распространение марксизма в России, возрастание в связи с этим агитационно-пропагандистской деятельности российской социал-демократии, а позже большевиков, подъем революционного движения, первая русская буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг., назревание революции 1917 г. не только усилили роль русского литературного языка, но и существенно расширили общественные сферы и формы его использования, включая активизацию его устной формы. Все многообразие конкретных проявлений в историческом развитии русского литературного языка этого времени можно свести к единой тенденции – к расширению и углублению его национально-демократических основ.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Как отразились лингвистические процессы прошлого в современном русском языке? Есть ли исторические параллели у разных языков?
2. Социально-экономические процессы в России XIX в. и демократизация языка.

3. Нормы и правила русского языка: дворянский и разночинский этапы.

4. Сопоставьте современный этап развития русского и национальных языков и их периоды формирования современных литературных норм.

6. Развитие национальных языков народов Кабардино-Балкарии в XVIII – начале XXI в.

В условиях национального разнообразия Российской Федерации важнейшей составляющей внутренней политики является этнокультурная политика. Так как язык всегда является частью этнокультурной (национальной) политики, развитие национального языка сопряжено с развитием политической культуры государства.

Современная этнокультурная политика демонстрирует высокий уровень демократизма и плюрализма. Учителя предметов «русский язык как родной», «русский язык как неродной» и «родной (нерусский) язык» как проводники образовательной политики государства должны понимать, какие изменения и для чего они происходят в сфере этнокультурной политики.

Под этнокультурной политикой нами понимается «сфера управления и обеспечения интересов и прав граждан, связанных с их этнокультурными запросами». Этнокультурное образование как составляющая этнокультурной политики охватывает, прежде всего, образование в трех областях: язык, история и культура.

Равноправие языков, гарантированное Конституцией РФ, обеспечивается самим их присутствием в образовательном пространстве в качестве:

- ✓ языка обучения: получение образования на государственном языке РФ или национальном государственном языке субъекта РФ;
- ✓ языка изучения: получение образования с изучением родного языка как предмета;
- ✓ получение дополнительного образования на государственном языке РФ или на национальном государственном языке субъекта РФ в учреждениях дополнительного образования, во внеурочной и внешкольной деятельности.

Этнокультурная политика РФ заложена в основной цели ФГОС: формирование гражданина Российской Федерации, его этнокультурной и языковой идентичности. Именно поэтому учителя-филологи становятся активными проводниками этнокультурной (языковой) политики, отражающейся в образовательной политике государства.

В условиях роста социального, этнического, конфессионального и культурного разнообразия нашего общества важнейшим требованием языковой политики является сохранение единства образовательного пространства, преемственности ступеней образовательной системы.

Также важным аспектом в этнокультурной политике является поддержка и сохранение языков народов России. Поэтому к задачам государства на федеральном и региональном уровнях власти относятся создание и обеспечение условий для населяющих его народов, позволяющих сохранять и развивать их национальные языки.

Однако статус государственного языка на всей территории Российской Федерации имеет только русский язык. Кабардино-Балкарская республика в числе других республик Российской Федерации реализовало право установить свои государственные языки, и в настоящее время таковыми являются языки титульных наций – кабардинский и балкарский. Они употребляются в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республики наряду с государственным языком Российской Федерации. Федеральное законодательство детально определяет так называемые «официальные сферы общения», в которых используется государственный язык Российской Федерации в обязательном порядке, в том числе образовательная и научная сферы.

Равноправие языков народов Российской Федерации охраняется законом. Конечно, если рассматривать термин «равноправие» как «обладание равными, одинаковыми с чем-либо правами», то реального равноправия языков на практике не достичь, поскольку, как представляется, один или несколько языков могут приобрести статус государственного, тем самым расширив сферы своего функционирования, некоторые языки могут использоваться в официальных сферах общения на ограниченных территориях. К тому же языки, например, национальных меньшинств, коренных малочисленных народов Российской Федерации могут нуждаться в увеличенном по сравнению с другими языками объеме поддержки со стороны государства. Это, к примеру, языки, не имеющие своей письменности, вымирающие языки. Поэтому, рассматривая принцип равноправия языков, мы скорее должны говорить о «принципе равных возможностей» – такой правовой ситуации, при которой созданы условия для функционирования языков в политической и духовной жизни без

ущерба для пользования ими носителями разных других национальных языков².

Современная языковая политика государства прочно закрепились в документах: «Концепция национальной политики РФ», «Об образовании», «ФГОС», федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)».

Следующей составляющей этнокультурной политики является взаимосвязь этнических общностей и местного самоуправления. С одной стороны, утвержденные законом РФ принципы организации местного самоуправления не смогут реально работать без соответствующего уточнения и конкретизации в полиэтничных регионах. С другой стороны, без использования возможности общественного самоуправления невозможна сколько-нибудь полная и эффективная реализация этнической политики в регионах. Не менее значима роль средств массовой информации (СМИ) в проведении этнокультурной политики. Эта проблема также может быть рассмотрена в двух измерениях. Первое измерение – освещение этнической проблематики в неэтнических СМИ.

Эффективная этнокультурная политика напрямую зависит от того, как полно и всесторонне она освещается в средствах массовой информации. Также СМИ должны стать площадкой для межэтнического диалога, стать индикатором мнений и проблем национальных и конфессиональных сообществ. СМИ – один из наиболее эффективных механизмов формирования межнационального и межконфессионального согласия в обществе.

Второе измерение – это этнические средства массовой информации. Газеты, издающиеся на языках народов России, вещание телевидения и радио на языках этнических общностей позволяют сохранять традиционную народную культуру, сохранять язык и реализовывать в полной мере право на получение информации на родном языке.

Более объективно оценить современное состояние национальной политики позволяет ретроспективный анализ. При этом очень важно правильно понимать ключевые слова. «*Нация*» – полисемантическое понятие, применяемое для характеристики крупных социокультурных общностей индустриальной эпохи. Существует два основных подхода к пониманию нации: как политической общности (политические Н.) граждан определённого государства и как этнической общности (этно – Н.) с

единым языком и самосознанием. Многозначность понятия «нация» отражает наличие множества концепций феномена нации.

«Этнос» – феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества»; «Этнос» – коллектив особей, выделяющих себя из всех прочих коллективов. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени.

В нашем понимании термины и явления «этнос» и «нация» не исключают друг друга, а относятся к разнопорядковым характеристикам коллективных исторических субъектов.

Важнейшим ключевым понятием во многих современных документах, в частности, во ФГОС, является «самоидентификация»: социальная, культурная, этническая. Характеризуя признаки самоидентификации членов этноса, Л. Н. Гумилёв отмечает в качестве ведущего этнический стереотип поведения. «Структура этнического стереотипа поведения – это строго определённая норма отношений:

- а) между коллективом и индивидом;
- б) индивидов между собой;
- в) внутриэтнических групп между собой;
- г) между этносами и этническими группами».

При этом сила этнического стереотипа огромна потому, что члены этноса воспринимают его как единственно достойный, а все остальные – как «дикость».

В состав российского государства входят этносы с принципиально различными стереотипами поведения. Именно поэтому государство определяет понятие российской идентичности как результат образовательной политики, реализуемой через ФГОС: ряд норм социального, экономического, политического, правового и др. характера, представляющих регулятивные механизмы деятельности общества (в том числе, сохранение целостности государства). Когда эти нормы в полной мере, в обязательном порядке и в равной степени относятся ко всем без исключения членам общества, только тогда можно говорить о вероятности складывания гражданского общества. Вот почему во ФГОС основной задачей системы образования определяется формирование российской гражданской идентичности, которая предполагает, что для члена любого этноса вышеупомянутые нормы становятся объективной реальностью, которую необходимо исполнять. Под этими социальными процессами

понимается сохранение этнической идентичности (связанной с языком, обычаями и культурой) и одновременно утверждение гражданской общероссийской идентичности. То есть представители этнического сообщества должны чувствовать себя полноценными гражданами России не в ущерб своему этническому – нерусскому – самосознанию.

Каким бы многонациональным или полиэтничным не было бы то или иное государство, основополагающими являются, как правило, ценности и принципы внутреннего устройства доминирующей, численно превосходящей этнической группы или групп, близких по своим социокультурным качествам.

В РФ именно русские этнокультурные ценности и русский ментальный тип лежат в основе российского типа культуры и, в частности, российской гражданской идентичности. Нельзя отрицать влияния иных этнокультурных традиций на российский тип культуры и все его составляющие и проявления. Вместе с тем, последние имеют и специфические, неповторимые более нигде, типологические черты, которые определяются как «русские». Таким образом, нам следует рассмотреть влияние русских этнокультурных ценностей на этносоциальные структуры инокультурного и иноэтничного окружения. Будет сохраняться этническая идентичность (связанная с языком, обычаями и культурой) и одновременно утверждаться гражданская общероссийская идентичность. То есть представители этнического сообщества должны чувствовать себя полноценными гражданами России не в ущерб своему этническому – нерусскому – самосознанию.

В рамках социокультурного взаимодействия, возникающего на присоединяемых территориях, особый интерес представляют способы привнесения русскими своих этнокультурных ценностей.

В связи с этим проследим, как проходило развитие национальных языков на Северном Кавказе с XVIII века до начала XXI века.

Развитие происходило достаточно в сложных исторических, политических, социальных и экономических условиях. Этому качественному периоду развития культуры народов предшествовал широко развитый фольклор – устное народное, поэтическое творчество. Территориальная близость проживания этих народов отразилась в общности уклада жизни, в морально-нравственных принципах образа жизни, а, следовательно, и в наследии фольклора – первого культурного памятника народов Кавказа.

Экономические, культурные связи с другими народами, достигшими более высоких ступеней общественного развития, естественным образом привели горцев к тому, что они перенимали имеющийся у них опыт письма. Этим объясняется то, что в разное время горцы пользовались алфавитом на арабской, латинской основе. Насаждение Турцией ислама на Кавказе привело к письменности этих народов на арабской основе. Однако арабский язык, принесенный Кораном к адыгам, балкарцам, осетинам, чеченцам, ингушам и другим народам, на территории Северного Кавказа функционировал только в религиозной сфере. И в этом случае знание арабского языка было доступно только узкому кругу образованных людей. Большинство же народа оставалось безграмотным.

Литературовед М. И. Фетисов в одном из своих трудов отметил, что «тот или иной язык обретает большую притягательную силу для различных народов, силу общественного влияния и широчайшую сферу распространения не сам по себе, а в прямой зависимости от всемирно-исторической роли самого народа, от степени его развития культуры и литературы своей страны, от интенсивности ее революционно – освободительного движения». Исторически сложившиеся связи с Россией и ее культурой оказались сильнее влияния ислама, а прогрессивные деятели Кабарды и Осетии раньше других осознали значение русской культуры. Впоследствии их стали называть просветителями национальной литературы. Это кабардинцы Лион Бжихатлов, Жабаги Казанок, Кази Атажукин, Шора Ногмов, балкарцы И. Урусбиев, Н. Урусбиев, К. Мечиев, М. Абаев, осетины А. Колиев, И. Кануков, Коста Хетагуров и другие. Их творческий путь повторили первый ингушский ученый-этнограф Ч. Ахриев, чеченец языковед К. Досов. В сложившихся в тот период историко-политических условиях только Россия могла оказать помощь народам Северного Кавказа, и просветители горских литератур хорошо это понимали. После присоединения народов Северного Кавказа к России была создана письменность, и стало распространяться просвещение. В истории создания алфавита кабардинского языка остались имена Ш. Ногмова, Б. Умара, К. Атажукина, Б. Пачева,

Шора Ногмов, кабардинский просветитель, поэт и ученый, стал одним из ярких представителей просветительской мысли горских народов. Его заслуги перед народом заключаются в создании в 1840 г. алфавита на русской графической основе, написал первую кабардинскую грамматику на русской графической основе, он автор-составитель первого кабардино-

русского словаря, автор исследования «История адыгейского народа, составленное по преданиям кабардинцев». Его историко-литературное значение нельзя переоценить. Первый крупный деятель северокавказских народов первым увидел в России передовую науку. В его единственном сохранившемся художественном произведении «Хох» (тост) отразились его представления о будущем науки и культуры народов региона, связанные с дружбой с русским народом. Стихотворение он посвятил академику
А. Шегреву.

Славное дело, начать что хотите, вам
легким да будет!
Где языки изучают, дом этот священным
да будет!
Будущим людям то довольной да будет,
А зависти к нам да не будет!
То, что познаем совместно, для всех нас
полезным да будет!

Этот заздравный хох написан в форме традиционного жанра фольклора – тост, где Ногмов отразил разработанные основы кабардинского литературного языка. В здравнице выражены прогрессивные для того времени гуманистические устремления автора. А. Берже рассказывает, что А. С. Пушкин был лично знаком с Ногмовым. Шора читал известному русскому поэту свои стихи, получая его одобрение, а в бытность русского писателя на Кавказе помогал ему в переводе фольклорных произведений адыгских народов на русский язык. Существует предположение, что М. Ю. Лермонтов также проявлял интерес к творчеству Шоры Ногмова и тоже с ним встречался.

Публикация «Преданий черкесского народа» Ш. Ногмова дала импульс развитию творчества его земляков, учившихся с ним в Петербургском кадетском корпусе, адыгских просветителей Султан Казы-Гирея (1801–1863), Султан Хан-Гирея (1808–1842). В начале XIX века в горской литературе Северного Кавказа творчество многих писателей региона было двуязычным, в том числе и творчество названных писателей. Их творчество было замечено и поддержано русскими писателями и критиками. В 1836 году А. С. Пушкин публикует в журнале «Современник» очерк Казы-Гирея «Долина Ажитугай». Очерки

представляют собой исповедь горца о встрече с родным краем после долгого пребывания в России. К послесловию к очерку Пушкин писал: «Вот явление неожиданное в нашей литературе. Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей: черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке». Профессиональным взглядом оценил очерки Султана Казы-Гирея Белинский: «Долина Ажитугай» примечательна как произведение черкеса, который владеет языком лучше многих почетных наших литераторов». На фоне Кавказской войны очерки Казы-Гирея еще более интересны читателям, еще более импонирует им главный герой. Впервые в художественной литературе изображен представитель народов Северного Кавказа, глубоко озабоченным и взволнованным думой о дальнейшей судьбе своего народа.

Султан Хан-Гирей – наиболее крупный адыгский писатель начала XIX века. Его произведения представляют профессиональный интерес для историков, этнографов и фольклористов Кавказа. Хан-Гирей заложил основы адыгской исторической науки и художественной литературы, был одним из первых этнографов, фольклористов, искусствоведов, создателей азбуки родного языка, проектов по «гражданскому устройству» своего народа. Его творчество пропитано чувством гражданского долга, любви и верности отечеству, озабоченности его настоящим и будущим, стремлением принести народу как можно больше пользы в сложную переломную для народов Кавказа эпоху, в которой ему выпало жить и работать. Закончив в Петербурге кадетский корпус и прослужив в различных офицерских чинах, Хан-Гирей испытал воздействие русских прогрессивных идей 1830–1840 годов. Его общественно-политические взгляды отличались оригинальностью. Заботясь об упрочении строя и сохранении роли мусульманского духовенства, одновременно Султан Хан-Гирей приносил и элементы демократии, заботясь о распространении образования среди горцев. Он считал, что укрепление законности в обществе принесет счастье и довольство трудового человека, не зависимо от его сословной принадлежности. В его произведениях между строк читается, что имя «доброго гражданина» дороже для него «славе храброго воина, несправедливой кровью наполняющего нивы мирного сознания». Хан-Гирей был вхож в известные столичные салоны Н. И. Греча и Карамзиных, где встречался с выдающимися представителями русской науки, искусства и литературы: А. С. Пушкин,

М. Ю. Лермонтов, В. А. Жуковский, поэт и критик П. А. Вяземский, известные профессора Петербургского университета А. А. Плетнев и И. П. Шульгин, издатель «Энциклопедического лексикона» А. А. Плюшар. В столице Хан-Гирей снискал себе славу черкесского Карамзина. Сочинения Хан-Гирея публиковались в известных периодических изданиях Петербурга, Москвы и Кавказа, привлекая пристальное внимание кавказоведов в России и за рубежом, в частности, русского ученого В. С. Миллера и англичанина Дж. Белла. Однако славу ему принесли «Черкесские предания», в котором автор создал образ «гегуако» – народного певца. Он, выполняя свою историческую и литературную роль, прославляет мастерство наездника, повествует ярко, красочно предание о трагической судьбе княжны, ставшей причиной кровавой ссоры князей. По языку и стилю «Черкесские предания» очень близки кавказским повестям Бестужева-Марлинского. Но в более зрелом творчестве проявляются образы героев, борющихся за национальную независимость, за союз с Россией. Хан-Гирей является автором ряда произведений. Из них при жизни автора увидели свет только «Черкесские предания» и «Вера, нравы, обычаи и образ жизни черкесов». В целом в его творчестве наблюдается значительное усиление социальных мотивов, стремление к освоению новых жанров литературы.

В карачаево-балкарской литературе первыми просветителями были Мисост Абаев (1857–1928), Басият Шаханов (1879–1919), Ислам Крымшамхалов (1884–1910), Исмаил Семенов (1891–1981), Науруз Урусбиев (1863–?). Следует знать, что карачаевцы, проживающие в Карачаево-Черкесской республике, и балкарцы, проживающие в Кабардино-Балкарии, – близко родственные тюркоязычные народы, имеющие общие фольклорные истоки и фактически один карачаево-балкарский язык, принадлежащий к кипчакской группе тюркских языков.

Карачаево-балкарские просветители-публицисты непосредственно заняты проблемами просвещения народа и в творчестве, и в общественной деятельности. Они прекрасно понимали значение просвещения в жизни горцев. В своих начинаниях они опирались и ориентировались на передовых общественных деятелей России, на идеи российского демократического движения. Семья балкарских князей Урусбиевых, Исмаил и его сыновья Сафар-Али, Науруз, внесла значительный вклад в изучение и развитие культуры горских народов в XIX веке.

Сафар-Али Урусбиев предпринимает первые попытки создания грамматики балкарского языка, кроме того, он – автор интересного исследования “Сказание о нартовских богатырях у татар – горцев Пятигорского округа Терской области” (Тифлис, 1881), в котором подробно останавливается на ряде сказаний из эпоса “Нарты”, подчеркивая его общий для северокавказских народов характер. Сбором фольклора занимался также Науруз Урусбиев. Его фольклорные записки были опубликованы Н. П. Тульчинским в 1903 году с примечанием: “Заимствовано из тетради Н. И. Урусбиева”.

Мисост Абаев (1857–1928) карачаево-балкарский просветитель и публицист, историк, автор серии публицистических статей и очерков, опубликованных в конце XIX – нач. XX вв. Они увидели свет в начале 20 века. Главная тема публикаций М. К. Абаева – вопросы просвещения. Он постоянно пишет о необходимости открытия начальных школ в аулах, сельскохозяйственных школ и училищ. М. К. Абаев оказал большое содействие открытию школ и училищ в аулах Карачая, Балкарии, Черкесии, Адыгеи.

Изучая жизнь и творчество писателей-просветителей Северного Кавказа конца XVIII и начала XIX вв, становится заметна общность их исторических и творческих судеб. Они все вышли из среды господских сословий, обучились в русских университетах и школах, многие из них испытали благотворное влияние передовой русской культуры и литературы.

Ориентирами для развития просвещения и национального литературного языка стали А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов. О выраженной национальной образовательной политике России того времени говорить не приходится. Только после первой всеобщей переписи населения 1897 года, которая показала, что нерусские народы составляют более половины жителей империи, в литературе либерального направления стали обсуждаться понятия “национальный вопрос”, “автономия”, “федерация”. Как мы можем видеть, национальная языковая политика носит характер локального и стихийного процесса.

Вопросы для самоконтроля:

1. Что понимается под этнокультурной политикой?

2. Что входит в этнокультурное образование?
3. Как обеспечивается равноправие языков в системе образования?
4. Проследите роль русского языка и образования на русском языке в развитии национальных языков через сведения, данные о просветителях кабардинского и балкарского народов.
5. Что общего вы увидели в биографических сведениях просветителей кабардинской и балкарской литератур?
6. Проведите дебаты по теме «Русские этнокультурные ценности влияют на этносоциальные структуры инокультурного и иноэтнического окружения». Свои аргументы и контраргументы подбирайте на материалах Кабардино-Балкарии.
7. Что входит в понятия самоидентификация, этническая идентичность, гражданская общероссийская идентичность?
8. Представителями кабардинской просветительской мысли являются:
 1. М.Абаев
 2. Н.Шоров
 3. С. Хан-Гирей
9. Представителем не балкарской просветительской мысли является:
 1. И. Урусбиев.
 2. Б.Шаханов
 3. Л.Бжихатлов
10. Первые кабардинские и балкарские алфавиты на основе кириллицы появились:
 1. В 1921г
 2. В 1918 г
 3. В 1924 г

7. Советская этнокультурная политика в языковой сфере

Советская языковая политика в своем развитии представляется двумя периодами: с 1917 г. до конца 1930-х гг. и с 1940 до 1980-х гг..

В одном из первых политических документов советской власти – «Декларации прав народов России» от 15 ноября 1917 г. – был обнаружен основной принцип национальной политики большевиков – равноправие всех наций, понимаемое, в том числе, как право на использование родного языка вне зависимости от национальной принадлежности.

Социальная революция – это этап наиболее активных и существенных изменений в обществе и во взаимоотношениях между его членами. Эти изменения с неизбежностью влекут за собой наиболее интенсивные изменения и в литературном языке, хотя и не вызывают в нем никакой «революции» или коренной ломки его структуры и функций. Данный тезис справедлив и по отношению к русскому литературному языку.

Октябрьская революция вызвала коренные изменения во всем укладе жизни не только русского народа, но и всех других народов бывшей царской России. Культурная революция, повсеместное распространение грамотности, обязательное обучение всех детей страны в школе, широкое развитие средств массовой информации (публичная речь на митингах, собраниях, съездах, печать, радио, позже – кино, телевидение), все более тесный и многообразный контакт города с разнодиалектной деревней, территориальные перемещения масс людей внутри страны, служба юношей в армии, активное участие всех социальных слоев людей в общественной деятельности, демократизация состава новой русской советской интеллигенции – все это способствовало приобщению широких масс трудящихся к литературному языку и другим сферам духовной жизни, находящей свое выражение и отражение в литературном языке.

Особенность советского периода – это его хронологическая близость, точнее, непосредственное предшествование современному русскому литературному языку и даже слияние с ним. Здесь история непосредственно смыкается с современностью. Русский литературный язык советского периода – с учётом того, что под современным русским литературным языком (в широком смысле) понимается литературный язык

от А. С. Пушкина до наших дней, – является в силу этого объектом двух дисциплин русистики – современного русского языка и русского литературного языка.

В первой дисциплине данный объект рассматривается с точки зрения его стабильной нормативности, во второй – с точки зрения процессуальности. Поэтому факты, явления и процессы, характерные для языка советской эпохи, описываются как в работах по русскому литературному языку, так и в соответствующих разделах курса современного русского языка.

Советская русистика обогатилась значительным числом хороших работ по русскому литературному языку советского периода. Из них наиболее полно и систематически развитие русского языка представлено в четырех книгах коллективной монографии «Русский язык и советское общество». Г. И. Шклярский написал вузовское пособие «История русского литературного языка. Советский период», в котором дается широкая картина развития русского языка в советскую эпоху. В книге И. Ф. Протченко «Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект» собран богатый фактический материал, характеризующий русский литературный язык с трех главных сторон:

- а) во взаимосвязи всего русского языка в целом с советским обществом,
- б) с позиции лексических изменений,
- в) с точки зрения словообразовательных изменений.

Поскольку вхождение русского языка в клуб мировых языков является важнейшим фактом русского литературного языка советского периода, здесь следует назвать книгу В. Г. Костомарова «Русский язык среди других языков мира», в которой на широком историческом фоне и в многогранных связях с другими языками представлен русский язык как новейший и авторитетный член клуба мировых языков, как великий язык великого народа.

Из зарубежных работ по русскому литературному языку советского периода, по нашему мнению, следует назвать книгу болгарского автора Пенки Филковой «История русского литературного языка XIX–XX вв.». В ее учебнике использован большой фактический материал и отражены достижения мировой и советской русистики в области русского литературного языка советского периода, рассмотрены проблемы влияния

Октябрьской революции на языковое развитие, освещены вопросы культуры речи, хорошо описаны лексические, грамматические, фонетические, стилистические и семантические процессы, характерные для русского литературного языка советского периода.

Учитывая, что развитие русского языка советской эпохи уже достаточно подробно описано, мы в данной главе ограничимся перечнем наиболее существенных сторон и фактов этого развития лишь в области лексики с краткими комментариями их социальной обусловленности.

Как известно, изменения в лексике – по сравнению с изменениями остальных уровней языковой системы – с наибольшей полнотой и очевидностью отражают процессы, совершающиеся в самом обществе. Отметим четыре наиболее характерные стороны развития в русской лексике советского периода: исчезновение старых слов, появление новых, возрождение старых и возникновение семантических неологизмов.

Исчезновение старых слов. Указанный процесс можно более точно назвать как уход определенной части слов в фонд исторической лексики. Все эти слова имеют одну общую особенность: они непосредственно и явно отражают старый, царский, ненавистный для народа уклад жизни, поэтому после Октябрьской революции они сразу же были изгнаны из активного употребления. Ушли следующие разряды слов:

а) наименования лиц, называющих представителей господствующих классов: царь, император, цесаревич, великий князь; граф, барон, князь, купец, фрейлина, чиновник, столначальник;

б) названия чинов армии, полиции, церковной иерархии: прапорщик, поручик, урядник, губернатор; дьякон, патриарх, игумен;

в) наименования лиц, отражающие классовую систему просвещения: семинарист, лицеист, институтка;

г) слова, отражающие государственную структуру царской России: волость, уезд, губерния, казначейство, присутствие.

Появление новых слов. В первые советские годы (как, впрочем, и в последующее время) появляется множество неологизмов:

а) слова и словосочетания, отражающие деятельность КПСС, Советов, профсоюзов, комсомола, пионерии, советских общественных организаций: парторг, первый секретарь; исполком, Верховный Совет; ВЦСПС; комсомол, комсомольский; пионервожатый, пионерия, отличник;

б) слова, относящиеся к трудовой деятельности советских людей: соцсоревнование, скоростник; арматурщик, бетонщик, пищик, связист;

в) слова науки, техники, промышленности: механизация, хлебо-завод, техминимум; в течение нескольких лет возникла целая семья «космических слов»: лунник, прилуниться, космонавт, космодром;

г) слова сельскохозяйственного производства: колхоз, сено-заготовка, автопоилка, механизатор, свекловод;

д) многочисленные слова, отражающие рост культуры, искусства, народного образования, спорта: радиогазета, кинофестиваль, театровед, телерепортаж, филфак, дипломник, болельщик, динамовец;

е) слова военного дела: суворовец, нахимовец, ракетчик;

ж) слова и словосочетания с общественно-политическим значением: политинформация, холодная война, борьба за мир;

з) терминологические словосочетания, являющиеся почетными персональными званиями лиц: Герой Советского Союза, народный артист СССР, мастер спорта;

и) слова общелитературного и бытового употребления: грузовик, сберкасса, показуха, спецовка.

Как видим, все лексические неологизмы несут на себе печать новой, советской жизни, новых отношений людей, процессов в хозяйственном и культурном строительстве.

Возрождение старых слов. Сразу же после свершения Октябрьской революции было отменено классово-сословное деление граждан России, а в связи с этим ушли наряду с многими другими словами в пассивный фонд и такие слова, как генерал, адмирал, офицер, министр, министерство и все производные от этих слов, а также некоторые другие слова. Однако поскольку эти слова с течением времени утратили живые ассоциации с укладом старой дореволюционной жизни, накануне и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., с введением в Красной Армии новых воинских званий в активный обиход языка возвращаются слова: генерал, адмирал, полковник, подполковник, майор, капитан, лейтенант, сержант, ефрейтор. Возрождаются также слова гвардия, гвардеец, министр и министерство. В связи с совершающимися в стране процессами демократизации, с расширением и углублением международных контактов, развитием гласности в русском литературном языке наших дней начинают употребляться (применительно к реалиям советской жизни) такие слова, как муниципальный (муниципальный университет), мэр, докер, парламент, парламентарий, президент (в значении «глава советского государства или союзной республики»), ферма, фермер, спонсор и

некоторые другие. Активизируется употребительность таких слов, как крестьянин, крестьянство, милосердие, благотворительность.

Появление семантических неологизмов. Советская эпоха вызвала к жизни новые слова, образованные посредством семантического способа, т. е. путем переосмысления уже имеющихся в языке слов. Примеры: бригадир в значении «руководитель бригады – производственного коллектива» (сравните старое, дореволюционное значение слова: «воинское звание выше полковника и ниже генерала»); знатный – «широко известный в стране за выдающиеся успехи в труде» (старое значение: «аристократический»); олимпиец – «спортсмен, участник олимпийских игр», (старое значение: «бог, обитатель Олимпа»); сократить – «уволить со службы, с работы» (старое и сохранившееся в современном языке значение: «укоротить в длине или во времени»).

Образование семантических неологизмов – процесс весьма активный не только в первые советские десятилетия, но и в наше время. Результаты пополнения современной русской лексики отражены в одном из специальных словарей) содержащем около 5,5 тыс. неологизмов. Очень высокая интенсивность пополнения лексики новыми словами – одна из самых характерных примет жизни русского языка советского периода, включая и наши дни. Только в течение 60-х гг. в русский язык вошло свыше 3 тыс. новых слов широкого употребления⁵³. Основные источники обогащения лексики русского языка советского периода (общем пересчете) следующие: внутренние ресурсы языка (словообразование) – 85%, заимствования – 7, семантические неологизмы (отдельно от словообразования) – 8%. Самыми интенсивно пополняемыми смысловыми пластами слов в советское время являются: научная, техническая, профессионально-деловая и общественно-политическая лексика и терминология.

Определенные изменения за советские годы произошли также в словообразовании, морфологии, синтаксисе, стилистике, орфоэпии. Описание этих изменений содержится в соответствующих разделах курса современного русского языка, а также в специальных работах.

Русский литературный язык во все этапы своей истории никогда не элитизировался, никогда не замыкался в своем развитии в угоду каких-либо классово-ограниченных, аристократических и иных тенденций, а всегда был подлинным и истинно демократическим выражением культуры и всей многогранной жизни русского народа. Не случайно И. С. Тургенев

назвал русский язык великим, могучим, свободным и правдивым. Объективное положение того или иного литературного языка как фактора культуры, его реальный престиж в обществе, глубина его проникновения в массы, его демократизм зависят не только от таких его внутренних качеств, как грамматическая и словарная разработанность, богатство семантики и т. п., но и от конкретных социальных условий его жизни, от степени демократичности обслуживаемого им общества.

Немного другой путь прошла история развития кабардинского и балкарского литературных языков. Этот путь тесно связан с развитием образования на родных языках, начиная с послереволюционного времени.

Ряд законодательных актов 1918–1919 гг. утверждал возможность употребления местных языков в суде и в школе. Например, 31 октября 1918 г. вышло постановление Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств» (право обучения детей всех национальностей на родном языке в школах). В 1920 г. Нальчикский окружной ревком принял специальное постановление о строительстве школ в Кабарде и Балкарии.

За годы I пятилетки в Кабардино-Балкарской области было построено 47 новых школ на 2480 ученических мест. Обучение велось на родном языке учащихся.

Решениями X съезда РКП(б) в 1921 г. была принята резолюция, определявшая основной курс национально-языковой политики: «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию». Среди способов выделялись следующие: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов, б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительские учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как образовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем отраслям управления и, прежде всего, в области просвещения». Благодаря

этим документам в Кабарде в ноябре 1920 г. появился первый советский алфавит, автором которого был Т. Шеретлука, «величайший поэт Черкессии», как вспоминал Адиль-Герей. В том же 1920 году появился и первый балкарский алфавит.

Решением XII партийного съезда в 1923 г. родные языки получили официальный статус языков «титულных» народов, они воплотились в рекомендациях разработать для них письменность и литературные языки, во введении начального образования на родном языке и переведении на него делопроизводства.

Существующая периодизация языковой политики в 1920–1930-е гг. насчитывает несколько этапов. Первый этап, проходивший до конца 1920-х гг., характеризуется плюрализмом подходов, стремлением реализовать существующие потребности и ресурсы народов, развить литературные языки крупных народов. Так, в 1924 году Б. Хуранов создал алфавит кабардинского языка на латинской основе, что способствовало открытию детских и молодежных образовательных центров, М. А. Энеев создал алфавит балкарского языка. Высокий уровень научной обоснованности деятельности созданного Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦК НА) обеспечивался участием выдающихся филологов: Н. Ф. Яковлева, руководившего научной работой комитета, Л. И. Жиркова, Е. Д. Поливанова и других. Им принадлежит разработка теоретических основ нового алфавита. Второй этап, начавшийся одновременно с первой пятилеткой, был связан с развитием процессов языкового строительства и характеризовался централизацией мер языкового планирования и активным созданием литературных форм языка для бесписьменных народов, а также с переходом на латиницу – все это должно было способствовать развитию социалистического общества.

В 1934 г. начинается третий период языковой политики в СССР, характеризовавшийся распространением русского языка среди национальностей, переводом национальных языков на кириллическую основу и общим увеличением влияния русского языка как на словарь и терминологию, так и в области социального функционирования. Это связано, в первую очередь, с принятием Конституции СССР в 1936 году и сопутствующих нормативных актов. Вместо учёта национальной специфики, как в административно-территориальном делении, так и в культурной политике, утверждается курс на унификацию. В 1936 году Кабарда и Балкария перешли на новый алфавит, основанный на русской

графике. Автором кабардинского алфавита стал Борукаев Т. Этот алфавит, усовершенствованный, улучшенный, представляет современный кабардинский алфавит.

13 марта 1938 г. русский язык становится обязательным предметом во всех школах СССР. О переводе всех языков СССР с латиницы на кириллицу было объявлено в 1941 г.

Принятие новой конституции, декларировавшей право граждан СССР обучаться в школе на родном языке, с одной стороны, и провозглашение единого социалистического общества, с другой, также противоречиво воплощалось в действительность. Ликвидация национальных районов и сельсоветов, перераспределение их границ, с тем чтобы проживающее на их территориях русское население было доминирующим, упразднение национальных школ происходили одновременно с печатной критикой проявлений «великодержавного шовинизма».

Послевоенная языковая политика в СССР четко распадается на два периода:

1) период 1940 гг. – середина 1980-х гг., когда языковая политика осуществлялась в условиях стабильности государства;

2) период с середины 1980-х гг. до 1991 г., характеризовавшийся дезинтеграцией государства, результатом которой стал распад СССР.

В этот период наблюдается неуклонное повышение статуса русского языка относительно статуса других национальных языков. По ряду объективных причин, русский язык получал все большее распространение на территории СССР: централизация управления страной требовала выбора в пользу одного из языков, который должен был служить средством межнационального общения в многонациональной стране; единый язык был необходим и для успешного развития науки и эффективного управления единым государством. Вместе с тем Советское государство не отказывалось от провозглашенных после 1917 г. лозунгов о равноправии языков. Действительно, советские власти активно поддерживали развитие художественной литературы и театра на национальных языках.

Преобладание русского языка привело к тому, что он в глазах населения стал престижным. Ради успешной карьеры своего ребенка, родители делали все, чтобы тот овладел русским языком как можно

быстрее и лучше. Как следствие, происходит сознательный отказ части населения от своего языка как языка малопрестижного. Этот процесс мог усиливаться осознанием русского языка как языка «правильного», кодифицированного в противовес родному языку, который воспринимался как «неправильный», «диалект», «язык без прошлого и будущего». Особенно такое представление рождалось в сравнении с национальными языками, которые получили письменность недавно, у которых еще не было развитой, известной в мире литературы и театра. Представление о русском языке как о языке нормированном имело место: выдвижение русского языка в качестве языка управления и науки действительно заставляло власти страны заботиться о его активной кодификации.

Причиной, заставлявшей население отказываться от родного языка, могла быть не только вертикальная мобильность (желание сделать карьеру), но и горизонтальная мобильность, а именно переезд людей из сельской местности в города (городское население СССР увеличилось с 18 % в 1926 г. до 33 % в 1939 г. и до 66 % в 1989 г.; В РСФСР соответственно с 18 % до 34 % и затем до 74 %) или даже в другие районы страны, а для мужчин также служба в армии. Оказываясь в иноязычном или многоязычном окружении, люди вынуждены были выучивать русский язык как единственное средство общения.

Распространение русского языка среди нерусского населения СССР заметно различалась в зависимости от статуса национального языка (язык национальной республики, автономии), от того, использовался ли национальный язык в качестве средства межнационального общения, от численности носителей языка, и от др. факторов.

Как показал опыт 1920–1930-х гг., применение национальных языков в делопроизводственной сфере оказывалось неэффективным. Это усложняло коммуникацию, требовало переводчиков и вело к увеличению документооборота. В связи с этим государство заботилось об овладении русским языком всеми жителями страны. Идеология декларировала свободное и равноправное развитие национальных культур, но на деле под лозунгом «интернационализма» усиливалась ориентация на единую общесоветскую культуру с доминированием русского языка и русскоязычной культуры, а также языков и культур «титовых» наций союзных республик. Была провозглашена теория сближения наций и

советского народа как «новой исторической общности», заменившая концепцию гражданской нации как основы государственности. Особенно это проявлялось в сфере школьного образования.

В 1960-е гг. русский язык был объявлен вторым родным языком для каждого нерусского гражданина страны. Для улучшения знания русского языка нерусским населением страны государство стремилось к тому, чтобы вводить его в национальных школах как можно раньше – в идеале с первого класса. В 1960/61 учебном году в школах с кабардинским и балкарским контингентом учащихся начался переход на русский язык обучения детей с 1-го класса.

Носители национальных языков оказывались в своей массе билингвами. Билингвизм как массовое явление распространился у кабардинцев и балкарцев в советское время. Так возникла функциональная дифференциация русского и национальных языков. Русификация нерусских наций в РСФСР была не следствием планомерных мероприятий, а следствием общих изменений в структуре советского общества – прежде всего урбанизации и индустриализации. Частично такое положение дел было связано с проводимой языковой политикой: в послевоенный период шло быстрое сокращение числа школ на национальных языках – в 1960-х гг. в РСФСР шло преподавание на 47 языках, в 1982 – на 17 языках. Очень быстро свертывание национального образования происходило в годы Н. С. Хрущева: решением местных властей преподавание на кабардинском и балкарском было прекращено в середине 1960-х гг. В 1958 г. при проведении школьной реформы родители ребенка получили право выбора школы – русской или национальной. Закрытие национальных школ в ряде случаев было вынужденной мерой из-за их малой наполняемости учениками. Закрытие национальных школ препятствовало развитию национальных языков, вело к сужению функций национальных языков. Государство хоть как-то пыталось сдержать исчезновение языков, поощряя издательство книг и газет на национальных языках, а также выделяя часть времени радио – и телевидения национальным языкам. Происходила поддержка национальной литературы и национального театра. Все это сдерживало процесс исчезновения национальных языков, но не могло его остановить: национальные языки в глазах их носителей имели низкий социальный статус, на них продолжали говорить в сельской местности, но с переездом в город происходил сознательный отказ от их употребления в пользу русского языка. Однако ни в одной стране в мире не было сделано

так много для поддержки и развития художественной литературы на национальных языках, сколько было сделано в СССР. Можно говорить о том, что усиление позиций русского языка как языка межнационального общения и государства происходило не только на фоне ослабления национальных языков, но и на фоне их развития. Это особенно касалось титульных языков национальных республик, многие из которых активно кодифицируются и приобретают языковую норму в послевоенный период.

Период с 1980 по 1990 гг характеризуется идеализацией прошлого своего народа, интересом к национальной истории. Эти тенденции влекли за собой и интерес к языковым вопросам, т. к. язык рассматривался как одна из важнейших составляющих национальной культуры.

В связи с начавшимся периодом гласности многие деятели национальной интеллигенции и ряд представителей российских радикальных демократических движений стали утверждать, что русификация в СССР зашла слишком далеко, и требовали уравнивания национальных языков в статусе с русским. Одним из средств преодоления неравного положения языков в стране объявлялась политика двустороннего двуязычия. Согласно этой политике не только нерусские нации должны были изучать русский язык, но и русские, проживавшие на территории нерусских наций, должны были изучать их языки, т. е. двуязычие должно было иметь не только национально-русский, но и русско-национальный характер. «Одностороннее национально-русское двуязычие, – писал М. В. Дьячков, – неизбежно приводит в целом по стране к снижению социального престижа языков других национальностей...». Исследователь продолжает: «Формирование эффективного двуязычия уравнивает тех, для кого русский язык является родным, с теми, кто овладевает им как вторым, и приведет к формированию единого языкового коллектива в пределах национального региона, обладающего знанием двух или нескольких языков, вместо нескольких языковых коллективов, контактирующих лишь частично; устранит источник языковых противоречий». На фоне этих процессов начинается расширение функций титульных языков национальных республик, что означало крушение единой языковой политики в СССР. Пользуясь неопределенностью статуса языков в советском законодательстве, республики начинают принимать законы, закрепляющие государственный статус титульных языков в советских республиках.

Москва отреагировала на языковые движения республик принятием в апреле 1990 г. «Закона о языках народов СССР», которым русский язык признавался государственным языком СССР и предусматривалось развитие функций других языков.

25 октября 1991 г. Б. Н. Ельцин подписал «Закон о языках народов РСФСР». Закон закреплял русский язык в качестве государственного: «2. Русский язык, являющийся основным средством межнационального общения народов РСФСР в соответствии со сложившимися историко-культурными традициями, имеет статус государственного языка РСФСР на всей территории РСФСР» (ст. 3). В той же статье закона признавалось право национальных республик объявлять на своей территории тот или иной язык государственным (некоторые республики на момент принятия закона уже объявили свои национальные языки государственными – так было в Чувашии, Туве и Калмыкии). Закон определял сферу обязательного использования русского языка.

Правом объявлять национальный язык государственным на территории национальных республик воспользовалась в числе других и Кабардино-Балкария: в 1996 году появился закон КБР «О языках народов КБР». Благодаря ему на данный момент государственными в республике являются кабардино-черкесский, карачаево-балкарский языки.

Принятая нормативно-правовая база способствовала развитию системы национального образования на Северном Кавказе, переходу начальной школы на родные языки. В конце 1990-х гг. в начальных классах 123 школ Кабардино-Балкарии 19 тыс. учащихся обучалось на кабардинском, а 1356 учащихся – на балкарском языках [1, с. 75]. В средних и старших классах общеобразовательной школы, а в ряде республик в дошкольных учреждениях, начальных профессиональных, средних специальных и высших учебных заведениях государственные языки изучались в качестве обязательных предметов. В Кабардино-Балкарии в 1998 г. 85 тыс. учащихся изучали кабардинский, а 15,2 тыс. учащихся – балкарский языки. Кабардинский и балкарский языки изучали также практически во всех детских садах [1, с. 75]. Восстановление обучения на национальных языках при отсутствии издаваемой на этих языках литературы является неэффективным. «...Каким образом учащиеся, обучающиеся этому языку, смогут использовать полученные знания, если на данном языке нечего читать?» – совершенно справедливо задавал вопрос М. В. Дьячков. В некоторых республиках вызывает опасение и

состояние национальной школы, в которой началось постепенное сокращение преподавания национальных языков.

Данная история развития этнокультурной политики России в разных политических статусах стала основой современной этнокультурной политики РФ. В современной языковой ситуации мы узнаем некоторые исторические процессы развития национальных языков. В отличие от постсоветского периода в современной языковой политике РФ ярко присутствует новая идеология, направленная на укрепление гражданского общества, основ государственности. Ретроспективный анализ развития национальных языков в России помогает нам лучше осознать новые подходы к преподаванию русского языка как неродного, заложенные в ФГОС. Учитывая ошибки и позитивный опыт прошлых лет, ФГОС предлагает нам изучение русского языка с учетом этнокультурных особенностей обучающихся, основанный на принципах билингвального обучения. В этом мы видим качественное развитие этнокультурной политики современной РФ. От правильного видения и толкования учителями-филологами государственного составляющего системы образования зависит качество планируемых результатов обучения и воспитания и успешность реализации в целом этнокультурной политики РФ.

Вопросы для самоконтроля:

1. Почему процесс создания письменности народов был столь длительным?
2. Какова была первая письменность у адыгов?
3. Какую роль сыграла русская культура и русский язык в развитии письменности у наших народов в дореволюционный период?
4. Составьте интеллект-карту «Создание алфавита кабардинского/балкарского языка».
5. Проектная работа: «Изменения, произошедшие в этнокультурной политике РФ в современной действительности».
6. Дискуссия: «Для успешного формирования этнокультурной самоидентификации учащихся обучение на уровне начальной школы обязательно должно проходить на родном национальном языке».

8. Социолингвистический и психолингвистический аспекты этнокультурного образования в современной школе

Обсуждение основного вопроса философии – как мышление относится к бытию – обострило внимание ученых к природе и сущности языка, к его роли в познании человеком мира. Два противоположных ответа на основной вопрос философии обусловили и два принципиально различных подхода к языку: 1) познание мира, мышление не зависят от языка, и сущность языка состоит исключительно в том, чтобы быть орудием общения между людьми; 2) мир познается через язык, благодаря языку, и сущность языка состоит не только в передаче мысли от человека к человеку, но и в функции быть носителем мысли. В последние десятилетия последний подход получил большее развитие.

Бодуэн де Куртене отмечал, что материал для внешней истории языка совпадает в значительной степени с материалом по истории и истории литературы. Для внутренней же истории языка материалом служит сам язык как предмет исследования. Бодуэн де Куртене, используя понятия внешней и внутренней историй языка, вкладывает в них, соответственно, значения: а) структуры языка; б) «истории данного племени и народа, рассматриваемого с точки зрения общности языкового мышления».

Развивая те же идеи, Ф. де Соссюр в своей работе «Курс общей лингвистики» формулирует понятия внутренней и внешней лингвистики. Именно он заявил, что «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя», т.е. в отрыве от внеязыковой действительности. Вместе с тем он четко разграничил два подхода к изучению языка. Соссюр считает, что при изучении языка возможно рассматривать его связи с внеязыковой действительностью. Введя понятие внешней лингвистики, французский лингвист значительно расширяет и конкретизирует эти связи. По его мнению, предметом внешней лингвистики является рассмотрение связи языка с этнологией и политической историей, церковью и школой, литературой, взаимоотношения книжного и обиходного языков и всего, что касается географического распространения языков и их дробления на диалекты.

Понимание социальности языка лежит в основе советского языкознания, советской социолингвистики (В. И. Абаев, В. А. Аврорин, И. К. Белодед, Р. А. Будагов, К. Н. Державин, Н. Б. Мечковская, М. И. Исаев,

Ю. Д. Дешериев и др.).

Тезис социальности языка трактуется как диалектическое единство языка и культуры, языка и общества. Следовательно, язык представляется продуктом развивающегося общества, показателем степени культуры народа. «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык один без другого представлен быть не может», – писал по этому поводу И. И. Срезневский. «В любой момент развития культуры обслуживающий ее язык отражает ее полностью и адекватно», – пишет Е. М. Верещагин, доказывая, что именно общество, коллектив членов национально – культурной и языковой общности определяет развитие языка.

Из множества характеристик «культуры», встречающихся в научной литературе, мы придерживаемся следующих:

1) культура понимается как продукт социальной (не биологической) активности человека;

2) признается исторический характер генезиса культуры: каждое новое поколение вносит свой вклад, благодаря чему культура накапливает, аккумулирует ценности;

3) культура является одним из важных факторов в становлении человеческой личности, в становлении индивидуума как члена определенной общности людей.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что становление человека – это всегда социализация, т. е. формирование его внутреннего мира под воздействием норм и ценностей, свойственных определенному социальному коллективу. Вследствие объективной неустранимости культуры, член коллектива не может избежать культурного воздействия этого коллектива.

В свое время Я. А. Коменский указывал на необходимость изучения языков в тесной взаимосвязи с освоением «мира вещей», в соответствии с чем им была отвергнута самодостаточность грамматики.

«В языке одухотворяется весь народ и вся Родина; в нем претворяются творческой силой народного духа в мысль и звук небо отчизны, ее воздух, физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грезы... Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной отчизны, но и вся история духовной жизни народа», – писал К. Д. Ушинский. Овладение языком без обращения к внеязыковой действительности

приводит к тому, что изучающий язык пользуется словом, не вкладывая в него адекватного смысла. Подчеркивая значимость владения языком для изучения духовной культуры и истории народа, говорящего на нем, он писал: «Лучшее и даже единственное верное средство проникнуть в характер народа – усвоить его язык». Идею неразрывного лингвокультурного единства в процессе обучения языку отстаивали многие авторитетные педагоги. Например, французский методист Ж. Ласера так излагал свою точку зрения на изучение языка во взаимосвязи с культурой: «Преподаватель не должен ограничиваться узкими языковыми целями. Без обращения к явлениям культуры изучение языка обедняется и сводится к усвоению фонетических, лексических и грамматических явлений».

При усвоении второго, неродного, языка новый язык выступает в качестве средства приобщения человека к иной национальной культуре. В таком случае овладение грамматической системой автоматически требует закрепления в сознании новой сетки отождествлений и различий. Без этого новый язык будет выступать лишь в обличье нового знакового кода, что ведет к вербализму, против которого неустанно выступали прогрессивные дидакты, начиная с Я. А. Коменского.

Если в преподавании родного языка связь «язык и культура» выполняет культуropriобщающую функцию, то изучение второго языка происходит лишь в увязке с национальной культурой.

В результате методической интерпретации социолингвистических теорий взаимодействия языка и общества, языка и культуры, языка и нации в отечественной лингводидактике появился термин «лингвострановедение». Предметом лингвострановедения является анализ языка с целью выявления в нем национально-культурной семантики и её носителей. Следовательно, в сферу лингвострановедения входит изучение языка с точки зрения «отражения и выражения, хранения культуры языком (не столько на языке, т. е. в текстах, сколько в языке) и соответственно «использование культурной значимости элементов языка в его преподавании с целью обеспечения коммуникативности обучения». В предмет же исследования лингводидактики входит поиск преподавательских приемов представления, закрепления и активизации национально-специфичных языковых единиц и культуроведческого прочтения текстов в практике преподавания языка.

Исходя из изложенных общих представлений о

лингвострановедении, можно, применительно к лингводидактическим задачам преподавания русского языка, конкретизировать его как такую организацию изучения русского языка, при которой иностранцы знакомятся с историей, с национальной культурой русского народа через посредство языка и в процессе овладения им.

С целью обеспечения коммуникативности обучения и решения общеобразовательных задач реализуют кумулятивную функцию языка, проводя аккультурацию адресата. При этом методика преподавания в этом конкретном аспекте имеет филологическую природу: ознакомление осуществляется через посредство русского языка и в процессе его изучения.

В настоящее время, под влиянием активно протекающих процессов взаимодействия методик преподавания русского языка как иностранного и как средства межнационального общения, в методику преподавания русского языка как неродного введено такое понятие, как этнокультуроведческая компетенция. Под компетенцией понимается совокупность тех знаний, умений и навыков, которые формируются в процессе обучения языку как учебному предмету и которые обеспечивают овладение им.

Среди всех других функций языка при взаимосвязанном изучении языка с культурой народа особо важными по Верещагину являются коммуникативная, кумулятивная и директивная.

Так как язык является средством передачи информации от одного участника акта коммуникации к другому, то коммуникация возможна при наличии некоторого общего, так называемого фонового знания, одинаково присущего как адресанту, так и адресату. Именно так осуществляется коммуникативная функция языка. Эта функция является, пожалуй, основной в преподавании русского языка как иностранного, как родного, как неродного. Одним словом, коммуникативная функция языка лежит в основе лингводидактики. Вместе с тем, от целей и задач реального практического общения неотделима этнокультуроведческая компетенция, отражающая другую, кумулятивную функцию языка. Кумулятивная функция проявляется в том, что язык не просто передает некоторое сообщение, но и обладает способностью отражать, фиксировать и сохранять информацию о постигнутой человеком действительности. Этнокультуроведческая компетенция в курсе русского языка включает в себя знание русского речевого этикета, наименование предметов и явлений

традиционного русского быта, традиционных знаний, национальных игр, обрядов и обычаев, изобразительного искусства, устного народного творчества, знание русских невербальных средств общения и т.д. Кумулятивная способность проявляется на всех уровнях языка, и все же в первую очередь она обеспечивается системами строевых языковых единиц – лексикой и фразеологией.

Именно в слове, как «вещи культурно-исторической» (В. В. Виноградов), наиболее ярко проявляется кумулятивная способность языка.

Кумулятивная способность языка вытекает из вышеизложенного положения о социальности языка. Из факта органического присутствия в языке аккумулярованного им культурно-исторического опыта народа вытекает необходимость, при переходе от одного национального языка к другому (как, например, в лингводидактической практике) учитывать культурную дистанцию между языками. Это неизбежно приводит к постановке сравнительно-типологической проблемы.

Несомненно, при изучении русского языка грамматика родного языка является основой как при переводах, так и при построении речевых конструкций, поэтому сопоставлению грамматик перечисленные и многие другие авторы отводили больше места, чем иным сравнительно-типологическим аспектам. Вместе с тем, в сопоставлении лексико-фразеологических систем (в частности, русской и кабардино-черкесской) пока еще сделаны лишь первые шаги, а именно эта проблема особенно актуальна для данной работы.

Немаловажное значение, на наш взгляд, имеет сопоставление объема лексического значения слов в русском и кабардино-черкесском языках для более успешного овладения русским языком. Современная действительность, новые условия обучения русскому языку в современной школе требуют также выявления, сопоставления семантического фона, стоящего за каждым словом. Следующий важный вопрос – это проблема сравнительного изучения национально-специфических реалий, аккумулярованных языком. Сопоставительно-типологический подход требует, чтобы знакомство с русской культурой осуществлялось в сопоставлении с родной культурой учащихся. Обращение к кумулятивной способности языка должно быть двусторонним. Наиболее ярко проявляют кумулятивную способность языка эквивалентная фоновая, безэквивалентная лексика и фразеологизмы, что получило освещение в

работах многих известных лингвистов.

Своеобразие выражения идеологической функции каждого национального языка через семантику («язык – жизнь народа») приводит к тому, что кажущаяся эквивалентность номинации одних и тех же явлений в разных языках на деле оказывается неполной, «сдвинутой». Так формируется обширный пласт «фоновой лексики», своеобразие которой сказывается в различных оттенках значения многих слов, даже интернациональных, бытующих в разных языках. Заимствованные слова приспособляются к новым социальным условиям, к новой языковой системе. К слову, «фотоген» в толковом словаре В. Даля приводится с пометкой «устар». Современная жизнь дала ему новое название – керосин. В кабардино-черкесском же языке это слово и по сей день употребляется в устаревшей форме, подчинившись фонетическому строю кабардино-черкесского языка – «фэтыджэн». Значение слова может существенно видоизмениться в зависимости от новых социальных условий функционирования, новых коммуникативных требований в новом языковом коллективе (Л. П. Якубинский). Русское слово «мужик», означающее, по толковому словарю В. Даля, «муж, мужчина, простолюдин, человек низшего сословия, крестьянин, поселянин, селянин, пахарь, земледел; делец, пашец, хлебопашец, тягловый крестьянин, семьянин и хозяин», перешло в кабардино-черкесский язык «мыжьыкъ» со значением «человек русской национальности». Также слово «матушка» перешло в кабардино-черкесский язык, изменив транскрипцию «мэтушкэ», в значении русская женщина.

«Соответствие мира слов миру мысли есть основной закон развития языка», – писал Н. В. Крушевский о творческом характере языка. Далее он особо отметил подвижность языка и обусловленность его развитием общества: «Развиваясь, язык вечно стремится к полному общему и частному соответствию мира слов миру понятий».

Такое социологическое понимание языка дало право выработать правильное понимание активного воздействия на язык (Л. П. Якубинский). Социальная норма в языке связывается с языковой практикой вообще, с языковым строительством.

В силу открытости и подвижности лексическая и семантическая системы отражают нашу жизнь. Поэтому значение слова получает особые семантические, эмоциональные, стилевые и стилистические, а в терминологии А. А. Потебни – эстетические оттенки. К примеру, слова

«береза», «осина», названия животных в их переносном значении («медведь» – в значении «неуклюжий, неповоротливый») содержат специфичную, характерную для русского языка эмоциональную оценку явлений действительности. В то же время в кабардино-черкесском языке в переносном значении слово медведь употребляется в значении большой, здоровый, сильный. В кабардино-черкесском языке не встретишь сравнения «стройная, как береза», но зато есть «стройная, как тополь». Значение слова приобретает различные коннотации (коннотативные оттенки), которые связывают слово с жизнью определенного языкового коллектива, с определенным бытом, сложившимся социальным узусом.

Приведем пример. Сложное кабардинское слово «нартыху» «кукуруза» образовалось из двух слов: «нарт» – «богатырь» с атрибутивным значением и «ху» – «просо». Известно, что просо у кабардинцев – древнейшая культура из хлебных злаков. Разновидность этой культуры названа словом «нартыху», потому что носители языка воспользовались имеющимися уже языковыми средствами, чтобы показать внушительные размеры кукурузного зерна в початке.

Древний сказ о землепашце свидетельствует и о энергетической силе этого злака, что также соответствует его богатырскому названию.

Однажды землепашец спросил у проса: «Ты сможешь довезти меня до вон той возвышенности и привезти обратно?». «Нет, ни довезти не смогу, ни обратно уж тем более не смогу», – ответило просо. Спросил землепашец и пшеницу о том же. «До возвышенности смогу довезти, но обратно, наверное, нет», – ответила пшеница. У кукурузы спросил землепашец, и ответила кукуруза: «Я и дальше смогу тебя отвезти, и так же могу привезти обратно».

Таким образом, возникает национальное своеобразие языка и связанное с ним своеобразие формы выражения мысли. В развитии лексики и семантики мы можем проследить и национальные и интернациональные тенденции, выявить общие семантические закономерности и общие окказиональные интерпретации.

Если первое знакомство со словом чужого языка ограничивается пределами малой семантики, так называемой сигнальной, технической, если слова воспринимаются однозначно, без понимания подтекста, различных оттенков значения, то на последующих встречах с этим же словом внимание должно быть сосредоточено на его исторически

сформировавшемся значении со всей палитрой оттенков, на национальных особенностях семантики слова на фоне интернациональных языковых связей.

Л. В. Щерба в свое время также подчеркивал, что в содержательные планы слов непременно входят идеологические компоненты, семантические доли (СД), обусловленные мировоззрением, характерным для данной этнокультурной общности. «В конце концов, идеология должна сказаться не только в составе словника, но и в переводах, и это, конечно, самый важный, но и самый трудный вопрос. В самом деле, множество понятий изменилось у нас в своем содержании, но как отразить это просто и понятно в переводе? Совершенно очевидно, что, например, наш **прокурор** не то же самое, что и в буржуазных странах, но, тем не менее, мы переводим его словом *prosecutor*, и так в бесконечном ряде случаев». Именно непонятные СД знакомых слов, которые имел в виду Щерба, позволяют войти в иную национальную культуру, среду этнокультурной общности. Наряду с общим денотативным (как и коннотативным) значением слова приобретают оттенки значения, которые являются результатом бытования в национально-специфических социальных узусах, в национально-специфическом социальном быте и которые, собственно, и являются «непонятными СД», семантическим фоном, благодаря которому язык выступает в качестве одного из хранителей духовных ценностей национальной культуры. Так формируется «фоновая лексика», отражающая национальное своеобразие восприятия тем или иным этносом явлений природы, социальной жизни, знакомых всем народам, но по-разному ими понимаемых.

Помимо эквивалентной фоновой лексики кумулятивную способность языка ярко проявляет безэквивалентная лексика, план содержания которой невозможно сопоставить с семантикой каких-либо иноязычных слов. Безэквивалентная лексика не имеет адекватных словесных соответствий в ряде других языков. Безэквивалентные и фоновые слова отмечают все самое существенное в прошлом и настоящем любого народа, все его достижения и потери на многовековом пути развития, его взгляды, оценки, суждения. Данная категория лексики отражает предметы и явления традиционного быта народа - носителя изучаемой культуры (гармонь, косоворотка, изба и т.д.), предметы и явления предшествующих периодов изучаемой культуры (батрак, помещик, крепостной и т.д.), фольклор

народа (богатырь, молодец, девица и т. д.), национально-специфические особенности изучаемой культуры.

Однако культурный компонент присутствует не только на лексическом уровне языковой структуры, но и на уровне фразеологии. Фразеологизмы сами по себе способны рассказать об истории и культуре народа, они же свидетельствуют о богатстве, выразительности, образности, емкости языка.

Семантизация фразеологизма «Не всё коту масленица, будет и великий пост» требует обращения к культурным и историческим сведениям. Масленица (масленая неделя, сырная неделя) – неделя, предшествующая великому посту, весенний праздник дохристианского происхождения у славянских народов. Символика обряда связана с древнеславянскими традициями проводов зимы и встречи весны. Особенностью масленицы, связывающей ее с фразеологизмом, является обилие масленой пищи, особенно блинов. Обилие жирной пищи понималось как желание наесться перед долгим постом. Значение фразеологизма – всему хорошему есть конец. Употребляют его в речи, когда хотят сказать, что все переменчиво.

Кабардинская поговорка «Тмутаркъан и махуэр къыпхуэкIуэ – да постигнет тебя участь Тмутаракани», связана с преданием о страшном разрушении и разорении Тмутаракани¹.

Русский князь Мстислав в 1022 г. напал на земли адыгов Касожского союза. Чтобы предотвратить кровопролитие, адыгский пши Редедя договорился с князем Мстиславом о решающем поединке между ними. Не справившись силой с Редедей, Мстислав, нарушив условия борьбы, вынул спрятанный нож и убил адыгского пши. После этого адыги попали к русским в неволю. В 1036 г., собрав огромное войско, адыги напали на город, стремясь отомстить за пши Редедю. Битву они проиграли, но нанесли очень сильный материальный урон крепости, разрушив её. Предания гласят, что город Тмутаракань сожгли, снесли с лица земли. С тех пор и родилась эта поговорка. Адресуют её тем, кем очень сильно недовольны. Семантизация данного фразеологизма требует обращения и к географии расселения адыгов в IX веке – нынешняя Тамань.

Определив и обосновав кумулятивную способность языка, обратимся теперь к его директивной функции. Как уже говорилось, директивная

¹ Тмутаракань – древнерусский город X-XI вв. на Таманском полуострове, современная станица Таманская.

функция является направляющей, воздействующей и формирующей личность, иначе говоря, она играет воспитывающую роль. Выше отмечался языковой путь познания иной культуры. Но и сами носители языка овладевают своей собственной национальной культурой не иначе как через посредство родного языка. В становлении члена определенной национальной культуры – в формировании этнической идентификации – огромную роль играет языковая среда, в которой он воспитывается. «... Язык подсказывает ему, из каких предметов и явлений состоит окружающая его действительность, как надо вести себя, что полагается любить и что ненавидеть, каково прошлое и настоящее соответствующего народа». Следовательно, по отношению к индивиду язык в его кумулятивной функции оказывается настоящим «педагогом», потому что он сообщает ребенку, осваивающему язык, сведения, накопленные на протяжении веков. Воспитание ребенка проходит через влияние национальной культуры, носителями которого являются окружающие люди. Процесс социализации состоит в формировании личности ребенка и приспособлении его к жизни в данном обществе, в результате чего ребенок постигает культуру, в рамки которой он поставлен, и учится действовать, не нарушая общепринятых правил поведения.

В документах, регламентирующих преподавание русского языка в современной школе, за последние годы наблюдается повышение внимания к учету специфики аудитории и к углублению знаний национально-культурных особенностей учащихся. Именно поэтому в современной школе ФГОС-ом предусмотрено билингвальное обучение русскому языку как неродному. Это значит, что в обучение в условиях конкретного этноса и региона предполагается включение и сведений о грамматике родного языка и сведений о родной культуре учащихся. В процессе обучения русскому языку могут и должны присутствовать сравнительный анализ на всех языковых уровнях, а также тексты о родной культуре учащихся как единица речи. Этнолингвистический материал явится средством формирования этнического самосознания и более глубокого проникновения в свою культуру. Печать родной национальной языковой культуры, присущая сознанию носителей языка, особенно ярко проявляется при сопоставлении с картиной мира другого народа. На это указывал еще Л. В. Щерба, который писал, что знание неродного языка помогает лучше понять устройство родного языка, как бы посмотреть на привычный родной язык с другой стороны, иными глазами. Таким

образом, происходит поддержка родного языка на уроках русского языка. В какой-то степени это компенсирует недостаточное количество часов, отводимых родному языку в примерной образовательной программе. Важнейшей задачей обращения к семантическому сопоставлению лексики и фразеологии родного и русского языков достижение функциональной грамотности, культуроведческой и лингвистической компетенций учащихся. Данный метод позволит в комплексе работать над достижением нового качества образования: личностным, метапредметным и предметным результатом. Реализация на уроках русского языка обозначенных выше функций языка: коммуниктивная, директивная и кумулятивная, – будет способствовать обеспечению функционального подхода, смыслового чтения, достижения всех видов ключевых компетенций, обозначенных в ФГОС.

Важнейшим носителем фоновой и безэквивалентной лексики, а также фразеологизмов, на наш взгляд, является текст, отражающий традиции, быт, обычаи, религию народа – носителя изучаемого языка, природно-климатические особенности региона, в котором он проживает. Текст, в зависимости от семантизируемого в нем слова, фразеологизма, может включать в себя различные комментарии – историко-этимологические, этнокультуроведческие, оценочную характеристику слов и, таким образом, обеспечить знакомство с культурой народа через посредство русского языка, в процессе его изучения.

Этнокультурный комментарий раскрывает признак предмета, каким его видят носители языка, формирует связь между образом слова и этнокультурным компонентом его значения. Назначение любого вида комментария – помочь читателю понять текст, получить содержащуюся в нем культурно-историческую информацию. При этом важно не только раскрытие семантики конкретного слова, но и формирование у учащихся сложного понятия о национально-культурном компоненте значения слова. Все это, казалось бы, относится только к познавательной-информационной стороне языка. Однако на самом деле, предъявляя ученику национально окрашенную картину мира, текст реализует одновременно и другую функцию речи: директивную – направляющую и формирующую личность. Изучая новый язык во взаимосвязи с культурой на материале текстов, отражающих менталитет и жизненный уклад его собственного народа, ребенок глубже воспринимает свои национальные корни, наблюдая диалог двух культур. При этом изучаемый язык становится понятнее, доступнее,

функциональнее. Таким образом закладываются основы российской идентичности. Напомним, что российская идентичность складывается из трех составляющих: этнокультурная и региональная идентичность, гражданская идентичность и общечеловеческая идентичность.

В процессе обучения русскому языку в национальной школе педагоги вряд ли ставят перед собой задачу воспитания учащихся в духе именно русских национальных традиций – в кабардинской школе воспитательная сторона урока, на наш взгляд, должна быть тесно связана с народной педагогикой кабардинского народа, оставаясь при этом верной общечеловеческим ценностям, в равной мере дорогим и кабардинцам, и русским, и всем другим людям на земле.

Изучение языка и культуры русского народа на основе сопоставления с языком и культурой своего народа должно, на наш взгляд, закрепить в сознании учащихся первичность родной культуры, сообразно природе, (этнокультурную идентичность), сформировать двуязычную личность, знающую родной язык и родную культуру, язык и культуру русского народа, сформировать навыки культуры межнационального общения.

Сопоставление семантики и лексики в учебном процессе будет способствовать развитию диалога культур. Именно этот диалог даст возможность приобщиться учащимся к другой культуре, что в свою очередь реализует методологический принцип лингвострановедения: формирование у учащихся позитивной установки к народу – носителю изучаемого языка, формирование у учащихся гуманистического отношения к системе общечеловеческих и национальных духовных ценностей. Этот принцип изучения языков поможет учащимся осознать место родной культуры в мировой культуре, понять, что есть общечеловеческие ценности, и каковы их особенности у разных народов: у родного – у русского – у других народов мира; оценить достижения своего народа, ощутить себя полноценным членом общества, способным влиять на развитие и родной, и мировой культуры.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Эксперимент: поменяйте в тексте все слова с национально - культурной семантикой на нейтральную лексику. Понаблюдайте за произошедшими изменениями, сделайте вывод.

Магия слова

Слово священо у адыгов. Никто не прикоснется к праздничному столу до тех пор, пока тхамата не произнесет торжественное слово – здравицу.

Связано ли торжество с семейными радостями или это просто встреча друзей, тхамата первый хох провозглашает в честь матери – Родины, за мир.

Народ знает, что коренные интересы Родины, ее благополучие выше частных преходящих, ибо счастье и преуспевание каждого из нас неразрывно связано с процветанием и успехами Родины.

Слово и в устах гегуоко приобретает особую силу. *«Я одним словом своим делаю из труса храбреца, защитника своего народа, вора превращаю в честного человека, на мои глаза не смеет показаться мошенник, я противник всего бесчестного, нехорошего», – говорил один из гегуоко.*

Магия слова нашла свое отражение в хохах, в проклятиях, в пословицах и поговорках, в молитвах, песнях, плачах, преданиях, клятвах, благопожеланиях, пропущенных через умы и чувства множества поколений древнего этноса и каждодневно присутствующих в духовной жизни. (Х.Теунов)

1) запишите 2–3 пословицы кабардинского/балкарского народа о слове. Подберите эквиваленты или аналоги к ним в русском языке.

2) Так же свято относится русский народ к слову? Попробуйте разглядеть общее и разное в отношении к слову русского и кабардинского/балкарского народов в приведенных вами пословицах и поговорках.

2. Составьте культурологический комментарий к пословицам. О каком отношении кабардинцев к религии повествуют пословицы?

Молэм къаштэ фІэклa наштэ ищІэркъым – мулла знает только «дай», но не знает «возьми».

Тхьэм узэрельзІунщ – как -нибудь; бог даст не съест.

Пхьурыльхур кьихьэмэ, псатхьэр магь – уст.: когда племянник в доме появляется, икона плачет (по преданию, гость из Кабарды разбил у моздокских кабардинцев христианскую икону). Каково отношение к религии у кабардинцев?

3. Кому принадлежит теория о социальности языка?

4. Что является предметом исследования лингвострановедения и лингводидактики?

5. Составьте карту образовательной лингвистической экскурсии по региону. В центре внимания - пересекающиеся лингвистические связи: кабардинский/балкарский язык и литература и русский язык и русская литература.

6. Составьте упражнения и задания на выявление социолингвистических особенностей, в которых отрабатывались бы такие виды учебной деятельности как наблюдение, анализ, синтез как учебные действия.

7. Приведите примеры, подтверждающие тезис о социальности языка: язык и культура, язык и история, язык и социум.

8. О каких событиях напоминают вам топонимы Новоивановка, Прохладный, Красноармейское, Тамбовское, Солдатское?

9. Почему возникла необходимость использования сопоставления культурного фона лексики и фразеологии изучаемых языков: русского и родного?

9. Психолингвистические основы лексико-семантического анализа

Все существующие в мире языки роднят два свойства – звуковая «членораздельность» и то, что все они есть системы символов, служащих выражению мысли. Все остальные характеристики этноспецифичны, и главная среди них – система приемов мышления, воплощенная в языке. Язык не является средством обозначения уже готовой мысли. Функция языка – творить мысль, преобразовывая первоначальные доязычные элементы. При этом представители разных народов формируют мысль своим, отличным от других способом. Развивая далее свои положения, Потемкин пришел к целому ряду важных выводов: а) утрата народом своего языка равносильна его денационализации; б) представители разных национальностей не всегда могут наладить адекватное взаимопонимание, т. к. существуют специфические особенности и механизмы этнического общения, которые должны учитывать мышление всех сторон общающихся людей;

в) культура и образование развивают и закрепляют этноспецифические характеристики представителей тех или иных народов, а не нивелируют их.

Очень важно, с психолингвистической точки зрения, рассмотреть вопрос о соотношении значения и смысла в выявлении общечеловеческих и национально – специфических особенностей языковых культур. Смысл слова в каком-либо языке может рассматриваться как национальная форма вербализованного общечеловеческого содержания. Выявление и изучение национально – культурной специфики значений разных типов слов, установление статуса национально-своеобразных семантических компонентов в структуре значения и способов их экспликации приобретают особую важность в связи с расширением преподавания русского языка в иноязычной аудитории, когда обучение лексике становится основным средством усвоения языка, форм речевого общения, культуры.

С развитием языка связано становление человеческого сознания. Факт различия национальных языков по лексической семантике и грамматической структуре неизбежно приводит к выводу о различии картины мира, формируемой у представителей той или иной языковой культуры. «Различие языка – это не различные обозначения одного и того

же предмета, а разные видения его», – полагает В. Гумбольдт, вводя в этом контексте важное понятие языкового сознания народа. Позицию В. Гумбольдта разделял Бодуэн де Куртенэ: «... без всяких оговорок можно согласиться с мнением Гумбольдта, что каждый язык есть своеобразное мировидение...».

В работах многих известных ученых приводятся многочисленные примеры неполного совпадения по семантическому наполнению или по широте отнесенности соэквивалентных для сопоставляемых языков понятий (об этом мы говорили в первом параграфе) и выпадения тех или иных смысловых нюансов существования в языках некомпенсируемых лакун (безэквивалентной лексики), хотя отсутствие в языке слов для ряда понятий вовсе не означает невозможности их выразить в других формах.

Е. Ф. Тарасов и Ю. А. Сорокин приводят ряд примеров национально-специфической метафоры, отражающей мироощущение народа, быт и культуру которого описывает и к которому принадлежит писатель. У абхазского писателя И. Тирбы в языковых сравнениях доминируют фрагменты социального опыта его народа: «холмы, подобно башлыку, обвивающему шею горца, обвиваются бесчисленными тропинками», «холм, круглый как сванская шапка», струйки воды образуют сосульки, «похожие на чурчхелы», «реки вились одна около другой, как две виноградные лозы».

...Надели горы облаков кудлатых
Прославленные бурки. Вдалеке
Над белыми папахами раскаты
Громов и гул, летящий по реке.
– читаем мы у Кешокова А.

Здесь перевод картины природы на язык привычного быта выступает своеобразным метафорическим кодом.

В плане лингвистической относительности ставится проблема возможности эквивалентного перевода, например, национально окрашенного содержания, а в плане культурологической относительности возникает мысль, что вряд ли могли вообще «прийти в голову» представителю другой культуры эти образы и сравнения, и некоторая реальность, близкая данному народу, выступает в форме метафоры, задающей семантическую плоскость, на которой выстраивается описание другой реальности.

Для представителя кабардинской национальности, к примеру, является совершенно неприемлемым обычай сидеть за любым столом людям разных полов и разных возрастов. В этом видится нарушение главного, пожалуй, кабардинского обычая: уважение старших и почитание мужчин. Это, конечно же, не означает, что у адыгов женщина бесправна или ущемлена. Скорее наоборот. Из истории известно рыцарское отношение адыгов к женщине. Обычай сидеть врозь женщинам с мужчинами прежде всего объясняется, на наш взгляд, желанием уберечь женщин от неосторожных, грубых слов, которые могут быть обронены мужчинами, хотя адыгэ хабзэ требует осмысленных речей («гупсыси псалъэ» – фразеологизм, который означает «подумай, прежде чем сказать»). У того же фразеологизма есть продолжение: не садиться в присутствии старших – зыплъыхьы тӀыс, т. е. оглянись по сторонам, прежде чем сесть. Но если ты сидишь, то при появлении старших следует встать – такова форма приветствия. Русскому человеку трудно понять её, так как он стоя приветствует лишь социально или личностно значимых лиц: царь, князь, барин, хозяин, учитель, вошедший в класс, начальство, (независимо от возраста) и т. д. И ему непонятно, зачем нужно вставать каждый раз при появлении просто людей старшего возраста. Возникающие при этом различной степени непонимания специфических проявлений «чужой» культуры могут обуславливаться различными факторами: это и несвойственные стандарты смыслового восприятия мира, и иные интересы, потребности, система ценностей. У каждого человека в сознании существует некий набор эталонов определенного опыта, знаний, которыми он обладает. Этот опыт и накопленные знания являются также субъективной характеристикой данного индивида. Отражение действительности каждым индивидом осуществляется путем сравнения предметов и явлений действительности с имеющимися эталонами. Следовательно, восприятие (понимание) в национально-культурном аспекте представляет собой мыслительный процесс, в ходе которого происходит сопоставление (сличение) опыта одной лингвокультурной общности с лингвокультурным опытом другой через систему эталонов. Так происходит трансляция культуры, ее передача (во времени и пространстве). Традиционная культура воздействует на мышление и поведение людей, на восприятие как процесс отражения культурной информации в психике. Вопрос лишь – в какой мере и в каких формах. Восприятие традиционной культуры нельзя изучить и правильно

объяснить, не зная психологию этноса в целом, не обращаясь к формирующим психику условиям и отношениям. Эти условия и отношения зависят от системы ценностей и норм, свойственных определенному социуму. Формирование восприятия зависит от:

1) традиций (в качестве стабильных культурных элементов) и обычаев, которые определяются в «соционормативной культурной сфере», и обрядов, которые несут функцию неосознанного приобщения к господствующей в данном обществе «системе нормативных требований»;

2) быта, бытовой культуры, т.е. от явлений, тесно переплетающихся с понятием «традиция», поэтому их зачастую называют традиционно - бытовой культурой;

3) рутинного поведения, т.е. определенных привычек представителей какой-либо культурной общности, фиксированных в какой-либо культуре предписанных вариантов поведения;

4) так называемых «национальных картин мира», определяемых как отражение особенностей восприятия через национальные особенности психики и мышления представителей той или иной культуры (национальная психология);

5) искусства как своеобразного представителя специфики национальной культуры (рус.: роспись, литература; каб.: золотошитье, чеканка);

6) языка (речи), занимающего центральное место среди компонентов культуры и несущий яркую национальную окраску (исламей, удж, березка, лапти).

«Оригинальность каждой из культур заключается прежде всего в её собственном способе решения проблем, в перспективном размещении ценностей, которые общи для всех людей. Только значимость их никогда не бывает одинаковой в разных культурах, и поэтому современная этиология все сильнее стремится понять истоки этого таинственного выбора». (Клод Леви-Стросс). Опираясь на мнение К. Леви-Стросса, понятия адыгской этики: человечность – цЫхугъэ, почтительность – нэмыс, разум – акъыл, лЫгъэ – мужество, честь – напэ – мы рассматриваем как особенность адыгской культуры, так как они носят «характер базовых, постоянно действующих ценностей, не связанных условиями и обстоятельствами времени, пространства, конкретных жизненных ситуаций, групповых или сословных отношений». Реализуются они через морально-правовой кодекс поведения – адыгэ хабзэ. В адыгэ

хабзэ вершиной воспитания является цЫху нэс, цЫху дыдэ – личность с высокой степенью человечности. Отсюда происходит фразеологизм «ЦЫху кЫхэщЫкЫн», что означает «сделать из него человека», причем «из него» понимается как строительный материал, которым и является ребенок. Этот же фразеологизм отсылает нас к народной педагогике: надо суметь правильно воспитать из ребенка человека.

Сопоставление двух языков показывает учащемуся, что объективный мир может члениваться по-разному (разная религия, разные обычаи, идеалы, взаимоотношения между людьми, разный социальный уклад жизни и т. д.), что предметы могут называться по их разным свойствам и признакам. Во многих европейских языках, к примеру, в основе названия созвездия Северного полушария, в котором выделяют группу из семи звезд, лежит известная греческая мифология. В русском языке это Большая медведица; в немецком языке – *der Große Bear*; в английском языке – *Great Bear*. Однако в немецком языке мы наблюдаем некую индивидуальность в видении этого созвездия: Большую Медведицу немцы именуют еще *der Große Himmelwagen* – большие небесные часы (или большая небесная телега).

Так как для адыгов «братство», «сплоченность» – понятия важные, значимые для их образа жизни, то созвездие Большой Медведицы получило у них название Вагъуэзэшибл – Семь братьев звезд. В его основе лежит не античный миф, давший почти одинаковое название созвездию во многих языках, а легенда, созданная кабардинским народом. Так меняется привычное видение связи между объектом и способом его обозначения в родном языке. Русское слово самолет произошло при помощи соединения двух основ: сам летает. В кабардино-черкесском языке его эквивалент кхъухълъатэ (летающий корабль) произошло тоже при помощи сложения двух основ, однако в сопоставляемых лексических единицах субъект смещен. Это и есть видение мира, то, что отличает психологию народа. Психологию, мышление народа можно проследить и в словообразовании языка через яркие примеры. К слову бабушка в толковом словаре Ушакова дается следующее толкование:

Бабушка, бабушки, ж.: 2. Обращение к старой женщине (простореч.).

Бабушка ворожит – см. ворожить. Бабушка надвое сказала (разг.) - неизвестно, будет или нет.

Бабушка произошло от основы БАБ при помощи уменьшительно-

ласкательного суффикса - УШК - .

Ба́ба, ба́бы, жен.

1. В устах «господ»(прежде) и в крестьянском быту замужняя крестьянка;

ант. девка. *»Долго он не мог распознать, какого пола была фигура – баба или мужик.» Гоголь.*

2. Жена (прост.). Без бабы остался, сам хозяйничает.

3. Вообще женщина (разг. вульг.). Вздорная баба. Здоровенная баба.

Из толкования слова баба мы можем сделать вывод о том, что оно выражает не очень позитивное отношение к ней общества. А вот слово бабушка говорит о том, что она все же любима.

Сравним его эквивалент в кабардино-черкесском языке: анэшхуэ – великая, значимая мать. Это слово также образовалось от основы АНЭ – мать, при помощи суффикса - ШХУЭ - , который означает статусность, величие. Сразу напрашивается вопрос: если есть великая, значимая мать, то есть и другая мать. Следовательно, речь идет о семье и иерархии в семье. Небольшой анализ с точки зрения психолингвистики открыл нам страницу этики взаимоотношений в кабардинской семье. Именно она, анэшхуэ – бабушка, являлась хозяйкой, княгиней дома, да и сейчас во многих семьях эта иерархия сохранилась. В книге кабардинского писателя Х. Теунова «Путь на Эльбрус» есть небольшой, но очень выразительный очерк, позволяющий проследить эту линию: отношение кабардинского народа к женщине.

«Не верьте, не верьте, пожалуйста, сказкам, что у кабардинцев женщина считалась существом низшего сорта. Народ, который именуется хозяйку «унэгуашей», то есть «княгиней дома», жену – «шхагусэ», что означает «сподвижница головы», а бабушку – «анэшхуэ» – «великой матерью», - не мог унижить ту, которая дарит жизнь.

– Это верно, – вступает в беседу другой. – Вера в женщину у нашего народа была настолько сильной, что при самых трагических обстоятельствах, когда оплакивали гибель лучших, наиболее мужественных защитников, утешая людей, старейшие говорили: «Не отчаиваться! Не предаваться унынию! Женщины наши живы. Они принесут народу новых героев!».

(Х. Теунов)

Данный текст можно использовать на уроках русского языка, дополнив заданиями:

1) На основании содержания текста попробуйте сформулировать отношение кабардинцев к женщине.

2) Отношение к женщине – одна из форм проявления культуры народа. Приведите примеры фразеологизмов, отражающих отношение кабардинского, балкарского и русского народов к женщине.

3) Проанализируйте по образцу слова дедушка и адэшхуэ. Какой общий вывод можно сделать об отношении кабардинцев и русских к старшим? Проведите такие аналогии с балкарским и русским языками.

Такие наблюдения помогают понять учащемуся, как устроен язык и тот мир вещей, который отражается в формах языка. В подтверждение сказанного приведем слова Л. В. Щербы о роли сопоставления языков: «Сравнивая детально разные языки, мы разбиваем иллюзию, к которой нас приучает знание лишь одного языка, – иллюзию, будто бы существуют неизблемые понятия, которые одинаковы для всех времен и для всех народов». Сопоставление вскрывает и то общее, что, несмотря на все различия, обнаруживается в языках. Оно показывает, что самые общие определения, категории и механизмы свойственны всем языкам, но получают в каждом из них своеобразное преломление. Сопоставление как методический прием обучения на основе учебной ситуации расширяет кругозор учащихся и имеет важное общеобразовательное значение.

В одном из писем П. А. Плетнев писал о своей лекции в университете: «Я изъяснил, что нет в языке слов равнозначущих совершенно, потому что с лекционным значением в голову приходит с каждым словом идея века, народа, местности, жизни. Все это удалось мне выяснить простым примером – борода и брада. Первая так и рисует читателю Русь в виде ее мужика, купца или попа. Второе каждого из нас переносит во времена патриархов (иудейских), в жизнь восточных народов и проч., оттого только, что это слово врезалось в памяти из церковных книг. На этом я основал важное учение о мастерстве давать картинам точные краски в литературных произведениях». Значит, семантика слова не исчерпывается одним лишь лексическим понятием. Вокруг каждого слова создается ряд ассоциаций, сопряженных с понятием, обозначенным данным словом. Эти сведения всплывают в сознании человека в процессе ассоциирования – как спонтанного, так и направленного, и у носителей разных языков они различны. Слово «нэхъыжь» (старший), к примеру, у адыгов тесно связано с понятиями нэмыс (почтительность), акъыл

(разумность), хабзэ (традиция), мудрость, справедливость. Этот образ дополняется зрительным портретом, рисующим внешность нэхъыжь, который закреплен в памяти историей и культурой кабардинского народа: аккуратная борода, папаха, трость, скамья на фоне гор, на которой сидят они, степенные, гордые, задумчивые старики в национальных костюмах. Образ всегда находит словесное выражение, обусловленное внутренними законами национальных языков. Фразеологизмы также несут в себе совокупный опыт, отражают структуры обыденного, житейского сознания, национально-культурную специфику языка. Фразеологизмы ярче всего обнаруживают психологию народа. «В простоте слова сама мудрость, пословицы и песни всегда кратки, а ума, чувства вложено в них на целые книги», – писал А. М. Горький.

Психологию кабардинского народа, его характер, образ мышления, обычаи и традиции мы находим в адыгских пословицах и поговорках. Адыги с раннего детства стараются развить в своих детях умственные способности. Многие фразеологизмы призывают подрастающее поколение к овладению знаниями, показывая все превосходство человека, обладающего умом.

Акъыл зиІэм имыІэ щыІэкъым. – У кого есть ум, у того есть все.

Лъакъуэхэм я пашэр акъылырщ. – Ум ведет ноги.

Огромную любовь адыгов к Родине, слагающуюся из привязанности к своему роду, селу, к племени, отражают пословицы и поговорки:

Хэку зимыІэм дэни къощыІэкІ – У кого нет Родины, тому везде холодно.

Дунейр къэкІухыи уи унэ къекІуэлІэж. – Обойди весь мир, но вернись в свой дом. Ср.: рус. В гостях хорошо, а дома лучше.

Чувство коллективизма нашло свое выражение в пословицах:

Дзыгъуибгъур зэдеІэмэ, чеищхэр трач. – Если девять мышек вместе потянут, то смогут снять крышку с бочки. Ср.: Сплотившиеся муравьи воздвигают гору. (башк); В единстве – сила. (рус.)

ЗэдэщІэ щІэхщи, зэдэшхэ ІэфІщ. – Вместе работается быстрее, вместе кушается вкуснее.

Фразеологизмы, призывающие не терять самообладания, сохранять хладнокровие:

«УтэмакъкІэщІым, хьэлыншэ зыпщІым, уи напэр текІынщ, емыкІу къэпхъынщ», – означающий, что нельзя выходить за рамки приличия, нельзя впадать в гнев, иначе можно потерять напэ – лицо. А потерять

«напэ» для адыга хуже смерти.

«УмыпIащIэ, Къуэшрокъуэр пащIэри унакъым. – Не спеши, Кошроко от спешки не зажил (в достатке, в богатстве).

Но в отличие от русского – Поспешишь – людей насмешишь (цель одна: предостеречь от спешки), кабардинский фразеологизм учит не столько бояться последствия спешки, сколько учит осознанному, осмысленному отношению и к спешке, и к ее последствиям. В его основе лежит воспитание человека через зримый образ, на примере старшего, что является одной из особенностей народной педагогики.

ФЫМ къимыхьыр, лейм къихьынкъым. – Чего не добьешься добром, того и злом не получишь. Ср.: Лучше добрый мир, чем добрая ссора.

Данная поговорка выражает исторически миролюбивый характер кабардинцев, их дипломатичность, мудрость, степенность, проявляемые ими (по свидетельствам историков) в самые критические моменты.

В силу компрессии общественного опыта во фразеологизмах намного ярче проявляется национально-культурная специфика языка, его связь с материальной и духовной жизнью народа, его историей, обычаями:

«Акьылыр – былымщ, былымыр – уэсэпщ. – Ум – богатство, богатство – роса».

«Дунейр шэрхьыу мэкIэрахьуэ. – Мир колесом кружится».

«Хэт и тхьэмышкIи динщIэкьущ – Каждый нищий верит в религию (в значении: нищий надеется лишь на милость всевышнего)».

«Фашэм и нэхь дахэр укIытэщ. – Самый красивый наряд – скромность».

«ШыфIыр лЫгъэм и ныкъуэщ. – Хороший конь – половина мужества».

Восприятие и понимание слова не ограничивается пониманием его словарного значения, как и недостаточно знать общий смысл фразеологизма.

Приведем пример: слово «пыIэ» в словаре Х. Х. Сукунова переводится на русский язык как шапка (мужская, женская). Однако, «пыIэ» и «шапка» не тождественны по содержанию. Если шапка в жизни русского человека является мужским головным убором определенного фасона, а также, в полустертой культурологической ретроспективе, символом принадлежности к определенному роду (Каков Пахом, такова и шапка на нем), то для кабардинца она является необходимым атрибутом мужчины, как и оружие, конь. По этому поводу существует поговорка: «УлIкьэ уэ пыIэ пщхьэрыгьыу» – напоминание о том, что следует поступить как настоящий мужчина, коли носишь шапку.

ПыІэ зыщхэрыгъ – на ком надета шапка (дословно), что значит мужчина, человек мужского пола; подлинный мужчина. Для того, чтобы понять данный фразеологизм, необходимо обратиться в прошлое кабардинского народа, когда ни один человек, называющий себя мужчиной, не ходил с непокрытой головой. Со словом «пыІэ» связаны у адыгов представления о чести, достоинстве, мужестве и, наоборот, о позоре, нищете. В трудные минуты пыІэ в качестве советника, собеседника выступает в пословице Узэчэнджэщын уимыІэмэ, уи пыІэр гьэтІылыи ечэнджэщ. – Если не с кем посоветоваться, положи свою шапку рядом и посоветуйся с ней. Данная пословица отражает обычай принимать решение, согласовав его с кем-либо для того, чтобы глубже осмыслить положение дела, не принимать поспешных решений. Значение этого слова в национальной кабардинской культуре отразилось и в нартском эпосе. Приведем пример возможности работы с семантическими особенностями слова и фразеологизма на конкретном примере.

Переведите на русский язык:

- А уи бийм и щхэр къозгъэхьынщ, си щІалэ! – жиІэри Сэтэней Сосрыкъуэр зыщІиузадэри дигъэкІащ.

Сосрыкъуэ ТотІэрэш и щхэр кыхьри къэкІуэжащ. И анэ Сэтэней гуащэ деж щхэр щыщІихьэм, къеуэри и къуэр къыщІихуащ:

- Щхэр къэхь жаІэмэ, пыІэр къэхь! – жиІэри.

Задания:

1) Последнее выражение Сатаней стало поговоркой. Объясните значение этой поговорки.

2) Речь адыгов, особенно людей старшего возраста, отличается иносказательностью. Данный текст является прекрасным тому подтверждением. Иносказание воспитывает в человеке догадливость или как говорят адыги, гукъэкІ. Как вы считаете, можно ли между этими словами поставить знак равенства? Полностью ли их значения совпадают в родном и в русском языках? Проверьте свои ответы по словарям и по фразеологизмам, в которых содержатся эти слова.

3) Сверьте свои переводы с образцом:

Однажды Сатаней собрала в дорогу своего сына Сосруко.

- Принесешь голову своего врага, сын мой, – сказала она.

Через некоторое время Сосруко вернулся, принес с собой голову Тотраша, как ему и велели. Когда Сосруко занес ее в лагуну матери, Сатаней в гнев выгнала сына со словами:

- Если говорят: принеси голову, следует нести шапку.

Словарная работа:

Лагуна – комната хозяйки.

Задания: 1) Сравните текст с переводом, который сделали Вы. Чем Вы объясните использование переводчиком слова «лагуна»? Лагуна и комната – совпадают ли семантические доли этих слов?

2) Дайте развернутый ответ на вопрос: «Почему Сатаней разгневалась на Сосруко? Как понять последние слова Сатаней?» Если вы не знаете ответа на этот вопрос или сомневаетесь в нем, проконсультируйтесь у старших, у родителей.

Примерный ответ: С древних времен кабардинцы носили шапку в любое время года и в любом месте и снимали ее, только ложась спать. Таков был обычай, шапка являлась олицетворением мужского достоинства. Покушение на шапку, ее сбивание с головы вызывали непрощаемую обиду, смываемую нередко кровью. Мужчины предпочитали умереть, чем пережить такой позор.

В условиях активной миграции населения, такие национально-специфические особенности следует знать всем участникам коммуникации. В связи с приведенным примером, вспоминается реальный случай, произошедший с учеником московской школы. Он вместе с родителями недавно переехал из Нальчика. С новеньким учеником одноклассники решили позабавиться: после школы мальчики сорвали с него шапку и стали его дразнить: попробуй, отними. Детская шалость превратилась для новенького в настоящую трагедию: он отказывался ходить в школу, замкнулся в себе, ни с кем не хотел разговаривать. Даже в условиях современной действительности значение шапки сохраняет свою национальную семантику.

Следует ввести в учебный процесс фразеологизмы с ярко выраженной национально-культурной спецификой, рассмотреть их значения в контексте, обеспечить семантизацию различными видами комментария и создать такую речевую ситуацию, при которой учащийся смог бы употребить их в речи. Так достигается функциональная грамотность.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. В каких языковых единицах ярче выражена психология народа? Докажите.

2. Создайте речевые ситуации «День национальностей». Требование: максимальное использование лексических и фразеологических единиц с национально-культурной семантикой.

3. Разработать образовательную экскурсию «Писатели КБР 2000 - х гг» .

4. Проследите психологию народа через морфологию: очки, душица, поезд, черника. Переведите их на кабардинский/балкарский язык и понаблюдайте за сходствами и различиями.

5. Установлено, что в русском языке имеется около 40 фразеологизмов, в состав которых входит слово сердце. Запишите несколько из них. Вспомните фразеологизмы, в состав которых входит слово голова. Проанализируйте, какое значение приобретают слова сердце, голова в приведенных фразеологизмах. Сопоставьте эти значения с аналогичными фразеологизмами родного языка.

10. Сопоставление лексических и фразеологических единиц русского и кабардино-черкесского языков.

Триада «этнос – язык – культура» позволяет судить о глубинных структурах лексических единиц и фразеологизмов, обозначающих реалии специфического характера. Формирование этнокультурной личности во многом зависит от предмета обучения. В процессе изучения русского языка происходит приобщение к русской культуре и погружение в русскую духовность. От сознательной переориентации учителей на коммуникативно-функциональный подход к русскому языку в процессе его преподавания с постоянным учетом национальной культуры учащихся-кабардинцев и учащихся-балкарцев зависит реализация не востребуемых возможностей предмета «Русский язык» в аспектах формирования этнической и российской идентичности.

Помимо содержания культуроведческой (этнокультуроведческой) компетенции, билингвальное обучение включает в себя и содержание языкового материала, выявленного в результате сопоставительного описания русского и кабардино-черкесского языков в учебных целях.

Создание научно обоснованной методики презентации русской лексики в кабардинских и балкарских школах невозможно без дифференцированного подхода к словарному составу, основанного на сопоставлении лексики русского языка (подлежащей активному усвоению) с лексикой кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков. Определенный уровень сопоставления лексических единиц русского и родного языка учащихся необходим, чтобы постичь глубоко особенности словарного состава русского языка, разработать методику семантизации русской лексики в национальной школе, гармонично включить национально-региональные особенности в процесс обучения русскому языку.

Сопоставительная характеристика нацелена на выявление степени сходства и различия лексических единиц, определение специфических трудностей, возникающих при семантизации русской лексики в кабардинских школах. Одной из существенных составляющих лингвистической типологии и сопоставительного языкознания является выявление различных типов отношений между лексическими единицами двух языков. Сопоставительная характеристика обеспечивает преподавателя материалом для выявления оптимальных способов

семантизации определенных групп слов, для прогнозирования точек интерференции, возникающих при употреблении некоторых слов в речи.

Лингвистическая типология выявляет, что в лексических системах двух языков объем значения слов и их использование в речи, в конечном счете, зависит от признаков, по которым члены данного коллектива классифицируют и именуют объекты внеязыкового мира.

Действительно, в зависимости от избираемого при наименовании признака один и тот же предмет в разных языках может иметь различную «внутреннюю форму» (мотивировку): поезд – в рус. от «ездить», повозка – от «возить», в каб. - черк. – мафІэгу (огненная телега), шыгу (телега с лошастью); самолет – в рус. от «сам летает», кхъухъльатэ – в каб. - черк. букв.: «летающий корабль»;

в рус. яз. – Большая Медведица (в основе лежит греческая мифология), в каб. - черк. языке – Вагъуэзэшибл (букв.: семь братьев звезд);

в рус. яз. цветок – от цвет, в каб. - черк. – удз гъагъэ (цветущая трава),

в рус. яз. душица обыкновенная от «дух», т.е. запах; в каб. - черк. – дахэлинэ от «красивая», т.е. от внешнего вида;

в рус. яз. – сдержанность, терпеливость и не сдержанность, нетерпеливость или раздражительность, вспыльчивость, в каб.яз. - тэмакъІыхагъ, тэмакъІэщІагъ – букв.: «горло длинное, горло короткое»,

в рус. – невиновность; в каб. - черк. Хеигъэ, букв.: «год суда»,

в рус. – татарник обыкновенный, в каб. - черк. – хывбанэ, букв.: «колючка буйвола»;

в рус. – комната; в каб. - черк. яз. унэІуэцІ, букв.: «внутренняя часть дома»,

в рус. - домашняя птица, в каб. - черк. - джэдкъаз букв.: «куры – гуси»;

в рус. яз. - коптилка от «коптить», в каб. - черк. – уэздыгъэнэф, букв.: «слепая лампа».

Вышеописанные примеры иллюстрируют фоновые особенности, выявленные в ходе сопоставления мотивационного компонента значения слов русского и кабардино-черкесского языков. Однако сопоставление касалось и более фундаментальной характеристики – объема значения. По результатам такого сопоставления на уровне языковых явлений, в русском

и кабардино-черкесском языках можно отметить расхождения следующих планов:

1. Некоторые элементы действительности не имеют в кабардино-черкесском языке специфического закрепления в связи с отсутствием соответствующего понятия в повседневном опыте носителей данного языка (например, отсутствие в кабардино-черкесском языке слов, подобных «щи», «косоворотка», «изба», «барин», «боярин» и др.), так же как и в русском языке слов, подобных «цей», «уорк» и т.д.);

2. В исконной лексике кабардино-черкесского языка наблюдается лексическая недифференцированность некоторых понятий, различающихся в русском языке [например: дом, здание, хижина, дворец (рус.) – унэ (каб. - черк.)].

3. В родном языке учащихся наблюдается и такое явление, как повышенная лексическая дифференцированность некоторых понятий. В русском языке: снег идет, дождь идет. В кабардино-черкесском: уэс къос, уэшх къошх (буквально: дождь дождит, снег снежит) и т.д.

Почти каждая группа слов кабардино-черкесского языка имеет свои специфические черты, отличающие входящие в нее слова и по семантике и по структуре от подобных слов в русском языке. Поэтому очень важно, чтобы учитель русского языка в кабардинской школе был знаком с особенностями лексического состава кабардинского языка в сравнении с лексикой русского языка. К примеру, глагол «кIуэн» включает такие понятия, как «идти», «ходить», «ехать». В кабардино-черкесском языке лексически не различаются и такие понятия, как «сладкий» и «вкусный». Они выражаются в языке одним словом – «IэфI». В родном языке – сладкая конфета (кIэнфет IэфI), но лы IэфI (букв.: сладкое мясо). Таких расхождений в семантике много: «щIын» – делать, рисовать, строить; «ткIун» – таять, растворяться, «еуэн» – ударить, ужалить, играть (на музыкальном инструменте), «псы» – река, вода, озеро; мэхьу – «получается», «созревает» и т. д.

Следствием расхождения семантики слов являются речевые ошибки учащихся типа: «делаю дом» вместо – «строю дом», «пчела ударила» вместо «пчела ужалила», «пойду» вместо «поеду», «дал имя картине» вместо «дал название», глаза «коричневые» вместо «карие», «пить борщ» вместо «кушать борщ».

О необходимости работать с конкретными словами, трудными для усвоения в силу интерференции родного языка учащихся и по этой

причине смешиваемыми при употреблении, путем сопоставления, подчеркивания общего и индивидуального не только в семантике, но и в сочетаемости и в грамматических характеристиках слова писали З. П. Даунене,

Э. М. Ахунзянов, Х. Х. Сукунов, А. Х. Загаштоков и др.

По степени совпадения (или расхождения) семантической структуры эквивалентов родного и русского языков в лингвистической и методической литературе различают следующие группы слов.

1) Полные соответствия лексических значений слов двух языков: русского и кабардино-черкесского, т. е. полное соответствие конкретных лексических значений в полном объеме.

В кабардино-черкесском и русском языках есть большая группа исконных и заимствованных слов, у которых полностью совпадают основные обобщенные значения, различаясь в конкретном: это названия дней недели, месяцев, многие названия цветов, деревьев, научные термины, имена собственные и т. д.: ива – дзэл, среда – бэрэжьей, Млечный Путь – Шыху льягьуэ, Венера – Нэхуш – вагьуэ, просо – ху, гвоздика полевая – мэхьыч, гора – бгы, небо – уафэ, звезда – вагьуэ, солнце – дыгьэ, дождь – уэшх, снег – уэс, ветер – жьы, брат – кьуэш, мать – анэ, дерево – жыг и т. д.

Этот тип взаимоотношений, характеризующийся совпадением семантических объемов сопоставляемых слов, не является источником лексической интерференции. Как известно, тождественные элементы облегчают овладение речью на втором языке, тогда как различие усложняет этот процесс, становясь источником ошибок в речевых образованиях билингва. Поэтому целесообразно начать знакомство учащихся с явлением полисемии в русском языке с многозначных слов данного типа. Это такие слова как звонок – уэзджынэ, дорога – гьуэгу, солнце – дыгьэ, уэшх – дождь, и т.д. Выявленное тождество (полное совпадение) многозначных слов обоих сопоставляемых языков позволяет использовать возможности транспозиции при обучении второму языку.

2. Полисемантические поля многозначных слов русского и кабардино-черкесского языков частично совпадают.

Значения полисемичных слов данной группы наряду с одинаковыми значениями имеют и несовпадения в лексико-семантических вариантах. Частичные соответствия – наиболее распространенный тип лексических соответствий, когда:

а) одно слово русского языка соответствует двум и более словам кабардино-черкесского, например:

ступа: убальэ, гухъу.

пуговица: льэбжъанэ, мет, къуху (жыг: пуговка).

ногти: льэбжъэ, Iэбжъанэ.

б) одно слово кабардино-черкесского языка соответствует двум и более словам русского языка:

ИДТИ
(В ШКОЛУ)

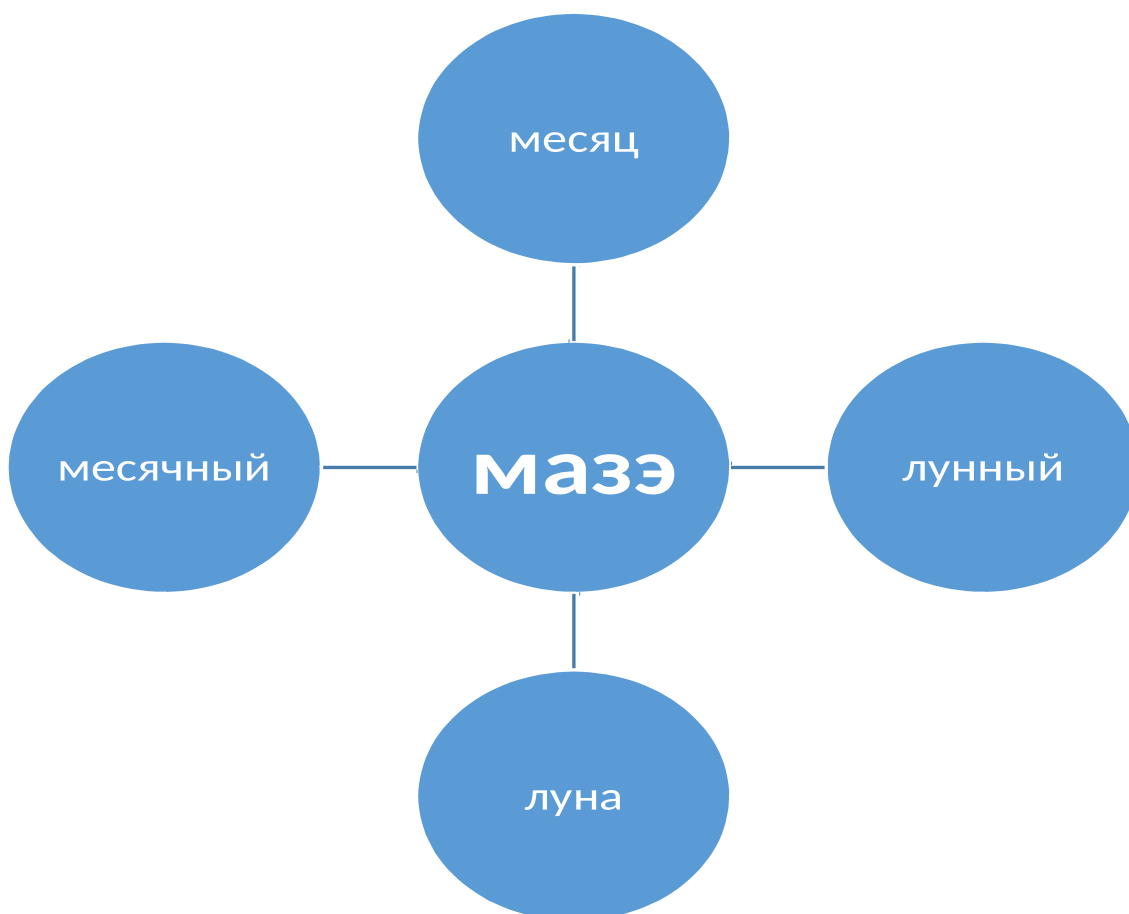
КИУЭН

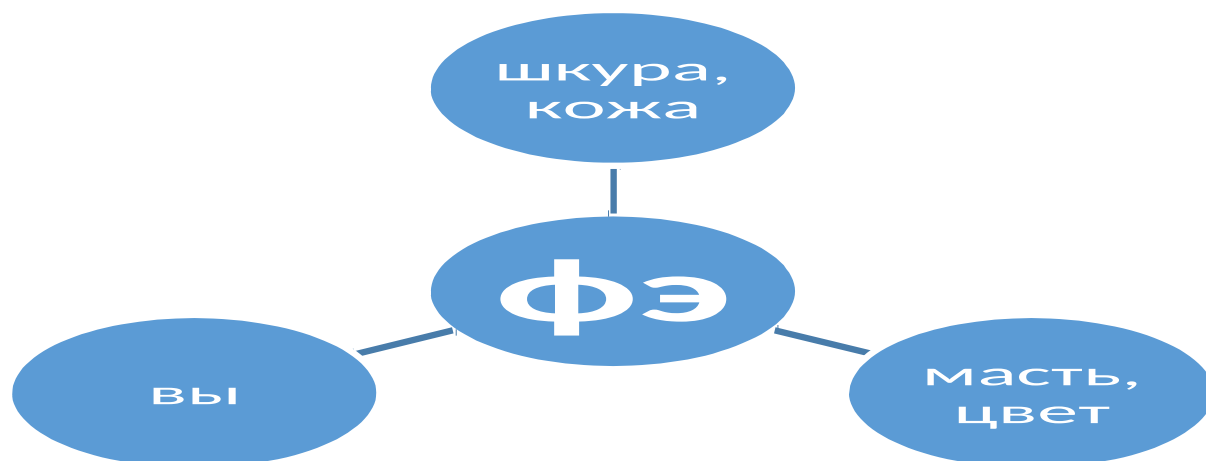
ЕХАТЬ (В ГОРОД)

Сопоставительный анализ многозначных слов и словосочетаний в русском и кабардино-черкесском языках показал его идиоматичность в каждом языке: для выражения одних и тех же понятий используется в составе словосочетаний разные лексические единицы. С точки зрения психологии, асимметрия полисемии является причиной лексических ошибок в речи учащихся-билингвов. Они выражаются в употреблении одних и тех же слов в несвойственных ему значениях. Например, русские слова пачкать и сорить передаются в кабардино-черкесском языке одним словом – уц1эп1ын, тонкий и жидкий – п1аш1э, жарить, печь – гъэжъэн. Эти различия выдвигают при обучении задачу учета их с целью предупреждения интерференции.

Объем и система значений эквивалентных слов русского и кабардино-черкесского языков неодинаковы, потому как сравниваемые языки относятся к разным языковым семьям.

При разработке приемов семантизации и активизации многозначных русских слов в речи учащихся-кабардинцев целесообразно учитывать не только совокупность значений одного полисемантического слова, но и его лексико-семантические варианты.

3. Отсутствие соответствий (безэквивалентная лексика). Это слова – реалии, обозначающие предметы и понятия, не соответствующие практике родного языка (гармонь, пустыня, былина, икона, фея, церковь и т. д.) и практике русского языка (пши, уорки, кинжал, арджан, башлык и т. д.).

В соответствии с вышеприведенной сравнительно-типологической классификацией, считаем возможным разделить представленный программой изучения русского языка лексический минимум на три большие группы, различные по характеру их семантизации:

1) слова русского языка, имеющие в презентуемом значении точный кабардино-черкесский эквивалент;

2) слова русского языка, объем презентуемого значения которых лишь частично совпадает с объемом значений его возможных кабардино-черкесских переводов;

3) слова русского языка, не имеющие в кабардино-черкесском языке эквивалента.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Каковы причины речевых ошибок кабардинских и балкарских детей типа: пить борщ, стоять в тени старших, ударить по сердцу, идти в машине, красная знамя, один пирожное?

2. Что означают для народов Кабардино-Балкарии родина, честь, семья, дружба? Приведите примеры фразеологизмов, подтверждающих ваши ответы. Сравните их с подобными фразеологизмами русского языка и выявите в них оттенки различия и общности.

3. Подтвердите тезис «Русские этнокультурные ценности влияют на этносоциальные структуры инокультурного и иноэтничного окружения» примерами из лексики и фразеологии.

4. Проектная работа: «Урок билингвального обучения русскому языку с учетом этнокультурных особенностей учащихся».

5. Представьте себе, что вы оказались за пределами республики и вам представилась возможность рассказать о своем народе. Составьте рассказ, в котором употребляются фоновые и безэквивалентные слова родного (кабардинского/балкарского) языка.

11. Лингвистические процессы как способ обогащения лексики русского и кабардино-черкесского языков.

Особое место, с точки зрения национально-специфичных лексических единиц, занимает в этой классификации безэквивалентная лексика.

В речевой практике русского языка населения Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Адыгеи и за их пределами функционируют ставшие общерусскими литературными слова, как, например, *нарзан*, *шашка*, *газыри* и некоторые другие, а также немало слов восточного и иного происхождения. Но, что существенней, в повседневной русской речи (особенно у живущих бок о бок с адыгами) встречается подчас немало слов, отражающих специфически адыгские реалии (кафа, Ошхамахо и др.). Многие из этих регионализмов обнаруживают тенденцию к распространению в русском литературном языке. Регионализмы или безэквивалентная лексика получили распространение не только в устной русской речи, но и в многочисленных русских источниках: в исторической, этнографической, военной, музыкальной и особенно в художественной литературе. В этом взаимопроникновении обогатился и кабардино-черкесский язык. Целый ряд русских диалектизмов стали еще до революции в результате многосторонних контактов между Россией и Кавказом активными, а в иных случаях и единственными соответствующими лексическими единицами и продолжают оставаться актуальными в современных адыгских языках, в частности в кабардинском языке.

В число таких слов русского диалектного происхождения входят известные в южнорусских говорах диалектизмы типа: фотоген (фэтыджэн), макуха (мэкIуухуэ), инарал (инэрал), паска – паскIэ – пасха; серники – сеныч – спички; фатера – фэтэр – квартира; сапед – ду – большой плетенный закром во дворе с крышей для хранения кукурузы в кочанах, сапетка – матэ, чыматэ – большая, сплетенная из прутьев круглая корзина для переноса кукурузы в кочанах и многие другие, прочно закрепившиеся в кабардино-черкесском литературном языке. Некоторые из русских диалектных заимствований [к примеру: сапед, сапетка] имеют национальные эквиваленты в кабардино-черкесском языке, однако это не мешает им функционировать. Следует отметить, что количество таких регионализмов (как из числа «имен реалий», так и из числа диалектизмов)

в русском и кабардино-черкесском языках довольно заметно. Они, являясь достоянием обоих контактирующих языков и народов, отражают характер и направление влияния одного языка на другой и свидетельствуют о взаимовлиянии и взаимообогащении языков и культур. Однако, служа показателем тесноты межъязыковых и межкультурных контактов, такие слова не являются главными носителями культурной информации. Здесь гораздо существенней роль всего широкого пласта фоновой и безэквивалентной лексики, которые помогают учащимся глубже понять быт и традиции народа – носителя изучаемого языка, понять своеобразие художественных произведений национальных писателей и умело его передавать в переводе на русский язык.

«Если не семантизировать лексический культурный компонент, то безэквивалентные слова вообще ложно отождествляются, а фоновые слова соотносятся с иноязычными лексическими фонами».

Заимствованные безэквивалентные слова истолковываются с помощью сходных по значению русских слов: хачеш – кунацкая – гостиная – гостиница. Происходит своеобразная синонимизация.

Разумеется, конкретные имена находятся во власти конкретных представлений «имя – предмет». О синонимии таких имен следует судить лишь как о разных именах одного референта или о синонимии, отражающей логические отношения «включенности и пересечения» между названиями одного референта. Это означает отождествление родовых и видовых названий. Конкретное имя является не только знаком определенного предмета, но и определенной характеристикой предмета. В нем могут развиваться оценочное значение, переносное, метафорическое. Таким образом, иноязычное слово входит в лексическую систему родного языка, проявляет способность к сближениям и противопоставлениям (ср: гостиная – хачеш; антихрист – гяур). Такие конкретные имена, связанные тесно с предметным мифом определенного народа, и образуют безэквивалентную и фоновую лексику, о которой говорилось выше. Значения таких слов, пришедших из русского языка, определены жизнью иного народа, иным бытом и иной культурой.

Благодаря коммуникативной функции языка новые слова втягиваются в родовидовые отношения, занимают место в определенном семантическом поле, связанном самой общей идеей: «И закрылась Ошха-Махо, белоглавая вершина»; оружие – меч, нож, кинжал, сабля, джата....

Любой экзотизм, вливаясь в язык, в той или иной степени подчиняется в первую очередь орфоэпической и орфографической системам заимствующего языка. В речевом потоке безэквивалентную лексику захватывает грамматическая система заимствующего языка. Она обретает категории рода, числа, падежные окончания: аталык – м. р., ед. ч. им. п.; – аталыка – род. п.; коран – м. р., ед. ч., им. п.; – а – род. п.; лакум – м. р., ед. ч., им. п.; – а – род. п.; коажа – ж. р., ед. ч., им. п.; – и – род. п. и т. д. Следовательно, мы можем утверждать, что экзотизмы являются заимствованными словами, но степень активного усвоения заимствующим языком может быть разной в зависимости от региона функционирования, от проявляемого интереса к истории, культуре заимствующего языка.

В пределах границ республики Кабардино-Балкарии, в условиях функционирования русского языка, когда учащиеся находятся в непосредственном окружении кабардинской культуры, возникает острая необходимость употребления в русской речи безэквивалентной лексики кабардино-черкесского, карачаево-балкарского языка. Это связано с потребностью в общении людей на региональные темы: культура, история, экономика, природа, география, родная, русская и мировая литература о Кавказе, об адыгах и т. д. Обращение к безэквивалентной лексике, её употребление в речи вызывают необходимость изучения изменений фонетического, морфологического и семантического характера, которым они подвергаются, подчиняясь законам и нормам русского языка.

Безэквивалентная лексика не может быть употреблена в той форме, в которой она употребляется в кабардино-черкесском языке. Проникая в русский язык, как мы уже отмечали, иноязычные слова подвергаются изменениям морфологического характера. К изменениям такого рода прежде всего относятся изменения в окончаниях (къафэ – кафа), изменения грамматического рода, числа (Нарт эпос – нартский эпос, адыгагъэ – адыгство, адыгский). Иноязычные слова участвуют в словообразовании: сабля – сабельный (поход), аталык – аталычество, кунак – кунацкая, куначество.

Однако не все заимствованные слова подвергаются переоформлению или переосмыслению: гегуоко, ажагафа, хуп, псапа, напа, шикапшина, паста, бысым и многие другие подвергаются лишь фонетическому изменению, подчиняясь фонетическому строю русского языка.

Нетождественные, несинонимичные, безэквивалентные экзотизмы находят, тем не менее, свое место в родовом семантическом поле чужого языка. Ряд приемов эквивалентной замены – определение, описание, контекстуальная догадка – помогает выделить «смысловой центр» в безэквивалентном слове [шикапшина – адыгская скрипка, каптал – бешмет, род кафтана, гуцэ – колыбель, люлька и т. д.]. Выявленные дифференцирующие признаки позволяют понять и переносные, и антонимо-синонимичные употребления экзотизма. Поэтому очень важным является не только усвоение «смыслового центра» в семантическом поле, включающем экзотизмы, но и уяснение дифференцирующих оттенков значения. Сила конкретного представления в экзотизме заключена не в эквивалентном «смысловом центре», а в безэквивалентных дифференцирующих оттенках значения. К примеру, русская люлька хоть выполняет одни и те же функции, что и кабардинская гуцэ, однако форма, материал, ритуалы, связанные с этим понятием, оформление, способы использования совершенно не схожи. Именно они допускают оценочные, сравнительные осмысления и антонимо - синонимичные связи экзотизма. Помогает понять эти оттенки знакомство учащихся со страноведческим фоном лексемы, наглядная предметность экзотических ситуаций.

Русская и кабардинская литература в преподавании русского языка. Мастерство переводов.

Анализ научно-лингвистической литературы показал, что к безэквивалентным и фоновым словам, которым более всего присущ национально - культурный компонент семантики, относятся слова, тесно связанные с предметным миром определенного народа, вследствие чего они часто оказываются непереводаемыми на другие языки, и при семантизации требуют учебного комментария, то есть развернутого рассказа о том или ином явлении иноэтнической действительности, т. к. «если не семантизировать лексический культурный компонент, то безэквивалентные слова вообще ложно отождествляются, а фоновые слова соотносятся с иноязычными лексическими фонами».

В русском переводе поэмы «Камбот и Ляца» А. Шогенцукова есть такая строка:

Пол утопан гладко, ровно.

Оригинал перевода:

ЯтІэ льэгуу унэ щЫфэр

Мылу джыджэу гъэхулIат.

Чтобы понять данное выражение следует знать, что в дореволюционной и ещё какое-то время и послереволюционной Кабарде полы в доме были глиняные. Полы в доме уорков отличались высоким качеством. Упоминание о качестве пола (гладко, ровно) является средством сообщения места действия: княжеский дом. Произведения, которые написаны сочным, народным языком, пестрят идиомами, диалектизмами, сугубо национальными словечками. В нашем случае, мы можем проследить, каким образом переводчик смог передать национальную метафору «Мылу джыджэу гъэхулIат»: гладко, ровно. Это значит, что переводчик не задавался целью передать сочность языка оригинала. Подход был скорее другой: передать содержание поэмы, поэтому не было сделано акцента на национальном образе. «В конечном счете судьбу перевода всегда решают талант переводчика, его духовная культура, его вкус, его такт».

Известно, что безэквивалентная лексика обычно обозначает реалии определенного народа, его быта, культуры. Реалии (от лат. *realis* – вещественный) – это те явления действительности, которые свойственны только одному определенному народу, этнической или социальной группе, историческому моменту: детали быта, одежды, пища, религиозные представления и т. д. (рус.: щи, блины, масленица, косоворотка; каб.: гедлибже, хантхупс, черкеска, гид и т. д.). Реалии присущ соответствующий национальный или исторический колорит, благодаря чему нейтральная, «неокрашенная» лексическая единица становится «национально-окрашенной, т.е. реалией».

В доказательство данного утверждения приведем пример.

В устном народном творчестве двух народов неизменно присутствует некое чудовище как олицетворение зла. Русский народ связывает его образ с трехглавым змеем, побежденным Ильей Муромцем, а кабардинский народ – с *благъуэ* – драконом, не дающим воду нартам, побежденный Батыром, сыном медведя. Без знания сюжета этой народной кабардинской сказки невозможно понять строки:

Из реки мы не напьёмся,
Если не убьём дракона,
Без борьбы мы не добьёмся
Справедливого закона.
(А. Шогенцуков)

Къиутыпщынкъым ди псыр благъуэм,
Джатэр и пщэм тетмыгъахуэу, дэ ди быни
дыхуитынкъым, джатэ Іэпщэр дымыкъузу.

Задания:

1. Сравните переводы отрывков, и скажите, какой принцип перевода положен в основу. Какой перевод сделали бы вы?

2. Прочитайте цитату К. Чуковского, выразите свое отношение к ней.

«Гораздо чаще достигают точности те переводчики, которые питают к переводимым авторам такое сочувствие, что являются как бы их двойниками. Им не в кого перевоплощаться: объект их перевода почти адекватен субъекту».

3. Можно ли сказать, что автор переводчик «почти адекватен субъекту»?

Наличие неологизмов, историзмов, архаизмов, экзотизмов является следствием связи развития языка и развития общества, с историей народа, с его бытом, уровнем науки и культуры. Целесообразно рассматривать их в диахронном и синхронном планах, разделив их на две группы:

1) слова, обозначающие реалии, сохранившиеся в современной кабардинской действительности [*нарзан*¹, *унэишэ*², *шхагарит*³, *оредада*⁴ и т.д.];

2) слова, обозначающие реалии прошлого [*пшикеу*⁵, *уорк*⁶, *унаут*⁷, *гоншарык*⁸...].

Напомним, что диахрония и синхрония имеют общий корень, от греч. *chronos* – время. Диахрония (*dia* – через, сквозь) – историческое развитие тех или иных явлений и языковой системы в целом как предмет лингвистического изучения. Синхрония – состояние и изучение языка (или какой-либо другой системы знаков) с точки зрения соотношения между его составными частями, сосуществующими в один период времени.

Усвоение второй группы слов происходит сложнее в силу их архаичности. Эта группа охватывает значительный пласт лексики с

¹Нарзан – минеральная вода из источника.

²Унэишэ – привод невесты в дом.

³Шхагарит – прислуга за столом.

⁴Оредада – ритуальная свадебная песня.

⁵Пшикеу – вольноотпущенный княжеский крестьянин.

⁶Уорк – см. стр. 64.

⁷Унаут – человек низшего сословия, челядь в феодальной Кабарде.

⁸Гоншарык – мужская обувь из сыромятой кожи.

национально-культурным компонентом семантики, и, следовательно, в ней выделяются подгруппы:

1) историзмы, «служащие единственным выражением соответствующих понятий»¹ явлений определенного исторического периода и включающие в себя следующие тематические группы:

а) виды оружия, доспехи (сабля, лук, кольчуга, шлем и др.);

б) названия должностных лиц: государственных, военных, духовных (пши, уорки, кардан⁹, князья и др.);

в) административно - территориальное деление (Джылэхъстэней, Къэлэшбийхъэблэ, Агъзэгъей и др.);

2) этнографизмы – слова, отражающие наименования предметов и явлений традиционного быта народа (чимата¹, плетень, хуп² и др.);

3) слова, связанные с религией (дугаши³, тха⁴, намазлык⁵, закир⁶ и др.);

4) фольклоризмы (иныж⁷, дракон, Куйцук⁸ и др.);

5) регионализмы – слова иноязычного происхождения, обозначающие явления быта, общие для народов определенного региона и новые для традиций национальной культуры учащих (бурка, сапетка, макуха, апасы, калмыцкий чай, шашлык, кунацкая, и др.).

Национально-культурный компонент семантики свойствен и ономастической лексике. Ономастическая лексика обладает лексическим фоном, который «с одной стороны, относит имена собственные к совокупности однородных имен, с другой стороны, придает конкретному имени неповторимый облик, индивидуализирует его».

У каждого народа есть свои имена и фамилии, представляющие интерес в языковом и страноведческом отношении. Имена собственные выражают определенную информацию: указывают на происхождение имени, территорию распространения и т. д.

¹

⁹

¹ Кардан – кабардинский дьячок христианской веры

¹² Чимата – плетеная корзина для сбора кукурузы

²² Хуп – большая самодельная деревянная ложка

³³ Дугаши – ревнитель веры, который в силу обстоятельств вынужден был скрывать свои убеждения

⁴⁴ Тха – языческий бог

⁵⁵ Намазлык – молитвенный коврик

⁶⁶ Закир – молитва мусульман

⁷⁷ Иныж – персонажи кабардинского фольклора – великан, чудище

⁸⁸ Куйцук – имя персонажа кабардинского фольклора

В современном русском языке антропонимы, встречающиеся в былинах, сказках, народных песнях, часто используются в переносных значениях с какой-либо определенной коннотацией, например, Ильей Муромцем назовут сильного человека, мощного. Так же и в кабардино-черкесском языке: Бадыноко, герой Нартского эпоса, – символ храбрости, большой физической силы. Символом женской мудрости стала Сатаней, героиня Нартского эпоса. У русского народа это качество олицетворяет Василиса Премудрая, одна из героинь народных сказок. Узрэдж ябгэ стал символом хитрости, коварства, зла, впрочем, как и Баба-Яга. Таких примеров можно привести множество.

Вместе с собственными именами яркой коннотацией обладают и топонимы. С нашей точки зрения, заслуживают внимания и топонимы, связанные с историческими битвами прошлого (в России – Калка, Бородино; в Кабарде – Тьмутаракань, Кинжал, Джулат), жизнью и деятельностью известных людей: писателей, поэтов, художников (в России – Михайловское, Ясная Поляна; в КБР – Нартан, Шалушка, Чегем). Приведем пример работы с топонимами и именами собственными.

Родина Измаил-бея

Зеикъуэ – Заюково (досл. – кизиловая долина) – так именовалось нынешнее Атажукино, родовой аул известного кабардинского князя Измаил - бея Атажукина, полковника русской армии, героя Очаково и Измаила, служившего под командованием Суворова.

Это тот самый Измаил-бей, чьим именем названа известная поэма Лермонтова. Поэт так описал Атажукино:

Горой от солнца заслоненный,
Приют изгнанника смиренный,
Между кизиловых дерев
Аул рассыпан над рекою.

Заюково-Атажукино лежит между высокими холмами, образующими как бы ворота Баксанского ущелья. Впереди, с юга на запад, тянутся, вздымаясь друг за другом и становясь все выше, светлее, воздушнее, фиолетовые, прозрачно-голубые горы. Над ними величаво возвышается недреманный страж Кавказских гор – Эльбрус. Его корона – вечные ледяные панцири – сверкает то перламутром, то серебряно-лунным светом, в зависимости от времени дня.

Задания:

- 1) Где находится Заюково? Что отражает название села?

2) Что вы знаете об Измаиле Атажукине? Запомните имя этого героя.

3) О чем говорит вам слово Очаков? Где Очаков находится?

4) Чем прославился Атажукин в этих сражениях?

5) Почему в тексте Эльбрус назван стражем Кавказских гор?

6) Проектная работа: Вместе с учителем истории соберите сведения об Измаиле Атажукине или о других прославленных героях, наших соплеменниках на тему «Герои минувших лет».

Вышеперечисленные пласты лексики представляют собой особый интерес с точки зрения перевода на русский язык и с русского на кабардинский язык. Перевод является одним из основных методов сближения народов, он имеет богатый опыт взаимообогащения русской и национальных литератур Северного Кавказа. Б. Пастернак считал, что подражание лучше всего вводит нас в мир иноязычного автора. Этой теории следует в современной кабардинской литературе поэт и переводчик Р. Ацканов. Лучшим примером могут служить его переводы кавказских поэм

М. Ю. Лермонтова, например, поэма «Исмаил-бей» на кабардинский язык. Вышеприведенный пример оригинала отрывка поэт перевел на кабардинский язык следующим образом:

ЖылэщІэр щызэхэсщ псы гьунэм,
Зей жыгым ар къаухъуреихь,
И щыгу къурш бжэным къыщакІухь.
ЕгуэшэкІащи нэпкъым унэр,
Дэтхэнэ зыри ходэІухь
Псы даущ макъым, пшэм и кІуэкІэм,
И бзийхэм дыгъэ къыхукъуэкІым... (Ацканов Р.)

Проследите за художественным переводом поэта. Как бы вы перевели эти строчки?

У А. Кешокова вся поэзия наполнена лексикой с национально - культурной семантикой, образами, метафорами. Мы уже говорили о том, какую роль играет «напэ» в жизни адыгов. Это слово по своей семантике гораздо шире, чем слова «совесть», «честь». Проследим варианты перевода одного стихотворения.

Честь.

Чтоб от ржавчины сберечь,
В ножны убирают меч.

Разве в нашей жизни есть
Что - то высшее, чем честь?! (Р. Агоева)

Честь.

Чтобы от ржавчины сберечь, в надёжных ножнах сохраняют меч.
А разве в ваших душах есть, что драгоценнее чем честь? (А. Волосников)

Имя

Пусть на одежде сто заплат, на имя собственное, брат,
Не дай пылинке ты упасть при ветреной поре,
И скачет с лермонтовских пор лихой Казбич по склонам гор,
Хоть сам в лохмотьях, но кинжал хранит он в серебре.

(Я.Козловский)

Сравните с оригиналом.

Напэ.

Къамап1эр къамэм имычатхэ,
Мыульиину ар яхуапэ.
Пхьумэну щы1эм нэхь хьумапхьэр
Мы напэр арщи, псэм нэхьапэщ.

То, что в переводах появилось два варианта названия стихотворения, свидетельствует о широком семантическом поле фонового слова «напэ». Какой из них удачнее? На этот вопрос смогут ответить только те, кто окунулся в духовную культуру кабардинцев и почувствовал значимость «напэ» в их жизни. В каждом национальном языке представлена своя национальная специфика и национальная психология. Передача компонентов национальной специфики оригинала при переводе представляет определенные сложности, так как она связана с образом жизни народа, его характером, с государственным устройством, культурой, традициями, бытом и т.д. Однако такая организация работы позволяет достичь функциональности в развитии речи учащихся, так как перед ними живой материал, понятный учащимся-кабардинцам в лексико-семантическом варианте. Работа с текстом, насыщенным лексикой с национально-культурной семантикой, полезна и имеет практическую значимость в плане формирования смыслового чтения, умения искать и работать с информацией, умения проводить исследования по предмету и оформлять свои находки в структурированную, грамотную устную и письменную формы речи.

Системное изучение лексики в школе и методическая организация учебного лексического материала в качестве его основы должны строиться

с максимальным учетом особенностей лексической системы, внутренней ее структуры и взаимосвязей с внеязыковой действительностью.

При коммуникативной направленности обучения выбор языковых средств ставится в зависимость от системы коммуникативных факторов (сфера общения, мотивы, коммуникативные цели высказывания, темы, ситуации), что обуславливает необходимость учета этих факторов при описании учебного языкового материала. Одним из способов реализации этого описания является тематико - ситуативная организация лексического материала, систематизация слов по их функционированию в речи, степени специфичности для той или иной сферы общения. Исходя из этого, все больше внимания уделяется в современной школе проблеме обогащения словаря учащихся методом тематических и лексико - семантических групп.

Основные принципы методики словарной работы (принципы преемственности, сознательности и активности, доступности, наглядности, связи теории с практикой) находят свое выражение и реализацию в более частных принципах обучения лексике: системный подход проявляется в семантико-ассоциативном или лексико-семантическом принципе, а коммуникативный функциональный подход реализуется в основном в тематико-ситуативной и контекстной подаче лексического материала.

Тематический принцип в словарной работе более всего отвечает коммуникативной направленности обучения русскому языку как неродному. Слово станет прочным достоянием учащегося лишь в том случае, когда понятие или представление, им выраженное, вступит в тесную связь с целым рядом других понятий или представлений, войдет в определенный тематический круг.

Темы эти, считает В. А. Добромислов, помимо литературных источников, должны быть почерпнуты из окружающей среды, реальной действительности, в соответствии с принципом близости и доступности их учащимся.

Тематически должна быть организована и работа с фразеологизмами. Коннотативность эмоционально - оценочных ФЕ представляется важным признаком при определении основных характеристик фразеологизма как предмета обучения. По мнению многих исследователей, семантика большинства фразеологизмов не ограничивается денотативным значением. Эмоционально-оценочные фразеологизмы помимо семантической информации сообщают и дополнительную информацию благодаря коннотативному компоненту значения.

Многие фразеологизмы обладают двуплановостью семантики с синхронной (современной) и диахронной (исторически-временной) точки зрения. ФЕ с синхронной двуплановостью семантики – это сочетания, которые в современном языке понимаются носителями, как в прямом смысле, так и идиоматически, например: засучив рукава, как две капли воды, фэр техын, псэупІэ емытын, зэрыщыту къапщтэм и др. Такие фразеологические единицы усваиваются легче, потому что прототип (свободное сочетание с прямым значением) употребителен в речи.

Иначе происходит понимание и усвоение группы фразеологических единиц с диахронной двуплановостью семантики. Трудность их усвоения объясняется наличием в них устаревших слов (ни зги не видно, чыну къехуэжІын), утратой какой-либо реалии духовной или материальной культуры народа, зафиксированной в том или ином фразеологизме (посыпать голову пеплом, лыы еуэн).

Кроме семантической информации фразеологизмы содержат, благодаря коннотативному компоненту значения, информацию, которая может быть специфичной только для данного языка и которую также следует отразить при сопоставлении.

В основе любого сопоставительного анализа лежат различные стороны одного и того же явления – межъязыковой соотнесенности конкретных ФЕ, т. е. тождества (сходства) их смысловой или формально-смысловой организации. Отсутствие межъязыковой соотнесенности ФЕ означает их полное различие. Между этими двумя позициями (тождества – различия) существуют и промежуточные ступени, которые могут быть обобщены как отношения неполного (частичного) тождества.

Названные виды межъязыковых отношений – тождества, неполного тождества и различия – обнаруживаются при сопоставлении русских и кабардинских ФЕ:

а) в отдельных аспектах их формально - смысловой организации, главным образом в лексическом и структурно - синтаксическом (аспектная соотнесенность);

б) в их совокупном содержании, т.е. сигнификативно-денотативном и коннотативно-прагматическом значении (функционально-смысловая соотнесенность).

В методике преподавания русского языка как неродного на первый план выдвигается выявление различий и сходств компонентного состава как наиболее важного с точки зрения прогнозирования интерференции.

Цель сопоставления семантически соотносительных, но разных по компонентному составу фразеологизмов русского и родного языков – выявление их семантического тождества и различия. Фразеологические сращения русского языка типа **бить баклуши, без сучка и задоринки, в пух и прах, за тридевять земель** при сопоставлении вряд ли найдут структурно-семантические эквиваленты или аналоги в кабардино-черкесском языке, потому как они являются специфичными для русской культуры. Следует выявить подобные фразеологизмы, специфичные для кабардинской культуры, балкарской культуры.

При сопоставлении лексики и фразеологии языков в учебных целях главной задачей ставим не описание способов выражения тех или иных значений словами и фразеологизмами, а «поштучный» анализ отдельных конкретных фактов (фразеологизмов) русского языка и их коррелятов [36] в родном языке учащихся. Такой подход к сопоставлению в учебных целях в некоторой степени отражает один из аспектов целостного понимания лексико - семантической системы языка – «интралингвистичное описание системы».

Многие фразеологизмы содержат в себе безэквивалентную и фоновую лексику: бесструнная *балалайка*, как *банный* лист, мерить на один (на свой) *аршин*, молочные реки и кисельные берега; каб. - черк.: *зи бзэр джатэ, пластэ мыгъуэ, чыну къехуэкӀын*. Некоторые фразеологические единицы содержат прототипы с именами собственными, также связанные с историей народа: *Мамаево нашествие* – по имени татарского хана Мамая, совершившего в XIV веке опустошительное нашествие на Русь и разгромленного русскими в Куликовской битве (1380 г.): употребляется в значении «неожиданное появление многочисленных и неприятных гостей, посетителей».

Тхъэм кьыдытыж Инал и махуэр – дай бог нам времена Инала – виднейшего предводителя адыгов, удачливого воина.

Усвоение таких фразеологизмов происходит эффективнее, если мы вводим в учебный процесс практику перевода. Например: *ахиллесова пята, душа на распашку, кот наплакал, стреляный воробей, старого воробья на мякине не проведешь, котелок варит, заговаривать зубы, как рукой сняло*. Дословный перевод не будет эффективным, так как фоновые слова, присутствующие во фразеологизмах, отражают особенности истории и жизни русского народа. С чем связаны фразеологизмы *заговаривать зубы, как рукой сняло*? Какие особенности исторической деятельности русского

народа отразились в фразеологизмах стреляный воробей, старого воробья на мякине не проведешь? Какие особенности русской лексики и русского быта отразились во фразеологизме котелок варит?

В кабардино-черкесском языке особое место занимают фразеологизмы с оценочным значением в семантике. Они, как правило, отражают национальное видение человека, человечности (цІыхугъэ) и являются одним из средств воспитания человека. В них можно найти практически все нормы адыгского этикета:

Мыщэр зыщышынэр зэшитІ зэгурыІуэрэ дзитІ зыІут къамэрэщ – Медведь боится лишь двух дружных братьев и ножа с двумя лезвиями. Нэмысыншэр нэсыпыншэщ. – Несчастен тот, кто не знает почтительности. Шынэ зиІэм укІытэ иІэщ, укІытэ зиІэм напэ иІэщ. – Знающий страх (этический) знает стыд, знающий стыд имеет честь... и т. д.

Традиционный – тематический критерий для сопоставления фразеологических языков является сегодня более востребованным для учебных целей. Тематическая классификация ФЕ имеет целью установление обобщенного значения фразеологизмов и сферы их употребления в речи. В некоторых случаях такая классификация может пролить свет и на источники возникновения различных пластов фразеологических единиц. Тематическая классификация тесно связана с установлением частоты употребления ФЕ.

Примером такой организации учебной деятельности может стать тема гостеприимства у разных народов:

На лишнего гостя не припасена и ложка.

В гостях гостить - не свою волю творить.

Гостю почет, а хозяину честь.

Задание: какого фразеологизма вы не найдете в кабардинской фразеологии? Почему? Что общего у двух народов в традициях гостеприимства? Какие фразеологизмы кабардинского языка могут это подтвердить?

Нам известно, что системно-деятельностный подход к обучению реализуется через базовые педагогические технологии. Одним из таких технологий является обучение на основе учебных ситуаций. Это такая организация учебной деятельности учащихся: сопоставление, сравнение, анализ, классификация и др., – где формируются универсальные учебные действия.

Задание: запишите фразеологизмы по тематическим группам:

- а) отражающие семейные отношения людей, их быт;
 б) отражающие понятия, связанные с военным, ратным делом;
- 1) Братская любовь пуце **каменных стен**.
 - 2) В бою побывать – цену жизни узнать.
 - 3) Разозлилась на невестку, отругай свою дочь.
 - 4) Либо грудь в **крестах**, либо голова в кустах.
 - 5) Лучше смерть на поле, чем **позор в неволе**.
 - 6) От хорошего братца ума набраться, от худого братца рад отвязаться.
 - 7) Привычки свекрови для невестки пример.
 - 8) Медведь боится лишь двух **дружных братьев** и **ножа** с двумя лезвиями.
 - 9) Лучше жизнью поступиться, чем **совестью**.
 - 10) Невестушка, полно молоть! Отдохни – потолки!

В приведенных фразеологизмах узнайте фразеологизмы родного языка. Переведите их на родной язык. Восстановите их национальную форму.

Какие черты являются общими для двух культур, в чем состоит разница? Сформулируйте отношение к взаимоотношениям в семье, к военному, ратному делу русского и кабардинского народов. Обратите внимание на лексический фон выделенных слов.

Русская пословица «Яблоко от яблони недалеко падает» имеет аналог, иногда и эквивалент в других языках. Например,

- Посмотри на мать, потом только женись на дочери. – *каб.*
- Яблоко от яблони недалеко падает. – *рус.*
- Яблоко падает под яблоней. – *балк.*
- Груша падет под грушевым деревом. – *турецк.*
- Скотина становится похожа на хозяина. – *каб.*
- Скотина становится похожа на своего хозяина. – *турец.*
- Если скотина не похожа на своего хозяина, то его съедят волки. – *балк., осет.*

Фразеологизмы являются в подавляющем большинстве эквивалентами слов. В целях выявления этнокультурных сходств и различий предлагаем для сравнения фразеологизмы, наиболее ярко, образно, выразительно и метко отражающие национальные особенности кабардинского народа. Материал организован в тематическом плане.

1. Фразеологические единицы – профессионализмы. ФЕ данного типа отражают сферу основных занятий народа, специфику его трудовой деятельности.

1) ФЕ с опорными словами о земле, земледелии, животноводстве, пчеловодстве:

щЫм епщІэр ипщІэщ – (букв.: как землю возделаешь, такова ее и цена);

тЫбжьэу къэгъэшын – согнуть в бараний рог;

джэд хуэдэу Іушашэу, мэл хуэдэу Іушабэу /фольк./ - Чтобы была скромна в речи, чтобы была кротка как ягненок (свадебный заздравный тост);

бжьэцым къуацэкІэ хэуэн – подлить масла в огонь;

уанэ мыгъуэ тельхъэн – потерпеть поражение;

шэмэджыпэу игъэзащ – согнул как нос косы (синоним к ФЕ тЫбжьэу къэгъэшын).

2) ФЕ, отражающие связь с морем, рекой, рыболовством.

Данная подгруппа фразеологизмов напоминает о том времени, когда адыги жили на побережье Черного и Азовского морей с VII в до н.э. по XVI в.

1) хышхуэ тхъэрыкъуэу (щЫкІафІэщ) – грациозна, подобно чайке морской (о женщине);

2) хым нитІкІэ хэгъэплъэн – заставить кого-либо принудить к чему-либо;

3) ныджэм къытена бздэжьейуэ (къэнащ) – как рыба, выброшенная на берег; беспомощно;

4) псы утхъуам бдзэжьей щещэн – ловить рыбу в мутной воде;

5) псибл икІащ – кануло в вечность.

3) ФЕ, в которых нашли отражение понятия, связанные с военным, ратным делом:

1) джатэм и щІагъ нанэ щІэскъым (щыІэкъым) – 1) если меч обнажен, то шулки в сторону (букв.: под мечом мать не сидит); 2) обратного пути нет (возникновение его связано с обычаями кабардинцев);

2) бжьщхъэзынэ щІын – скрестить копья;

3) фочым къыкІа шэуэ (макІуэ) – как пуля, вылетевшая из ружья;

4) кІакхъу щІичакъым – пренебр., презр.: и выстрела не сделал, не воевал, т. е. пороха не нюхал (букв.: курка не спустил);

2. ФЕ, в которых нашли отражение болезнь, здоровье, врачевание, знахарство: псыдыуэ егъэуэн – дать присосаться пиявке, лы еуэн = пускать кровь, Iэзэгъуэ зимыIэ узыгъуэ щыIэкъым – неизлечимых болезней не бывает.

3. ФЕ, имеющие отношение к образованию:

ЩIэныгъэншагъэр мыгъуагъэщ – неграмотность – несчастье.

4. ФЕ с компонентами, обозначающими предметы домашнего обихода, жилища:

Жьэгъу дэсыжын – сидеть дома;

Жьэгъу пащхъэ – семейный очаг;

Дзасэм тхъу фIэзагъэрэ – разве на вертеле может держаться масло;

5. ФЕ, в которых нашли отражение семья, семейные отношения людей, их быт:

Къуэш егъу нэхрэ ныбжьэгъуфI – лучше хороший друг, чем недобрый брат;

Къуэш зимыIэм башым IэплIэ ирешэкI – кто не имеет брата, тот обнимает палку;

Гуащэм и хабзэр нысэм и бзыпхъэщ – привычки свекрови для невестки пример.

Уи нысэм уигу ебгъамэ, уи пхъум хуэгубжь – *если* разозлилась на невестку, отругай свою дочь.

6. Фразеологизмы, в основе которых лежат названия видов одежды:

ЩIакIуэм и къуагъ лIы кыкыуош – за буркой виднеется мужчина (где бурка, там мужчина).

ЩIакIуэ щIагъ щIэувэн – стать под чью-либо защиту.

ЩIакIуэншэм гуэбэнэчри щокIуэ – на безрыбье и рак рыба.

7. Фразеологизмы, где один из компонентов представляет собой название пищи, еды или угощения:

Тхъур IукIэ зын – жить в достатке (ртом масло цедить)

Пшастэ мыгъуэ = горький хлеб.

8. ФЕ, в которых нашли отражение различные религиозные представления адыгов.

Язычество:

тхъэм узэрельIунщ – как -нибудь; бог даст не съест.

тхъэм ахърэтыфI кърит – да будет ему хорошее житье на том свете (царство небесное).

Магометанство:

кьурмэн фІэгъэжын – *принести в жертву*

жыхьэнмэ дакъэжъ – закоренелый грешник;

хьэрэм шхын – обмануть кого - либо – обвесить, обмерить.

Молэм къащтэ фІэкІа нащтэ ищІэркъым – мулла знает только «дай», но не знает «возьми».

НэщІыр джанэ фІейм хуэдэщ – ураза, что грязная рубашка.

Сохьустэ мыхьурэ Іэнэ ухьуэнщІрэ – незадачливый сохста (ученик магометанской школы) – обжора.

Христианство:

Пхьурыльхур кьихьэмэ, псатхьэр магъ – уст.: когда племянник в доме появляется, икона плачет (по преданию, гость из Кабарды разбил у моздокских кабардинцев христианскую икону).

9. Фразеологизмы, имеющие отношение к традиционным народным развлечениям, танцам и т. д.

Шурыльгэс джэгун – заниматься джигитовкой.

Чыну къехуэкІын –гонять, как волчок – спуску не давать.

Джэгу щІын – устраивать танцы.

И кІэныр къикІащ (къриудащ, кърихуащ) – ему повезло

КІэныр кьыхуихун - (отдуть, отдубасить кого-либо = пересчитать кости кому-либо).

10. Фразеологизмы, отражающие старинные обряды, традиции в семье, обществе.

ПщыкъуэцІэ мыхьуамэ, кьыджыІэ – скажи нам, если это не имя деверя.

Мысостей бжьыщ – три бокала Мисостовых (мера наказания для опоздавшего на званый вечер);

Блэгьу иплъэн – гадать, предсказывать судьбу на лопатках (бараньих)

Іэгу иплъэн – гадать по ладони,

джэрш дзын – гадать на фасоли,

пхьэ идзэн – бросить жребий

11. ФЕ, образованные с использованием мифологических и фольклорных сказаний:

Зи щхьэцналъэ хача алмэстыу мэлажъэ – работает словно алмасты, у которого вырвали клоч волос из головы = в поте лица.

Сэтэней хуэдэу (Іущщ) – мудра, как Сатаней.

Лъэпщ и уадэр кьытиухуэ – да обрушится на него молот Тлепша.

Хасэ гъэшыи – проводить хаса (фольк.)

12. ФЕ, связанные с социально-экономическим неравенством, имущественным положением людей.

Уоркьым и жьэ и щЮпщц – язык уорка, что плетень.

Пщы гъусэ хъурэ – разве пши может быть компаньоном (другом).

ПщылІ Іэщэми пщы щошынэ – пши боится и оружия крепостного.

13. Фразеологизмы, содержащие топонимы, обозначения какого-либо места.

Узытхьэлэ псори Урыхуц – все, где можно утонуть, есть Урух (река).

Кърым данэ ильщ – в Крыму много шелку, да что толку.

Тэрч кхъуэ исыкІаш – свинья переплыла Терек (ответ на нескромный вопрос излишне любопытного).

Парипых уихуэ – чтоб ты оказался у места избиения.

14. ФЕ, отражающие наблюдения человека над жизнью, над различными явлениями природы. Некоторые фразеологизмы могут обозначать мыслительный процесс.

Жьым и кІапэр щІэм и напэц – наследие старого поколения – совесть молодого поколения. Уэмым и ужьыр уаещи, уаем и ужьыр уэмщ. – после духоты становится холодно, после холода душно.

15. Фразеологизмы – назидательные умозаключения, представляющие собой коммуникативные единицы. Угъуэщэн ухуэмеймэ, зыплъыхь, ущыуэн ухуэмеймэ, упщІэж. – Осмотрись, если не хочешь заблудиться, советуйся, если не хочешь ошибиться.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Для чего нужно знать национально-культурные особенности, выраженные в лексике и фразеологии родного (нерусского) языка учащихся, в процессе преподавания русского языка?

2. Возможно ли формирование гражданской общероссийской и этнической идентичности вне языкового поля?

3. В целях выявления этнокультурных сходств и различий сравните фразеологизмы, наиболее ярко, образно, выразительно и метко отражающие национальные особенности кабардинского народа, представленные в тематическом плане, с подобными фразеологизмами русского языка. Приведите примеры сопоставления фразеологизмов балкарского и русского языков в том же тематическом плане.

4. Как вы считаете, с детьми какого возраста благоприятнее работать для формирования этнической самоидентификации?

5. Переведите на кабардинский/балкарский язык: ахиллесова пята, душа на распашку, кот наплакал, старый воробей, старого воробья на мякине не проведешь, котелок варит, заговаривать зубы, как рукой сняло.

12. Сравнительный грамматический анализ русского и кабардино-черкесского языков

Как мы уже понимаем, большие сложности в преподавании русского языка нерусским детям создают точки интерференции. Именно на них мы и остановимся подробнее.

Различия в морфемике сопоставляемых языков:

отсутствие в кабардино-черкесском языке флексий, образующих грамматические формы и выражающих грамматические значения слов: флексии, служащие для категории рода, для выражения множественного числа;

русским именным приставкам соответствуют кабардино-черкесские послелого, глагольным – превербы: прибрежный – псы 1уфэм деж; надречный – псым и щхьэк1э, къэжэн – прибежать, нэсащ – дошел, добрался.

В русском языке суффиксы и приставки могут выполнять эмоционально-стилистические функции, что нехарактерно для родного языка;

Более сложные функции глагольных превербов в кабардино-черкесском языке по сравнению с функциями префиксов в русском;

Различия в области лексики и фразеологии:

1. наличие в русском и кабардино-черкесском языках слов с несовпадающими объемами значений (по схемам 00 = 0, 0 = 00): например, каб. - ч. «тхьэмпэ» (лист) – однозначное слово, рус. «лист» – многозначное; рус. «разведка» – однозначное слово, каб. «т1асхьэ» – многозначное; рус. «река, вода» – каб. - ч. «псы»;

2. наличие в обоих языках слов с несовпадающей лексической сочетаемостью: лексический состав словосочетаний, выражающих тождественные понятия, различен; например, рус. «вчера вечером» – каб. «дыгъуэпшыхь»; «поздно ночью» – «ныжэбэ»;

3. наличие в русском и родном языках фразеологизмов и идиоматических выражений, не имеющих соответствия во втором языке: рус. «на ночь глядя», «попасть впросак», «бог в помощь»; каб. «хьэмбов апщий» – «да будет твое гумно полным»;

4. ряд слов, имеющих в русском языке наряду с основным переносное значение, имеет в кабардино - черкесском только основное

значение: сравним рус. «хвост» – каб. «к1э». То же касается и слов кабардино-черкесского языка, имеющих переносное значение.

Кабардино-черкесский язык обладает, как и русский, сравнительно развитой, разносторонней и в терминологическом отношении богатой лексикой. Основные ее пласты представлены исконными словами. Лексика кабардино-черкесского языка, как известно, до сих пор не подвергалась системному описанию в синхронном аспекте.

Наиболее полно кабардинская лексика исследована в работе М. Л. Апажева «Проблемы кабардинской лексики». В ней впервые в контрастивно-типологическом плане исследуется кабардинская лексика как система, интерпретируемая автором как совокупность четырех группировок: лексико-семантической, лексико-тематической, лексико-грамматической и лексико-стилистической.

Рассмотрим в сопоставительном плане лексико-семантические системы русского и кабардино-черкесского языков по схеме, предложенной П. Н. Денисовым и М. Л. Апажеевым.

Омонимия (тождественные по звучанию слова)

1. Шэ - молоко	1. Дзэ - армия
2. Шэ - пуля	2. Дзэ - зуб
3. Шэ - вези	
4. Шэ - веди	

Паронимия (слова, близкие, но не тождественные, по звучанию)

Щак1уэ «охотник», щ1акъуэ «хромой», щ1акхъуэ «хлеб».

Синонимы – лексико-семантическая группа, объединенная близостью значений. Смелый – храбрый – отважный – мужественный.

Антонимы – лексико-семантическая группа, объединенная противоположностью значений:

- 1) лъагэ – «высокий», лъахъшэ – «низкий»
- 2) белый – «хужь», черный – «ф1ыц1э»
- 3) ин – «большой», ц1ык1у – «маленький».

Семантическое поле – совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд. Например, в русском языке семантическое поле времени, год, месяц, неделя, день, час, минута, продолжительность, длительность, в кабардино-черкесском: ильэс, мазэ, махуэ, тхъэмахуэ, сыхъэт, дакыкьэ и понятие времени, продолжительность, длительность в кабардино-черкесском языке отсутствует.

Ассоциативное поле. Лексико-семантическая группа, объединенная

ассоциативными отношениями, включает в себя не только слова разных частей речи, как семантическое поле, но и вообще всякие слова, так или иначе ассоциируемые с тем или иным словом – стимулом или сигналом. Например: друг – товарищ, враг, верный, хороший, мой, недруг, близкий, настоящий, старый, добрый, надежный, жизнь, преданный, приятель, закадычный, любимый, давний, добрый, навсегда, первый, противник, честный, муж и т.д. Кабардинский: ныбжьэгъу, жэрэгъу, гьащ1э, жэгъуэгъу.

Слово как деривационное целое. Различия:

- наличие в кабардино-черкесском языке и отсутствие в русском сложных слов, в которых составляющие их основы относятся к разным лексико-грамматическим разрядам: основа существительного + основа глагола; в каб. яз. «мэз - хьумэ» – «мэз» – сущ., «хьумэн» – гл., «жыгыу1у» – «жыг» – сущ., «у1ун» – гл.;

- наличие в кабардино-черкесском языке большого количества слов, образованных путем редупликации корневой морфемы; «щ1алэгъуалэ», «хьарпшэр», «хуэк1эбжьэк1э», «к1энтхьфэнтхь»;

- отсутствие в русском языке глагольных основ прерывистого и нейтрального типа (для кабардино-черкесского языка эти типы основ весьма характерны); в каб. яз. «зэхуэсын – зэхуэ – дзы – сын, зэхуэ – хьэ – сын» прерыв. основа; «джэгун, къэфэн, шхэн, плъэн» – нейтр.;

- наличие в кабардино-черкесском языке строгой иерархической системы в порядке расположения глагольных деривационных морфем: «жэн – гьэжэн – дэгъэжэн – зэдэгъэжэн – хузэдэгъэжэн – кьыхузэдэгъэжэн».

Различия, касающиеся способов словообразования:

- высокая продуктивность такого способа словообразования, как редупликация, в кабардино-черкесском языке (редупликация полная и неполная); в каб. яз. «нэхутхьэху», «к1уэц1фэц1»;

- более высокая по сравнению с родным языком продуктивность способа аббревиации в русском словообразовании; в русск. яз. – РФ, КБГУ, МГУ, МГИМО;

- наличие в русском языке и отсутствие в кабардино-черкесском такого способа словообразования, как редеривация (ср. русск. трудоустроить от «трудоустройство», *дояр* от «доярка» и др.);

- большая продуктивность способа префиксации в русском языке и малая – в родном (исключая глагольное словообразование) – «пригород»,

«сверхпрочный», «забежать»;

- наличие в русском языке продуктивных типов словообразования – безаффиксного и лексико-семантического – приход, синь, сушь и т.д. и его отсутствие в каб. яз.

Общая характеристика грамматического строя сопоставляемых языков.

По своему грамматическому строю русский язык относится к языкам флективным с элементами аналитизма. Поэтому большинство грамматических значений выражается в нем синтетическим способом – при помощи средств, входящих в структуру слова, находящихся в самом слове. К таким средствам относятся окончания, формообразующие суффиксы, префиксы, чередование звуков, ударение.

Некоторые грамматические значения выражаются аналитическим способом – при помощи средств, не входящих в структуру слова, а находящихся вне самого слова.

Для морфологической системы кабардино-черкесского языка характерно необычайное богатство глагольных форм и в то же время, в определенной зависимости от этого, слабое развитие именных форм. В глаголе наиболее ярко проявляются типологические особенности кабардино-черкесского языка. Однако с морфологической точки зрения *имя и глагол* не очень четко противопоставляются друг другу, поскольку имеются нейтральные, недифференцированные основы, способные включаться в парадигмы как имени, так и глагола без специальных деривационных элементов. Это обусловило структурное своеобразие системы частей речи и дифференциацию их в кабардино-черкесском языке.

Как в русском, так и в кабардино-черкесском языке части речи имеют формальные признаки (в кабардино-черкесском они выражены в меньшей степени, чем в русском). В обоих языках возможен переход одних частей речи в другие (субстантивация имен прилагательных, глаголов и другие).

В кабардино-черкесском языке представлены части речи, характерные и для русского языка.

Основные различия в морфологическом строе сопоставляемых языков.

Имя существительное. Различия:

1) наличие в русском языке категорий одушевленности/неодушевленности, а в кабардино-черкесском – категорий человека/не человека (наличие двух классов – класса лиц (человека) и класса вещей (не человека); в русск. яз.: (кто?) – человек, девушка, учитель, медведь, олень, (что?) – письмо, тетрадь, дерево', в каб.яз.: (хэт? кто?) – щ1алэр «юноша», л1ыжьыр «старик», анэр «мать», дэльхур «брат», (сыт? что?) – мыщэ «медведь», щыхъ «олень», тхылъ «книга», унэ «дом», жыг «дерево»;

2) в русском языке имеется грамматическая категория рода; в родном – отсутствует;

3) многозначность русской категории числа (в отличие от кабардино-черкесской); в русск.яз.: «количество предметов – день, дни»; «названия веществ – молоко, сливки, духи»; «собирательное существительное – листва, джунгли, студенчество»; «значение действия, состояния – заботы, хлопоты, паника; «название игр – «казаки-разбойники», «преферанс»; «собственные наименования – Химки, Черемушки, Дубки»;

4) в русском языке категория числа оформляется с помощью окончаний; в родном – с помощью суффикса (в именах и глаголах) и префикса (в глаголах и местоимениях); в русск.яз.: «игра – игры, стол – столы, книга – книги»; в каб.яз.: «тхылъхэр, дахэхэр, к1уахэр, док1уэ, фок1уэ, дэ, фэ»;

5) падежные окончания в родном языке не влияют на форму числа; русская система склонения, в отличие от кабардино-черкесского, органически связана с категориями рода и числа; в каб. яз. выделено два типа склонения независимо ни от рода (категория рода отсутствует), ни от числа.

6) наличие в родном языке и отсутствие в русском таких грамматических категорий имен существительных, как категории определенности/неопределенности (и в связи с этим определенного и неопределенного склонения), притяжательности (посессивности), союзности;

7) наличие в кабардино-черкесском языке двух типов склонения, в русском же языке – три типа склонения;

наличие в русском языке и почти полное отсутствие в кабардино-черкесском существительных множественного числа конкретного значения (*часы, грабли, ножницы*);

8) в отличие от русского языка все собирательные имена существительные в родном языке употребляются как в единственном, так и во множественном числе;

9) в русской системе склонения имеется шесть падежей (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный), в кабардино-черкесской – только четыре (именительный, эргативный, обстоятельственный, послеложный);

10) отсутствие в русском языке существительных, образованных путем субстантивации глагола.

Имя прилагательное. Различия:

1) наличие в русском языке и отсутствие в кабардинском разряда притяжательных прилагательных, кратких форм качественных прилагательных;

2) наличие в русском языке и отсутствие в кабардинском согласования прилагательных с существительным в роде, числе и падеже;

3) наличие у русских прилагательных и отсутствие у кабардинских окончаний, которые указывают на синтаксическую связь с существительным;

4) отсутствие в кабардинском языке категории рода у имен прилагательных;

5) в кабардинском языке, в отличие от русского, очень мало исконных относительных прилагательных;

6) в русском языке, в отличие от кабардинского, существует два типа склонения прилагательных;

7) в кабардинском языке прилагательное стоит строго после определяемого слова.

Синтаксические связи. Различия:

1) в русском языке возможно согласование в роде, числе и падеже (между именами), в кабардинском – согласование неполное;

в рус. яз.: «Я искал интересную книгу». В словосочетании «интересную книгу» зависимое слово «интересную» согласуется с главным словом «книгу» в ед.ч., в ж.р., в вин. падеже;

в каб. яз.: «Сэ седжащ тхыль гьэщ1эгъуэн». В словосочетании «тхыль гьэщ1эгъуэн» зависимое слово «гьэщ1эгъуэн» согласуется с главным «тхыль» в ед.ч., эрг.п.;

2) возможность связи между частями сложного предложения в

кабардинском языке не только с помощью сочинительных и подчинительных союзов, союзных слов и т. д., но и с помощью сочинительных и подчинительных аффиксов, формы придаточного сказуемого.

Различия на уровне словосочетания:

неполное согласование в кабардинском языке; для кабардинского этот тип связи гораздо менее характерен, чем для русского:

1) в кабардинском языке в словосочетаниях «существительное + качественное прилагательное» последнее находится всегда в постпозиции, и в аффиксации числа и падежа оформляется только существительное;

2) «в атрибутивных синтагмах – различие в порядке расположения определяемого и определения; в русском языке определение обычно предшествует определяемому слову, а в кабардинском, наоборот, определение ставится в постпозиции» (*красивый парень – щ1алэ дахэ*);

3) в кабардинском языке, в отличие от русского, нет оформления обоих компонентов синтагм падежными окончаниями;

4) существуют расхождения и в структуре словосочетаний типа «существительное + неопределенное местоимение»: в кабардинском языке зависимый член – местоимение – всегда занимает постпозитивное положение, в русском порядок обратный:

в рус.яз.	в каб.яз.
какой-то дом	унэ гуэр
чей-то сад	хадэ гуэр

5) различна структура объективных словосочетаний в рассматриваемых языках; в русском языке преобладает постпозиция зависимого члена, в кабардинском – препозиция;

в русск. яз.	в каб. яз.
«читать книгу»	«тхылъым еджащ»
«писать письмо»	«мэзым к1уащ»
«танцевать вальс»	«щ1акхъуэ игъэжьащ»

6) наличие в кабардинском языке и отсутствие в русском изафетных конструкций;

7) в русском языке слова в атрибутивных словосочетаниях «существительное + прилагательное» связаны подчинительной связью по

типу согласования; в кабардинском показателями числа и падежа оформляются только качественные определения и некоторые причастно - глагольные относительные определения;

8) слитное написание в кабардинском языке некоторых словосочетаний и нечеткая дифференциация между словом и словосочетанием вообще (морфологическое слияние словосочетаний)

Различия на уровне простого предложения:

1) наличие в кабардинском языке, в отличие от русского, фиксированного порядка слов в предложении (сказуемое находится всегда в конце);

в каб. яз.: «Тхьэмахуэ псор бгъэк1уащ. Сэ сызыхуейр тхылбыращ»;

2) в отличие от русского языка, согласование подлежащего и сказуемого в числе необязательно для кабардинского языка;

в каб. яз.: «Си адэри, си анэри, си кьуэш нэхьыжьри к1уат абыхэм я деж лъэ1уак1уэ»; «Хьэщ1эхэр кьэсакъым», «Хьэщ1эр кьэсакъым»;

3) наличие в кабардинском языке и отсутствие в русском эргативной конструкции простого предложения;

в каб. яз.: «Щ1алэм (эрг.п.) унэр ищ1ащ зы ильэсым»;

4) в русском языке каждый член, важный для сообщения, выделяется в предложении только интонацией; в кабардинском – суффиксами, префиксами;

Ср. в русск. яз.: «Ты приходил сегодня!»

«Ты приходил сегодня?» и т.д.; в каб. яз.: «Уэра нобэ кьэпсэлъар?»

«Уэ нобэ укьыщыпсэлъар?» префикс «щы» служит для уточнения времени;

5) в кабардинских вопросительных предложениях сочетаются вопрос и желание говорящего получить ответ на него от собеседника;

6) существуют различия в структуре простого предложения в соответствии со структурными типами словосочетаний в русском и кабардинском языках.

Различия на уровне сложных предложений:

1) в отличие от русского языка, в кабардинском возможно оформление сочинительной и подчинительной связи между частями сложного предложения с помощью аффиксов (сочинительных и подчинительных) и формы сказуемого;

2) использование в роли союза аффиксального элемента, на-

ходящегося в первой части сложноподчиненного предложения, приводит к более тесной грамматической и смысловой взаимосвязи частей сложноподчиненного предложения в кабардинском языке по сравнению с русским;

3) части сложноподчиненного предложения в русском языке более самостоятельны, чем в кабардинском, где для первой части предложения характерна интонационная незавершенность;

4) отсутствие в кабардинском языке, в отличие от русского, деления сложноподчиненных предложений на расчлененные и нерасчлененные;

5) не во всех сложных предложениях в кабардинском языке придаточные предложения отделяются на письме запятой (это касается, в частности, придаточных предложений);

в каб. яз.: «Абдежым сэ щысльэгъуа ц1ыхубзырат махуэм фи деж къэк1уар»;

6) в отличие от русского языка, кабардинскому присуще использование причастных оборотов вместо придаточных предложений;

в каб. яз.: «Нэмыцэхэр къэк1уа нэужьым, абы хуэдэу къуажэр нэщхъей ик1и нэщ1 хъуат»; «Мэкъуп1эр, гъавэ щ1ап1эм пэмыжыжьэу щылыр, куэншыбк1э ягъэпшэращ».

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Какие языковые факты создают точки интерференции?
2. Как можно использовать транспозицию для достижения наилучшего педагогического результата в обучении второму неродному языку?
3. Как вы относитесь к билингвальному обучению и использованию результатов сопоставительной грамматики русского и кабардино-черкесского языков? Подготовьте аргументированный ответ от группы.
4. С чем связаны распространенные речевые ошибки учащихся, типа «машина шла», «чтобы вы всегда стояли под зонтом своих старших», «получил работа», «танцует красивая», «суп кушаю», «по веревке идет ток», «пчела ударила», «человек каждый счастья хочет», «купил дом большой».
5. Сравните семантическое поле слов «время» и «гъэ». Найдите их отличительные особенности.
6. Постройте в группах интеллект-карту к слову «счастье». Поделитесь друг с другом получившейся картой и ответьте на вопросы: у всех получился одинаковый ассоциативный ряд? Почему?

7. Каковы самые характерные отличительные особенности кабардинской грамматики от русской?

8. Воссоздайте ассоциативное поле к слову «свадьба», «хьэгьуэл1ыгьуэ».

Заключение

Русский литературный язык охватывает тысячелетний период культурной истории русского народа. Русский литературный язык древнейшей поры формировался со времени появления первых известных науке литературных памятников в Киевской Руси – раннефеодальном древнерусском государстве IX–XII вв. Характерной особенностью русского языка как исторического процесса является важная роль в нем старославянского языка – древнейшего литературно-письменного языка славян, на котором были написаны памятники X–XI вв., продолжавшие литературные традиции переведенных с греческого языка христианских церковных книг. Славянизмы, особенно в области лексики и семантики, всегда были и продолжают оставаться существенной частью стилистико-изобразительных богатств и возможностей русского литературного языка.

Однако эта роль как непосредственного и живого источника обогащения русского литературного языка с течением времени постепенно ослабевала и практически сошла на нет к XVII в. – времени распада двуязычного параллелизма. Одновременно возрастало влияние древнерусского народного языка на формирование русского литературно-письменного языка. Ко времени начала формирования русского литературного языка народный язык восточных славян уже был достаточно развит и богат фольклорными традициями. Это обстоятельство, а также генетическая близость старославянского и древнерусского языков ускорили и облегчили формирование древнерусского литературного языка.

Первые два периода русский язык (литературный язык Киевской Руси и литературный язык Московской Руси) представляют собой не что иное, как выражение процесса творческого взаимодействия на восточнославянской языковой почве двух языковых стихий – древнерусской и старославянской. Такое взаимодействие стало главным содержанием в становлении и развитии русского литературного языка древней (донациональной) эпохи.

В XIV в. на территории бывшей Киевской Руси из единой восточнославянской (древнерусской) народности выделяются три народности: русская, украинская и белорусская. Соответственно начинают оформ-

ляться русский, украинский и белорусский языки. Это событие становится принципиально важным, поворотным этапом для всех трех восточнославянских литературных языков, история которых с того времени начинает идти уже своими самостоятельными путями.

Для третьего периода – переходного от языка народности к национальному языку (середина XVII – середина XIX в.) – характерна тенденция к фонетическому, лексико-семантическому и грамматическому единству не только собственно литературного языка, но и языка общенародного, в котором диалекты постепенно начинают перемалываться и растворяться в литературном языке, все с большей ясностью выступающем с этого времени как ведущая и наиболее авторитетная форма существования общенародного языка. Применительно к литературному языку названный процесс самое яркое и наиболее полное свое выражение нашел в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755).

Четвертый (и ныне продолжающийся) период – это период русского языка, как языка межнационального общения. Окончательное формирование русского литературного языка как языка национального связано с именем А. С. Пушкина, в творчестве которого, а также в деятельности представителей последующих поколений русской художественной классики русский литературный язык предстает как один из литературных языков современной науки, культуры, цивилизации.

Для современной русистики применительно к четвертому периоду важно разграничивать два понятия: национальный русский литературный язык и современный русский литературный язык. Оба понятия располагаются на общей шкале исторического времени, но по-разному, так как имеют разные точки отсчета и прямо противоположные направления процесса данного отсчета. Для первого понятия такой точкой отсчета является время формирования национального литературного языка; для второго – актуальное историческое время, т. е. время жизни самого исследователя, по отношению к которому, а также по отношению к его современникам литературный язык признается современным. Отметим еще одно различие между двумя указанными понятиями: неподвижность точки отсчета для определения понятия национального языка и постоянное перемещение такой точки для определения современного литературного языка по мере самого хода исторического времени.

Современное состояние русского литературного языка – не только итог его истории, но и ее продолжение, исходный момент ее последующего движения.

Советская эпоха – важный этап в развитии русского литературного языка. Первые советские десятилетия активизировали распространение литературного языка в массах русских людей, расширили и демократизировали состав его носителей, несколько упростили его нормы (особенно в орфографии и орфоэпии), избавили лексику от исторических архаизмов, обогатили ее неологизмами – яркими языковыми приметамии новой жизни.

Наряду с этими позитивными изменениями русский литературный язык претерпел и отрицательные процессы, которые были вызваны прежде всего драматическими событиями в длительный период сталинской тирании и в последующие годы застоя. Как средство общения русский язык был до крайности идеологизирован и по существу превращен в проводника так называемого «советского образа жизни». Русская советская литература не смогла в достаточной мере преградить путь агрессивному проникновению безликой словесной казенщины в средства массовой информации, а также в повседневную речь советских людей, поскольку идейно-эстетические достоинства словесно-художественных произведений оценивались лишь с позиций властных интересов партийно-бюрократической верхушки. Эстетическое начало в русском литературном языке, доставшееся в наследство от великих традиций русской художественной классики, размывалось в нем казенной фразеологией, речевыми штампами, бездуховностью, забвением, человеческого фактора, непризнанием самооценки человеческой личности.

Демократизация разных сторон жизни, поворот к общечеловеческим ценностям и социальной справедливости постепенно, еще очень медленно, освобождают его от социальных недугов. Одновременно эти процессы оказывают свое влияние и на жизнь русского литературного языка. Актуализируются в наши дни такие издавна известные, но до самого последнего времени потускневшие слова, как крестьянин, крестьянство, милосердие, благотворительность, человечность. Приобретают вторую жизнь и начинают все актуальнее употребляться, но уже применительно к реалиям современной жизни, слова муниципалитет, муниципальный (муниципальный университет), лицей, гимназия, президент (в значениях

«глава советского государства» и «глава союзной республики»), мэ́р, парламент, парламентарий, ферма, фермер, спонсор, акции (ценные бумаги), акционерное общество, рынок, биржа и т. д.

С официальным введением в стране понятия «государственный язык» применительно к литературным языкам союзных республик роль русского языка в стране тем не менее нисколько не снизилась, ибо он по-прежнему (теперь уже официально) выступает в роли языка межнационального общения.

С развитием русского литературного языка тесно связано развитие национальных литературных языков, в частности кабардинского и балкарского. Исторические судьбы, объединяющие Россию и Кабардино-Балкарию, общность политических, экономических и социальных перемен обусловили тесные взаимосвязи как на лингвистическом, так и на литературном уровнях. Благодаря им лексика кабардино-черкесского языка обогатилась неологизмами, фразеологизмами. В русском языке произошли такие же изменения, он обогатился регионализмами. В современных условиях функционирования русского языка как государственного важное значение приобретает обращение к сопоставлению, выявлению общностей и особенностей изучаемых языков как новому способу формирования языковой личности. Реализация ФГОС способствует развитию билингвального обучения, при котором следует искать новые методы эффективного, функционального изучения языков в общеобразовательной организации с опорой на этнокультурные особенности учащихся. Особенно интересной становится наблюдение за переводом художественных произведений и оформлением кабардинской, балкарской мысли в русскую речь. Здесь и всплывают этнокультурные особенности учащихся в кабардинской или в балкарской школе.

Благоприятные условия создаются современной национальной политикой РФ. Знание истории развития национальных языков республики Кабардино-Балкария, истории развития национальной политики в РФ помогают нам по достоинству оценить и понять современную этнокультурную политику нашего государства. Учитель становится транслятором этой политики. Поэтому ему очень важно овладеть результатами сопоставительно-типологической характеристики изучаемых государственных языков и уметь ими пользоваться для достижения личностных, метапредметных, предметных результатов.

Список использованной литературы

1. Абаев В. И. Понятие идеосемантики. // Язык и мышление. / И.И. Мещанинов. М., Л.; 1948, вып.11.
2. Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь, 1998.
3. Алпатов В. М. Языковая политика в РСФСР: 1918-1991 // *Reslinguistica*. М., 2000.
4. Алпатов В. М. Языковая ситуация в регионах современной России // *Отечественные записки*. 2005. № 2.
5. Апажев М.Л. Вопросы влияния русского языка на кабардинский язык. Нальчик, 1963.
6. Апажев М.Л. Проблемы кабардинской лексики. Нальчик, 1992.
7. Балашев И. О национализме вообще и в частности о русском. СПб., 1911.
8. Бандурка А.М., Бочарова С.П., Землянская Е.В. Психология управления. Харьков, 1998.
9. Бауер О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.
10. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999.
11. Бгажноков Б.Х., Шогенов А.А. Кризис национальных языков в России. // *Языки народов России: перспективы развития*. Элиста, 2000.
12. Блейх Н.О. Социокультурные аспекты развития просветительства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII - начало XX вв.), М., 1999.
13. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.1,2. М., 1963.)
14. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. М., 1981.
15. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
16. Булдаков В.П. XX век в истории России: имперский алгоритм? // *Межнациональные отношения в России и СНГ*. М., 1994. Вып. 1.
17. Быстрова Е.А. Преподавание русского языка в современной национальной школе. Нальчик, 1996.
18. Быстрова Е.А. Теоретические основы обучения русской фразеологии в национальной школе. М., 1985.
19. Верещагин Е.М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
20. Верещагин Е.М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: 1990.
21. Гачёв Г. Д. О национальных картинах мира // *Народы Азии и Африки*. 1967. №1.
22. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М., 1999.

23. Гумбольдт В.О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [1830-1835] //Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
24. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002.
25. Дмитриев А.В. Этнический конфликт: теория и практика. М., 1998.
26. Дьячков М.В. Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. М., 1996.
27. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995, № 9.
28. Загаштоков А.Х. Лингводидактические проблемы обучения русскому языку учащихся начальных классов национальных (кабардинских) школ. Нальчик, 1999.
29. Загаштоков А.Х. Сопоставительно-типологическое описание русского и кабардино-черкесского языков в учебных целях. Для преподавателей высших и средних специальных учебных заведений. Нальчик, 2009.
30. Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России на современном этапе. // М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70 - летию академика В.А. Тишкова; Ин - т этнологии и антропологии им. Миклухо - Маклая РАН. М., 2011
31. Зорин В.Ю. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М., 2012.
32. Иванов К.П. Проблемы этнической географии. СПб., 1998.
33. Иванова Н.В. Этническая идентичность и особенности ее формирования в полиэтнической городской среде. <http://lib.sale/antropologiya - istoriya/ivanova - etnicheskaya - identichnost - osobennosti - 41219.html> (Дата обращения: 12.06.2016).
34. Игнатов В.Г. Технологии управления этнополитическими процессами в Северо-Кавказском регионе./ Игнатов В.Г., Хоперская Л.Л., Понедельников А.В. и др. Ростов н/Д., 1999.
35. Ильин И.А. Наши задачи, в 2-х томах. М., 1992. Т. 1.
36. Ионин Л.Г. Культурный шок: конфликт этнических стереотипов // Психология национальной нетерпимости. Минск, 1998.
37. Казаков Х.М. Национальный характер как фактор исторического процесса // Философия и социология: Научный и общественно-теоретический сборник. Майкоп, 1996.
38. Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М., 1999.
39. Койше К.К. Современные миграционные процессы как фактор «лингвистической войны» на новом этапе развития РФ. Вестник югорского государственного университета, 2015 г. выпуск 1 (36).

40. Кон И. Психология предрассудка // Психология национальной нетерпимости. Минск, 1998.
41. Кругов М. Технология власти. Мифы и реальность России. М., 1997.
42. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998.
43. Лыков А.Г. Введение в историю русского литературного языка. Ростов-на-Дону, 1992.
44. Мартыненко К.М. Этнополитология. Краснодар, 1999.
45. Мартынова М.Ю. политика государств Европы в сфере защиты прав этнических меньшинств // Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998.
46. Медем В.К. К постановке национального вопроса в России // Вестник Европы. СПб., 1912. № 8.
47. Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.
48. Наумова Н.И. Национальная политика в России: история и современность. – М.: Русский мир, 1997.
49. Национальная политика в Императорской России. Поздние первобытные и раннеклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки. М., 1998.
50. Национальные отношения: Словарь. М., 1997.
51. Плетнев П.А. Переписка Я.Т. Грота с П.А. Плетневым. Т.11., СПб, 1896.
52. Поздняков Э.А. Философия политики. Ч. 2. М., 1994.
53. Постановление правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 года N 718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 - 2020 годы)» (с изменениями на 25 мая 2016 года)
54. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2013 г. N 2506-р «Об утверждении Концепции Концепцию развития математического образования в Российской Федерации»
Url.<http://rg.ru/2013/12/27/matematika-site-dok.html> (Дата обращения: 14.05.2016).
55. Саенко А.А. Политическая культура как фактор становления национального самосознания // Национальная психология. Днепропетровск, 1992.
56. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
57. Солоневич И. Народная монархия. М., 1991.
58. Сорокин П. Национальный вопрос как проблема социального неравенства // Психология национальной нетерпимости. Минск, 1998. С. 262.
59. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.

60. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.– 135 с
61. Тирба И. Солнце встает у нас.- М., 2010.
62. Трир И. Неполное совпадение по семантическому наполнению или по широте отнесенности соэквивалентных для сопоставляемых языков понятий. М., 1967.
63. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521> (Дата обращения: 07.07.2013)
64. Формирование этнокультурного единства в условиях многонационального состава населения <http://фцпря.иро23.рф/сообщества/формирование-этнокультурного-единств/>
65. Хабсбаум Э. Нации и национализм после 1870 г. СПб., 1998.
66. Шанский Н.М. Сопоставительное изучение языков и обучение русскому языку нерусских. // III Международный симпозиум по преподаванию русского языка в финно-угорских школах. Таллин, 1978.
67. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – 3-е изд., испр. и дополн. – М.: Высш. шк., 1985.
68. Шевкуленко Д.А. Межнациональные отношения в России (вторая половина XVI – начало XX вв.). Самара, 1999.
69. Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов н/Д., 1994.
70. Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Русский язык в школе. 1996.– №4.
71. Шнайдер В. Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М., 2012
72. Якущева Л.В. Этнос. Народ. Нация. Владимир, 1998.

В. А. Кумпан, И. К. Инчиева

**ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ КАВКАЗА В
РОССИИ (КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА)**

Учебно-методическое пособие

Сдано в набор 00.11.2016. Подписано 00.11.2016
Формат бумаги 60x84 Бумага офсетная.
Уч. изд. л 8.3 Тираж по согласованию (электронная версия).
Отпечатано: 350080, г. Краснодар, ул. Сормовская, 167,
ГБОУ ИРО Краснодарского края,
редакционно-издательский отдел.